

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Institute for Bible Translation

Родной язык

Лингвистический журнал

Rodnoy Yazyk

Linguistic Journal

№ 1

Москва, 2020

ISSN 2313-5816
DOI 10.37892/2313-5816-2020-1
УДК Эдельман 811.221.3
Долгова 811.512.111
Додыхудоева 811.221.3
Дыбо 811.512.15
Пономарева 811.511.13
Агранат 811.511.11
Кондаков 811.512.37
Рисслер 811.511.12

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. М. Алпатов, М. Беерле-Моор, А. В. Дыбо, А. А. Кибрик, М. И. Магомедов,
***К. М. Мусаев**, Г. Ц. Пюрбеев, М. З. Улаков, Ф. Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Б. Агранат (главный редактор), А. Н. Биткеева, Т. Вьер, А. Вио,
В. Ю. Войнов, К. Т. Гадилия, Т. А. Майсак, О. А. Мудрак, Ю. В. Псянчин,
М. Рисслер, Е. Л. Рудницкая, М. Ш. Халилов, Д. Эршлер,
С. М. Ярошевич (ответственный секретарь)

Редактор *Т. О. Майская*
Верстка *О. Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии
Тел.: (495) 956-64-46
Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

V. M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A. V. Dybo,
*F. G. Khisamitdinova, M. I. Magomedov, **K. M. Musaev**,*
G. Ts. Pyurbeev, M. Z. Ulakov

EDITORIAL BOARD

T. B. Agranat (editor-in-chief), A. N. Bitkeeva, D. Erschler, K. T. Gadilia,
M. Sh. Khalilov, A. A. Kibrik, T. A. Maisak, O. A. Mudrak, Yu. V. Psyanchin,
M. Rießler, E. L. Rudnitskaya, A. Viaut, V. Yu. Voinov, Th. Wier,
S. M. Yaroshevich (editorial secretary)

Editor *T. O. Mayskaya*
Typesetting *O. G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334
Tel.: (495) 956-64-46
Internet: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

Язык и социум *Language and society*

- Эдельман Д. И.* О развитии письменности и литературы на памирских языках (новые шаги)
Edelman J. I. New developments in the writing systems and literatures of the Pamir languages 6
- Долгова А. П.* Об изменениях в ситуации с родными языками в школах Чувашии: взгляд из региона
Dolgova A. P. The changing situation with native languages in the schools of Chuvashia..... 25

Этнолингвистика *Ethnolinguistics*

- Додыхудоева Л. Р.* Волшебная сказка «Водарег» в иранском фольклоре Центральной Азии: тексты и структура повествования. Часть 1.
Dodykhudoeva L. R. The “Vodaregh” fairy-tale in the Iranian-language folklore of Central Asia: Texts and narrative structure (part 1) 49

Диалектология *Dialectology*

- Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В.* Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шорско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)»

<i>Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovitch A. V.</i> A dialectological questionnaire for a pilot study on isoglosses in the Turkic “Z” group spoken in the Khakas-Shor-Chulyum area.....	86
--	----

Лексикология и лексикография
Lexicology and lexicography

<i>Пономарева Л. Г., Грейдан А. В.</i> Религиозная лексика в коми-пермяцких рукописных словарях 1785 года и особенности её употребления в современном коми-пермяцком языке <i>Ponomareva L. G., Greidan A. V.</i> Religious vocabulary in the Komi-Permyak manuscript dictionaries of 1785 and features of its use in the modern Komi-Permyak language	120
--	-----

Языковые контакты
Language contact

<i>Агранат Т. Б.</i> Контакты в Ингерманландии в прямом наблюдении <i>Agranat T. B.</i> Direct observation of language contact in Ingria	172
--	-----

Лингвистические аспекты перевода Библии
Linguistic aspects of Bible translation

<i>Кондаков А.</i> Гоноративная лексика в переводе Нового Завета на калмыцкий язык А. М. Позднеева <i>Kondakov A.</i> Honorific vocabulary in the Kalmyk New Testament translation by A. M. Pozdnev	190
--	-----

Памяти ученого
In memoriam

<i>Рисслер М.</i> Римма Дмитриевна Куруч (1938–2019) <i>Rießler M.</i> Rimma Dmitrievna Kuruch (1938–2019)	219
---	-----

Рецензии**Reviews**

Вахрушева Л. В. Рецензия на словарь: *Л. М. Ившин и др.*
Русско-удмуртский словарь: В 2 т.

Vakhrusheva L. V. Review of *L. M. Ivshin et al.* Russian-Udmurt

Dictionary. 2 Vols..... 230

***О развитии письменности и литературы
на памирских языках (новые шаги)
New developments in the writing systems and
literatures of the Pamir languages¹***

Эдельман Д. И.

Edelman J. I.

В статье рассматриваются издания последних лет, связанные с развитием письменности и литературы на двух языках Памира: язгулямском и шугнанском. Рассказывается о создании алфавита для язгулямского языка и о публикации на нем первых образовательных книжек. Рассматривается первая монография об авторской поэзии на языках шугнано-рушанской группы. Особое внимание уделено первому роману на шугнанском языке, который демонстрирует сплав элементов фольклора и результатов влияния мировой литературы в сюжетных линиях, языке и стиле.

Ключевые слова: родной язык, письменность, алфавит, литература, первый роман, Памир

The present paper focuses on recent publications on the formation of writing systems and literature in two Pamir languages: Yazghulami and Shughni. It describes how an alphabet was created for the Yazghulami language and how the first educational books in this language were published. The article also tells about the first monograph study on native poetry in the languages of the Shughni-Rushani group. Special attention

¹ Работа выполнена по госзаданию № 0182-2018-0004 «Ключевые проблемы типологического и сравнительно-исторического описания романских, германских, иранских, кельтских и древнеиндоевропейских языков. Индоевропейские языки в синхронии и диахронии: динамика структурного развития, язык и культура, язык и общество».

is paid to the first novel in Shughni, with its plotlines, language and style heavily influenced by both folklore elements and world literature.

Key words: Pamir languages, Yazghulami, Shughni, writing systems, alphabets, literature, novels

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-6-24

В 2016 г. я писала о становлении письменности и литературы на памирских языках, главным образом на шугнанском языке как наиболее распространенном, об этапах и трудностях этого процесса, о создании современного шугнанского алфавита и об изданных в начале XXI в. первых детских книжках, которые могут послужить образцом для разработки алфавитов и подготовки аналогичных образовательных книг на других памирских языках; в частности, указывалось что были опубликованы аналогичные книжки на рушанском и ваханском языках [Эдельман 2016: 87–113].

В последние годы предприняты новые шаги в процессе развития письменности и литературы на Памире. Хотелось бы отметить два события, произошедших параллельно в ходе этого процесса: первый — пополнение в сфере создания алфавитов для памирских языков и в составлении детских образовательных книжек; второй — появление новых работ, связанных прямо или косвенно с литературой на шугнанском языке и с проблемами, с одной стороны, нормирования шугнанского литературного языка, с другой — с функционированием шугнанского языка в условиях глобализации и миграции.

I. Расширение списка языков, для которых создан алфавит и изданы образовательные книжки

Как уже говорилось в предыдущей статье, наилучшим из созданных алфавитов для памирских языков представляется, с лингвистической и образовательной точек зрения, шугнанский: он сформирован на базе таджикского алфавита, который содержит буквы для обозначения звуков и фонем,

имеющихся в таджикском и памирских языках, но отсутствующих в русском. Это удобно для обучения, поскольку ныне таджикский алфавит знаком на Памире каждому, так как школьное обучение ведется на таджикском языке. Шугнанский алфавит дополнен латинскими и греческими буквами для обозначения звуков, отсутствующих в таджикском языке, но имеющихся в языках Памира; используются также отдельные знаки международной иранистической транскрипции и диакритики. Соблюдается принцип «1 фонема = 1 буква», без диграфов, которых нет и в таджикском алфавите. По этой же схеме тогда же был создан алфавит для рушанского языка.

Методика подготовки первых образовательных книжек на шугнанском языке тоже была тщательно разработана: они снабжены учебной таблицей алфавита, где к каждой букве приводился пример: слово на родном языке и его перевод на таджикский и русский. Большинство книг было двуязычно: на каждой странице к тексту на родном языке давался таджикский перевод. Книги издавались усилиями общественных просветительских организаций Памира: «Нур» («Свет») и «Нилуфар», при международной поддержке.

В 2018 г. организация «Нур» обратилась ко мне с просьбой разработать и прислать им алфавит для язгулямского языка. Этот алфавит я составила по тому же принципу, что и алфавит для шугнанского языка. Он тоже базируется на таджикской графике с дополнением латинских и греческих букв и диакритик из международной иранистической транскрипции.

В ходе работы над этим алфавитом были проблемы, связанные с тем, что надо было в облике некоторых букв графически отразить определенные фонетические элементы, являющиеся спецификой фонетики и фонологии язгулямского языка, в отличие от других памирских языков и от таджикского. Суть этой специфики в следующем.

Во-первых, в консонантной системе язгулямского языка имеются «резонансные» серии согласных: палатализованные и лабиализованные. Практически здесь налицо триады согласных

фонем, типологически сходные с реконструированными индоевропейскими тройками: «палатализованный — простой — лабиализованный». Я предложила обозначить изображения первой и третьей серии диакритиками, как в международной иранистической транскрипции: палатализацию знаком «штрих» над буквой, лабиализацию — поднятым и сдвинутым вправо кружком (сдвинутость кружка имеет смысл как для удобства написания и набора, так и для того, чтобы не было путаницы со знаком палатализации, если при беглой ручной записи диакритика написана небрежно).

Во-вторых, в составе язгулямского вокализма имеется гласная фонема, представленная звуками широкого диапазона: нейтрального или среднего ряда (с возможными продвижениями вперед и назад) и от 2-й до 5-й степени подъема. В фонологической транскрипции она обозначается знаком «ə» («шва»). Такой фонемы нет ни в таджикском, ни в шугнанском, и соответственно нет такой буквы в их алфавитах. Поэтому язгулямцы, грамотные по-таджикски, не воспринимают эти звуки как значимые, а при попытке написания слов с этой фонемой просто пропускают ее изображение, реализуя как бы «консонантное» письмо. В предложенном язгулямском алфавите эта фонема изображена так же, как в международной иранистической транскрипции: знаком «ə» («шва»).

Учебная таблица алфавита для язгулямского языка составлена так же, как таблица для шугнанского: к каждой букве приведен пример язгулямского слова, имеющего данную букву, и перевод слова на таджикский и русский языки, чтобы избежать его неверного отождествления.

В 2019 г. на этом алфавите изданы четыре детские книжечки язгулямского поэта с текстами на язгулямском и таджикском языках, по образцу шугнанских образовательных книжек. В начале каждой книги приводится таблица алфавита с примерами язгулямских слов с их таджикским и русским переводами, а в книге на каждой странице дается язгулямский текст и его перевод на таджикский язык. Подготовка этих книг

потребовала коллективных усилий: литературного редактора А. М. Алиева, научного редактора Л. Р. Додыхудоевой и научного консультанта Д. И. Эдельман. Это книги [Хабиров Шерата рэпц 2019] (Сказка «Лев и лиса»); [Хабиров Чистонаб 2019] (Загадки); [Хабиров Исоб 2019] (Счёт); [Хабиров Зарбэлмасален 2019] (Пословицы). Их опубликовали общественные просветительские организации Памира: «Нур» («Свет») и «Нилуфар», при международной поддержке (The Christensen Fund).

Приложение 1. Учебная таблица алфавита с примерами язгулямских слов и с их переводом на таджикский и русский языки на обороте обложки книги [Хабиров Исоб 2019].

АЛИФБОИ ЯЗГУЛОМӢ				
Aa аз-ман-я	Āā нӓн-модар-мама	Bb бабан-зин-седло	Vv ваз-вуз-коза	Ww вурӯӯ-як-один
Gg гаџт-гӯшт-мясо	Ĝĝ гачаг-духтарча-девочка	Ḡḡ баџон-пуштисар-затылок	Ff габаг-писарча-мальчик	Fḡ г'аџт-ангушт-палец
Ŷŷ џанзир-занҷир-цепь	Dd дуф-домра-бубен	Δδ бар-дур-далеко	Ee дед-падар-отец	Əə коп-санг-камень
Жж џуъ-џандуъ-пшеница	Зз зоъ-остин-рукав	Зз зӯг-сурох-дыра	Ии миф-рӯз-день	Йй йӯрџ-хирс-медведь
Кк куд-хона-дом	Кк кӓр-кор-работа	Кк° куд-саг-собака	Ққ кавад-курта-платье	Ққ° кӓром-саитра-каменная осель
Лл лап-бисёр-много	Мм маден-миён-талия	Нн набес-набера-виук	Оо оинак-оина-зеркало	Пп пей-пой-нога
Рр рохи-сафед-белый	Сс сафч-шадда-бусы	Тт тагд-тез-острый	Уу увад-хафт-семь	Ӱӱ бӯсада-десять
Фф фонус-фонус-фонарь	Өө өан-оташдон-очаг	Хх хаса-хуб-хороший	Хх° хӓраг-гуурусна-голодный	Ӧӧ Ӧер-деха-село
Ӧӧ° Ӧӓн-арақ-пот	Чч чӓм-чашм-глаз	Чч чет-муъ-волосы	Шш шамол-бод-ветер	Цц цӓбм-яшпон-полынь

Приложение 2. Страница 6 из книги [Хабиров Исоб 2019].

Тем самым язгулямский язык в процессе создания письменности и литературы проделал первую ступень того пути, который раньше прошел шугнанский.

II. Новое в шугнанской литературе и проблемы литературного языка

Проблемы шугнанского языка в эти годы были связаны с дальнейшим развитием шугнаноязычной литературы, с научным осмыслением литературного процесса и с функционированием этого языка в условиях глобализации.

В 2017 г. издано первое монографическое исследование возникновения и формирования авторской поэзии на памирских языках, главным образом на языках шугнано-рушанской группы, в основном — на шугнанском [Охонниёзов 2017]. В этой книге содержится не только литературоведческий анализ процесса становления шугнанской литературы с самых ранних памятников, но и история поэтических стилей, связанная в конечном счете с разработкой литературного нормированного языка. Книга была написана в основном в конце 90-х гг. XX в., но существенно доработана и дополнена уже в наше время. Автор подводит итог достижений литературы XX в., который прошел, главным образом, как век становления и развития письменной шугнанской поэзии (крупные непере译ные произведения художественной прозы в эти годы еще не публиковались). Отдельную ценность книги В. Д. Охонниёзова составляют приложенные к ней лучшие образцы поэтических текстов, практически это целая хрестоматия поэзии XX в. и начала XXI в. [Охонниёзов 2017: 175–327].

Из значимых моментов исследования автора можно отметить следующие.

В 70–80 гг. XX в. в литературу приходит группа двуязычных поэтов, которые писали по-таджикски и по-шугнански, но поскольку шугнанские тексты не печатались, это был период публикации таджикоязычной поэзии шугнаноязычных поэтов. При этом стихи на шугнанском языке писались; они были опубликованы позднее, иногда с указанием даты написания (весьма впечатляющей). Для некоторых поэтов запрет на публикацию стихов на родном языке был трагедией, о чем говорил позднее поэт и просветитель Н. Шанбезода, см. [Каландаров 2018: 168]. В тот же период много усилий прилагалось к стихотворному переводу на шугнанский язык произведений поэтов разных стран, благодаря чему шугнанские поэты знакомились с мировой литературой и развивали художественные поэтические выразительные средства родного

языка. Переводились произведения классической персидско-таджикской и современной персидской литературы, произведения писателей России, Японии, Китая, Америки, Франции. Все это расширяло кругозор шугнаноязычных писателей и развивало их литературное мастерство.

Анализ художественных приемов, разрабатываемых в переводной и собственной поэзии данного периода представлен в [Охонниёзов 2017: 96–100]. Результаты всех этих достижений, естественно, далеко не сразу становятся достоянием читателей: опубликованы они будут значительно позднее, в конце XX – начале XXI в., когда шугнаноязычная литература выйдет из-под запрета.

Интересно, что уже в 70–80 гг. XX в. разные сферы общения и культурные контакты того или иного поэта в какой-то мере стимулировали их различные стихотворные предпочтения, различный творческий почерк.

Так, стихи многих поэтов этого периода были оформлены по высоким канонам классической персидской литературы, начало чему заложил еще в 1930-е гг. Н. Шанбезода. Об освоении этого жанра свидетельствуют как переводы на шугнанский язык произведений классической персидской литературы, так и собственные поэтические сочинения на шугнанском языке, построенные по классическим канонам. В частности, в исследовании В. Охонниёзова отмечается, что собственные шугнанские стихи поэта Ато Мирходжа безупречны с точки зрения классического размера — аруза, который базируется на чередовании долгих и кратких слогов, что для шугнанского языка очень непросто (для фольклорной поэзии была характерна силлабика); в его стихах соблюдаются также правила классических рифмы и редифа [Охонниёзов 2017: 134]. Он и другие последователи «классического» направления Н. Шанбезода проявили себя уже в первых небольших газетных и немногих книжных публикациях, где печатались газели с каноническими рифмами, рефренами и именем или псевдонимом автора в последнем бейте (двустииши),

публиковались рубаи с определенными рифмами и соответствующим «философским» содержанием и т. д.

Многие другие стихи и песенные тексты написаны в те же годы в стиле современной русской и европейской поэзии. Из поэтов, ярко вошедших в шугнанскую литературу в этот период, следует особо отметить Алидоншо Шохрахматуллоева, печатавшего стихи под псевдонимом Лидуш Хабиб. Сборник его стихов под названием «Дарёта тизд» («Река течет»), который упоминался раньше [Хабиб 1991], включает стихи, написанные в 1982–1983 гг., когда поэт учился в Педагогическом институте г. Самары и, по словам автора предисловия к этому сборнику, там же начал впервые петь свои песни под гитару. Не уделяя чрезмерного внимания выработке формы, он очень точными словами и оборотами передает глубокое эмоциональное содержание стихов, будь то лирические или публицистические тексты (об этом также см. [Охонниёзов 2017: 131]). Это неудивительно: в начале 80-х гг. молодежь во всех городах активно слушала записи Окуджавы, Высоцкого (а некоторые и Галича), и идеи «авторской песни», «бардовской песни» носились в воздухе. Сильное эмоциональное содержание песен-стихов Лидуша Хабиба оказало большое влияние на шугнанскую молодежь. Это нашло отражение впоследствии в первом (и пока единственном) романе на шугнанском языке, о котором речь пойдет ниже. Теперь изданы стихотворные переводы на русский язык образцов его поэзии [Хабиб, Неккадамов, Гулям 2019], что даст возможность оценить его творчество широкому кругу читателей.

Двадцать первый век внес в шугнанскую литературу принципиально новые направления, повлиявшие и на язык.

В 2017 г. сделан совершенно новый шаг в развитии шугнанской художественной прозы и шугнанского литературного языка: впервые в истории на шугнанском языке написан и издан роман. Этот роман Худобахша Худобахшова «Зиндаги аз нав ца сўд сар» («Если бы жизнь началась заново»), изданный в г. Хороге [Худобахшов 2017], — наглядное свидетельство роли

живых культурных контактов шугнанской интеллигенции с самыми разными традициями Запада и Востока, трансфера идей, которые отразились в художественной прозе. Эти контакты и усвоение культурной почвы, глубоких философских мыслей ощущаются, с одной стороны, в литературном аспекте романа: в его сюжетных линиях, в художественных приемах, в формировании образов, а с другой — в языковой характеристике: в инновациях, включающих не только лексику и фразеологию, но и опыт выработки некоторых черт литературного прозаического языка, отличного от разговорного и фольклорного, во всяком случае в области синтаксиса. При этом большую роль в романе играют и памирские фольклорные традиции, выраженные в некоторых литературных приемах и даже в определенных фразеологических оборотах. В качестве заглавия романа вынесена фраза, представляющая собой первую строку стихотворения-песни поэта Лидуша Хабиба, о котором говорилось выше, причем глубокий смысл этой фразы выступает на поверхность к концу романа. Налицо прямая литературная преемственность. В результате роман представляет собой интересный художественный литературный сплав, созданный интеллигентным и широко образованным автором на родном шугнанском языке. Поскольку роман — совсем новое явление в шугнанской литературе, имеет смысл рассмотреть его внимательно.

В предисловии автор говорит о ценности памирских языков и задается вопросом: что он сам может сделать, чтобы помочь родному языку? Отсюда его намерение написать книгу на шугнанском языке. И еще его цель, сформулированная им там же, чтобы «... у наших памирцев были наши Лейли и Меджнун или Ромео и Джульетта. Но не похожие на них, а чисто наши, памирские» (с. 4, здесь и далее крупные фрагменты текста привожу в переводе).

В тексте романа выражены идеи, которые могли быть навеяны самыми разными гуманистическими традициями. Основная мысль, реализованная в сюжете романа и

сформулированная затем в его заключительной части (с. 159) и в послесловии (с. 164) в виде «кредо» автора, — гимн Любви, как большой Любви героев романа, так и в целом Любви и Доброты к людям. В некоторых местах в романе, в речах героев и в авторском тексте эта идея формулируется почти как цитаты из Послания Павла к Коринфянам.

Сплав идей мировой литературы и местных фольклорных и этнических традиций виден по всему ходу сюжета. Так, встрече героев предшествует вещий сон героини, Алийи (в памирских сказках обычно не героиня, а герой видит вещий сон или портрет героини). Дальше — любовь с первого взгляда и решение быть вместе, но опасение, что ее родители будут против: она студентка, ей надо закончить учебу. Тогда герой, Барзу, решает: мы поступим, как Ромео и Джульетта. Следует тайное венчание у местного *халифы* (священнослужитель у исмаилитов Памира). Затем по сюжету следует много злоключений героев: тут и козни недругов (включая ложное обвинение героя в убийстве), и клевета злых людей, желающих рассорить героев, и попытка злодея умыкнуть Алийю и увезти ее в Афганистан, однако Барзу рискуя жизнью спасает ее. Представлены и погоня на автомобилях, и прыжок с горы в реку, что отсылает уже к приемам современных приключенческих фильмов. Наши герои выдерживают все эти испытания.

Однако главная идея автора становится явной в последней четверти романа. Здесь описание событий принимает постреалистический, скорее символический характер, это уже практически не роман, а сценарий для фильма или современной пьесы без декораций. Герои вместе с друзьями едут в машине, в руках Алийи роза, которую ей только что подарил Барзу. Подъезжают к дому ее тети, к которой она собиралась зайти. Она открывает дверцу машины, выходит, и тут же рядом раздается шум шин, визг тормозов и какая-то чужая машина с пьяным водителем на скорости сбивает ее и врезается в стоящие у дороги деревья. Она погибла. Затем

элегия — плач Барзу (прекрасный поэтический текст, идущий от фольклора и женского оплакивания) и его дальнейшие мытарства и гибель от людской несправедливости.

Далее — хождения души Алийи: она в раю, молит Бога отпустить ее к Барзу, который в аду. Отвечающий ей Голос приводит философские соображения о том, что представляется возможность попасть из ада в рай, но никто еще не шел обратным путем. Алийя продолжает умолять, ссылаясь на то, что Праматерь Ева покинула рай, и, значит, есть такой путь. В результате она выходит из рая, спускается в ад, спорит там с шайтаном и находит наконец Барзу. Автор не упоминает миф об Орфее, но он напрашивается. Теперь наши герои вместе, и Голос возвещает, что ключи от дверей рая — Любовь и Доброта, которые спасают из ада и делают жизнь людей раем. Становится ясно, что Он отпускает их.

Это ключевой момент, в котором автор применяет прием, известный по пьесе Дж. Пристли «Опасный поворот». С него начинается другой вариант сюжета. Алийя слышит последние слова Голоса и затем просыпается: она по-прежнему сидит в машине, вместе с Барзу и друзьями, в руках у нее та же роза. Она опять собирается выйти из машины, но ее задерживает телефонный звонок с неизвестного номера, они вместе с Барзу слушают в телефоне мелодию песни поэта Лидуша Хабиба «Если бы жизнь началась заново» и неясный детский голосок. И в следующий момент мимо, не задев их, промчалась на большой скорости та чужая машина и врезалась в деревья. Жизнь наших героев началась заново. Затем — сцена свадьбы, happy end.

Как во многих народных сказках и литературных повествованиях, включая религиозные, в роман включена вставная притча. Здесь ее рассказывает мудрый дедушка Абдул. Притча усиливает основной посыл автора — Любовь к людям, хотя сам ее сюжет весьма примечателен своей современностью и «глобальностью». Коротко он выглядит так (с. 144 и сл.): в советское время в камере тюрьмы оказались четыре человека:

еврей, христианин, мусульманин, а четвертый — банкир, который верил только в факты. Он сказал этим троим: все вы говорите, что Бог един. Но почему же вы вечно спорите, ссоритесь и даже воюете? Вы молитесь одному единому Богу, попросите Его, чтобы Он вас освободил. Тут банкира вызвали из камеры и расстреляли. Они поняли, что теперь их очередь. И они обнялись на прощанье втроем как братья, с Любовью, которая сильнее, чем ожидавшая их смерть. В тот же момент земля задрожала, началось землетрясение, стены тюрьмы рухнули, и они оказались на свободе.

Интересен стиль и язык романа. Диалоги и монологи оформлены как речи действующих лиц в пьесе: имя с двоеточием и прямая речь героя. В авторской речи при описании событий, поступков действующих лиц глаголы часто выступают в форме настоящего времени, что характерно и для многих произведений современной русскоязычной художественной прозы. Таким образом, роман очень кинематографичен, это как бы сценарий, вполне современный, особенно, как уже говорилось, в его последней части.

Авторская речь и язык героев мало различаются: по мнению знатоков, для которых шугнанский язык является родным, это язык современной городской молодежи². Возможно, в этом состоит речевой образ самого автора, который как бы просто рассказывает о своих друзьях. Однако в некоторых местах автор выходит из этого образа, особенно в начале романа. Например, характерны пассажи, где автор представляет читателю своих героев. Здесь иногда он переходит на «высокий стиль» религиозных повествований, житий и сказок. Так, говоря о Лайло, сестренке Барзу, и о смерти их матери, он пишет: «Она была еще маленькой, когда их мама заболела, и Боженька облегчил ее страдания и забрал ее к Себе» (с. 7).

² Автор выражает глубокую признательность за консультации старшему научному сотруднику Института этнологии и антропологии РАН Т. С. Каландарову.

О Барзу и его друзьях детства: «Три задушевных друга Барзу. С детства они росли бок о бок. Ни в благополучии они воды один без другого не попили, ни в трудности лепешки друг без друга не съели» (с. 8).

Обращение к фольклору выражено в романе различными приемами. Оно проявляется, например, в лирических монологах и диалогах основных героев, в плаче-элегии Барзу на смерть Алийи и др. Иногда это делается с некоторым элементом авторской улыбки: например, в фольклорных сказках приняты вставки в виде стихов или песен, адресованных влюбленными героями друг другу; здесь они тоже есть, но в виде телефонных смс-сообщений (с. 49).

Следует отметить некоторые новые явления в языке, которые прослеживаются в романе и, следовательно, присутствуют в речи шугнанской городской молодежи. Много русских лексических заимствований (65 слов на 164 страницы романа), причем не только в диалогах героев, но и в авторской речи. Имеются и целые обороты, например: *Йакборад аз ху пāле ди Ҳинен — автомат зарйажат кинен ху ди wāген: — Дар ҷойат ист, дастҳо боло, мепарронем!* (тадж.) — *Барзу тар ху зибо чост ху лӯвд: — Чуғник Ҳоҷ мādер, мādен пограничникиен* (с. 114) 'Вдруг около себя (они) слышат — автомат заряжают и кричат: «Стойте на месте, руки вверх, стрелять будем!» — Барзу посмотрел назад и сказал: «Милая, не бойся, это пограничники»'. В речи героев: *Му вирод, ту-т амо индйске кйно лан чўўч* (с. 15) 'Братец мой, ты наверное (слишком) много индийского кино насмотрелся'; *Французе зив те та «дежа-вйу» ди лӯвен* (с. 27) 'На французском языке это называется «дежавю»'.

Появился целый пласт лексики и устойчивых словосочетаний, связанных с массовым использованием мобильных телефонов, что также нашло отражение в романе. Так понятие «звонить (кому-то по телефону)» передается глаголом *кйw-*: *кйwдоw*, первоначальное словарное значение которого 1) 'звать, кликать; вызывать, приглашать (кого-то)'; 2) 'кричать';

3) 'называть; прозывать; именовать (кого-то)'. При этом глагол в основном значении используется с именем прямого объекта: «звать *кого-то*», а в этом новом значении «звонить (кому-то по телефону)» он употребляется с предлогом *тар* 'в, на' или с послелогом *-(а)рд* 'к, при', указывающими на направление действия *к кому-то*. Буквальное значение сочетания становится «взывать *к кому-то*». Любопытно, что общая синтаксическая конструкция *тар ту қйўум // ту-рд қйўум* '(я) тебе звоню' аналогична русской, но в качестве семантического прототипа для самого шугнанского глагола «звать» избран английский глагол *to call* 'звать, вызывать'. В значениях «включить» и «выключить» по отношению к телефону употребляются глаголы соответственно *тидидов* 'зажигать' и *визе'вдов* 'гасить', которые приобрели эту новую семантику, когда на Памире появились электрические лампы, а затем стали применяться к радио, телевизору, разным электрическим приборам. Характерны обороты типа *аз нобалад рақамен-анд* '(звонок) с неизвестного номера', букв. 'с неизвестных цифр', *ми телефун дастнорас* букв. 'его телефон недоступен', *вам рақамен му-рд дāk* 'дай мне ее номер телефона', букв. 'дай мне ее цифры'; *зарйād нўст*, букв. 'заряд сел' и многие другие.

Из изменений в литературном языке, отраженных в романе, можно отметить еще одну деталь: шугнанскому синтаксису в принципе не была свойственна косвенная речь. Пересказ чужих слов строится обычно по типу «Он сказал: "Я приду"» или «Он сказал, мол: "Я приду"». То же в основном наблюдается в романе. Однако имеются единичные случаи употребления косвенной речи. Например, *хйнт садо ... ху пеҳит ми йу чāй* '(она) слышит голос ... и спрашивает его, кто он' (вместо 'кто ты?').

По-видимому, этот роман и его язык будет еще серьезно рассматриваться литературоведами и лингвистами.

Двадцать первый век внес в шугнанскую литературу и шугнанский язык и другие проблемы. Одна из них — разносторонние культурные контакты молодежи

с положительными и отрицательными опытами и с появлением новой культуры общения и обмена мнениями и литературными достижениями. Учеба студентов-памирцев теперь уже в разных странах, ознакомительные поездки, работа многих молодых людей в качестве трудовых мигрантов (во всяком случае, в России) усиливает самые разные индивидуальные культурные контакты. В этих условиях совсем особую роль в общении и в развитии письменного литературного языка стал играть интернет. Существуют социальные сети, где публикуются художественные сочинения и обсуждаются различные общественные проблемы. Анализ дискурса публичной сферы шугнанского языка в шугнаноязычных группах социальной сети Фейсбук см. [Абдулхамидова, Юсуфбеков 2017: 858–869]. Отдельная сфера современной шугнанской поэзии — стихи трудовых мигрантов рассматривается в статье [Каландаров 2017].

Новые явления письменности и литературы XXI в. стимулируют новые попытки лингвистов осмыслить языковые проблемы и помочь в их решении. При анализе произведений на шугнанском языке, написанных и изданных уже в XXI в., как в виде бумажных изданий, так и тем более в электронном виде, особенно заметно отсутствие унификации в отношении даже разработанных шрифтов. Даже один и тот же звук, который здесь изображен буквой *ǰ*, в разных изданиях изображен по-разному.

Но самое главное: сейчас, в XXI в. особенно явно напрашивается необходимость серьезной разработки орфографических правил. Практически они почти не разработаны. Учитывая богатство шугнанского языка простыми и сложными послелогоми, присловными частицами, регламентация их написания при слове просто необходима. И совсем трудная ситуация с написанием сложных глагольных форм, о чем я уже писала в предыдущей статье. Иными словами, вслед за разработкой алфавита на рубеже XX–XXI вв. ожидалась такая же скрупулезная работа

над орфографией, но она пока не произошла: те наработки, которые были сделаны (см., например, [Аламшоев 2015]), еще не внедрены в практику. Это задача, которая требует своего решения.

Литература

Абдулхамидова П. Ш., Юсуфбеков Ш. П. Создание дискурса публичной сферы шугнанского языка в СМИ и социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017, 21 (4), 858–869.

Аламшоев М. Дастури таълимии забони шугнонӣ («Учебное пособие по шугнанскому языку». Душанбе, 2015. (На таджикском языке)

Каландаров Т. С. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // Acta Slavica Iaponica, 2017, (38), 91–119.

Каландаров Т. С. Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018, 5, 162–178.

Охонниёзов В. Д. Пайдоиш ва ташаккули шеъри муаллифӣ ба забонҳои помирӣ (дар мисоли гурӯҳи шугнонӣ-рӯшонӣ). («Возникновение и формирование авторской поэзии на памирских языках (на примере шугнано-рушанской группы)»). Душанбе, 2017. (На таджикском языке)

Ҳабиб Л. Дарёта тизд. («Река течет»). Хорог, 1991. (На шугнанском языке)

Ҳабиб Л., Неккадамов И., Гулям Х. Иссохшее дерево в пустыне... Душанбе, 2019.

Ҳабибов А. Шер ата рэпц. (Сказка «Лев и лиса»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Ҳабибов А. Чистонаф. («Загадки»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Ҳабибов А. Зарбэлмасален. («Пословицы»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Хабиров А. Исоб. («Счѣт»). Душанбе, 2019. (На язгулямском и таджикском языках)

Эдельман Д. И. Некоторые проблемы миноритарных языков Памира (к становлению письменности и литературы) // Родной язык, 2016, 2(5), 87–113.

References

Abdulkhamidova P. Sh., Yusufbekov Sh. P. Sozdanie diskursa publichnoi sfery shugnanskogo yazyka v SMI i sotsial'nykh setyakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika. 2017, 21 (4), 858–869. (In Russ.)

Alamshoev M. Dasturi taʼlimii zaboni shuғnonī («Uchebnoe posobie po shugnanskomu yazyku»). Dushanbe, 2015. (In Tajik).

Edel'man D. I. Nekotorye problemy minoritarnykh yazykov Pamira (k stanovleniyu pis'mennosti i literatury) // Rodnoi yazyk, 2016, 2(5), 87–113. (In Russ.)

Kalendarov T. S. Kostochka sladkaya, na chuzhbine ya...: poeziya tadzhikskikh trudovykh migrantov v Rossii // Acta Slavica Iaponica, 2017, (38), 91–119. (In Russ.)

Kalendarov T. S. Pamirskie narody, ikh yazyki i perepis': etnicheskii diskurs // Etnograficheskoe obozrenie. 2018, 5, 162–178. (In Russ.)

Khabib L., Nekkadamov I., Gulyam Kh. Issokhshee derevo v pustyne... Dushanbe, 2019. (In Russ.)

Khabirov A. Chistonaθ. («Zagadki»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Isob. («Schet»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Sher ata rəpts. (Skazka «Lev i lisa»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Khabirov A. Zarbəlmasalen. («Poslovitsy»). Dushanbe, 2019. (In Yazghulami and in Tajik)

Okhonniezov V. D. Paidoish va tashakkuli she'ri muallifī ba zabonxoi pomirī (dar misoli gur'xi shuғnonī-r'şhonī).

(«Vozniknovenie i formirovanie avtorskoi poezii na pamiirskikh yazykakh (na primere shugnano-rushanskoi gruppy»)). Dushanbe, 2017. (In Tajik)

Xabib L. Dareta tizd. («Reka techet»). Khorog, 1991. (In Shugni)

Эдельман Джой Иосифовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Edelman Joy Iosifovna

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

joy.edelman@gmail.com

**Об изменениях в ситуации с родными языками
в школах Чувашии: взгляд из региона**
***The changing situation with native languages
in the schools of Chuvashia***

Долгова А. П.

Dolgova A. P.

В статье рассматривается одна из проблем языковой ситуации в республиках Российской Федерации, а именно — место родных языков в общем образовании на примере Чувашии. Особое внимание обращено на освещение вопросов, связанных с этим, в научных работах, официальных источниках и средствах массовой информации.

Ключевые слова: Чувашская Республика, общее образование, обучение на родном языке, обучение на русском языке, преподавание родного языка в общеобразовательной школе, русский язык, чувашский язык

This article deals with a significant issue in understanding the language situation in the republics of the Russian Federation, namely, the role of native languages in the general education system, with a focus on Chuvashia. Special attention is paid to how this issue is dealt with in scholarly papers, government documents, and the mass media.

Key words: the Chuvash Republic, the Chuvash language, secondary education, native language instruction, Russian language instruction

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-25-48

Основная цель данной публикации — попытка определить роль отдельных социальных факторов в трансформации ситуации с языками народов России в последние десятилетия на примере чувашского языка. Также важным для нас представляется выявить параметры, оказывающие влияние на формирование и изменение общественного мнения, которое в значительной мере определяется качеством доступной информации по вопросам языковой ситуации в регионах.

Сначала — краткий исторический экскурс. В течение почти всего XX в. чувашский язык как родной в качестве предмета изучения входил в программы школ в сёлах с чувашезычным населением не только в Чувашии, но и в ряде районов Татарской и Башкирской республик, Ульяновской и Самарской областях; в первой половине XX в. — также в местах компактного проживания чувашей на территории современных Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, Сибири. Это были времена, когда чувашаи были в основном сельчанами, населенные пункты в большинстве своем являлись относительно крупными, а семьи — чаще многодетными, ученические коллективы школ соответственно были (по нынешним меркам) большими. Общественное мнение сельского социума было в основном традиционное, незнание языка и традиционной культуры порицалось; но при этом поощрялось владение русским языком, приветствовалось знание языков живущих по соседству народов (чаще всего татарского).

До 1980-х гг. шло поэтапное сужение функций чувашского языка в школьном образовании: после 1917 г. он был практически повсеместно представлен как язык обучения, затем постепенно его пространство в общеобразовательной школе сузилось до предмета изучения, за исключением начального образования в сельских школах Чувашии и некоторых районов Татарии (более подробно — в статье И. И. Бойко [2011: 499–502]). В городских школах преподавание чувашского языка до середины 1980-х гг., можно сказать, в полной мере практически не внедрялось (за исключением единичных

случаев в отдельные периоды); впрочем, такая картина сложилась к 1980-м гг. во многих республиках РСФСР¹.

С принятием Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» в 1990-е гг. начался процесс ввода его преподавания почти во всех школах республики. Буквально одновременно с этим произошли переломные изменения в экономической, общественной и правовой жизни страны. Из результатов этих процессов хотелось бы обратить внимание на те, которые, на наш взгляд, оказали наиболее существенное влияние на сложившуюся к сегодняшнему дню ситуацию с чувашским языком:

— резкий переход «на рельсы рыночной экономики», в результате чего сложилось более прагматичное, по сравнению с предыдущими десятилетиями, отношение к получаемому образованию;

— стремительное сокращение рождаемости, особенно в сельской местности, неуклонное уменьшение из года в год числа детей в селах и деревнях;

— безработица на селе и отсутствие перспектив для молодежи;

— пресловутая оптимизация образования, коснувшаяся прежде всего сельских школ, ведь по причине малочисленности учащихся в первую очередь закрывались и продолжают закрываться именно они. При этом нередко бывает, что дети попадают в школы с русским языком обучения и с наличием в расписании дисциплины, которую можно условно назвать «чувашский как государственный язык региона» (т. е. для детей, не усвоивших чувашский язык в семье в силу разных причин), и теряют возможность достаточно глубокого изучения родного языка и литературы² (см., напр.: [Исаев 2019: 9–10]);

¹ «В городах к концу 1970-х годов национальные школы работали только в Татарии, Башкирии, Якутии и Туве, но и здесь их число постоянно сокращалось» [Беликов, Крысин 2001: 287].

² Как известно, при отсутствии глубокого и всестороннего изучения того или иного языка в школе невозможно дальнейшее

— изменения в федеральном законодательстве в области образования, которые привели к затруднениям в регионах (по преимуществу к организационным и финансовым): имеются в виду сложности, возникшие после принятия нового закона об образовании и связанные прежде всего с регистрацией учебных программ в федеральном реестре и включением учебников по родным языкам в перечень рекомендованных³.

Можно перечислить еще множество явлений, и все они в итоге прямо или косвенно, явно или скрыто оказали влияние на этническое и языковое самосознание (или, в современной терминологии, на этническую и языковую идентичность чувашей). Главным образом значительно изменилась мотивация к изучению языка, что отражено и в концепции преподавания родных языков народов России, утвержденной Коллегией Министерства просвещения Российской Федерации 1 октября 2019 г.⁴ Действительно, и данные последних переписей населения, и специальные исследования в регионах однозначно свидетельствуют о неуклонном уменьшении

развитие языка (не будет литературы, печати, театра и т. п., некому будет заниматься научным исследованием языка и задачами его стандартизации).

³ В начале 2020 г. в этом вопросе произошли изменения. Как сообщила 10 февраля 2020 г. пресс-служба Министерства просвещения Российской Федерации, по новым правилам наряду с повышением ответственности издателей и рецензентов предусмотрено проведение государственной экспертизы учебников за федеральный счет. [<https://edu.gov.ru/press/2133/utverzhden-novyuy-poryadok-formirovaniya-federalnogo-perechnyashkolnyh-uchebnikov/>; <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002050014?index=49&rangeSize=1>] (дата обращения: 18.02.2020)

⁴ В разделе 3.1. «Проблемы мотивационного характера» перечислены социально-экономические, демографический, социально-психологический, лингвистические, психолого-педагогические факторы. [<https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/>] (дата обращения: 01.12.2019)

числа говорящих на языках народов России. Одна из причин этого — постоянно нарастающий процесс «ухода» языков из школьного образования (особенно в последние 10–15 лет). Социолингвисты подчеркивают, что «влияние школьного обучения на выбор языка, на котором ученики говорят дома или между собой» значительно и «часто язык школы становится и языком домашнего общения, полностью заменяя исконный язык» [Алос-и-Фонт 2015: 5]. А на фоне последних изменений в законодательной сфере, относящейся к праву выбора родного языка в качестве и предмета обучения, и языка обучения⁵, одним из факторов, главенствующих в этом вопросе, становится общественное мнение (эти изменения фактически означают отмену обязательного изучения в школе языков народов России, кроме русского, независимо от, условно говоря, «этнической принадлежности» обучающегося).

В течение последних двух-трех десятилетий по поводу родных языков народов России со стороны федеральных экспертов (а вслед — представителей различных сфер общества: чиновников, ученых, политиков, общественных деятелей) исходит информация нескольких типов. Во-первых, это заявления о необходимости сохранения и развития языков народов России, о мерах, принимаемых для этого; во-вторых, сообщения о росте численности обучающихся на этих языках, о расширении распространенности их в качестве языка обучения в средних и старших классах (то есть в основной и средней общеобразовательной школе); в-третьих, утверждения о расширении функций языков народов России за счет ущемления русского (об увеличении количества часов в школе, выделяемых родным языкам, за счет сокращения уроков русского; о том, что русскоязычным детям преподают

⁵ Право родителей выбирать родной язык в качестве предмета, предоставленное Федеральным законом № 317, подписанным Президентом России В.В. Путиным 3 августа 2019 г., реализуется путем написания родителями заявления в образовательное учреждение, которое будет посещать их ребенок.

на «титულных» языках регионов), о жалобах населения в различные инстанции по этой причине; в-четвертых, это уже выводы о негативных последствиях данных процессов для государства и гражданской идентичности россиян, для общества в целом и для учащегося в частности.

Высказывания первого типа носят чаще всего официальный характер; сами по себе они не вызывают вопросов, видимо, ни у кого. По крайней мере, каких-либо открытых возражений не вызывают, споров вокруг них не возникает. Они присутствуют в официальных документах, в публичных выступлениях руководителей различного уровня, средствах массовой информации и т. д.

Ко второй группе можно отнести многочисленные утверждения о значительном улучшении положения языков в связи с расширением их функций в образовании⁶. Прочитав несколько более конкретных высказываний из этой серии. В экспертном докладе 2008 г., представленном на сайте Государственной думы, говорилось: «В старших классах школы языками обучения (не предметом! — А. Д.) являются: алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский» [Тишков и др. 2010]. В докладе приведена таблица «Статистические сведения, характеризующие функционирование

⁶ Например: «В целом можно констатировать, что Закон “Об образовании” и Закон “О языках народов РФ” открыли достаточно широкие возможности для реализации этносами через образование своих языковых и культурных потребностей. Возвращение в школу родного языка в качестве языка обучения приобрело в ряде субъектов Федерации довольно значительные масштабы» [Артеменко, Кузьмин 2017: 124]; «В постсоветский период внимание к родным языкам усилилось, особенно в системе образования. В субъектах Российской Федерации увеличилось число школ, в которых можно было получить не только начальное общее образование, но и среднее общее образование на родном языке» [Сафаралиев 2019: 113] и т. д.

родных языков (кроме русского) в системе общего образования (по данным на 2005/06 учебный год)», в ней чувашский язык представлен как язык обучения (подчеркнем еще раз: не предмет изучения! — *А. Д.*) в 571 школе, указана численность учеников в них, в том числе в 5–9 классах 3 148, в 10–11 классах 386 (таблица 8 [Тишков и др. 2010]). Эта же таблица через несколько лет была продублирована в экспертном докладе «Языковая политика в регионах Российской Федерации с тюркскими титульными языками (на примере татарского языка)», изданном уже в РГГУ [Мухарьямов, Януш 2018: 71]. Такие же данные приводятся еще в ряде научных публикаций⁷.

Вероятнее всего, такие сведения авторы перечисленных цитат почерпнули из официальных источников. Так, ресурс «Открытые данные» Министерства просвещения Российской Федерации представляет «Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка» — сводную информацию, составленную из данных, предоставляемых ежегодно органами исполнительной власти

⁷ Например: «К 2002–2004 гг. в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации по блоку гуманитарных дисциплин в роли языков обучения выступало в целом 28 языков народов России... Из них 16 являлись языками обучения на ступени начального общего образования, 2 языка на ступени основного общего образования и еще 10 на ступени среднего (полного) общего образования. К последним принадлежат алтайский, башкирский, бурятский, марийский луговой, татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, якутский, юкагирский» [Артеменко, Кузьмин 2017: 129]; «К 2010 г. <...> в старших классах школы языками обучения являлись алтайский, башкирский, бурятский, марийский (луговой), татарский, удмуртский, чувашский, эвенкийский, юкагирский, якутский и другие» [Мартынова 2019: 1]. Подобные сведения встречаются в работах и других авторов [Арефьев 2017: 77–79, 84; Боргояков 2017: 26; Михальченко 2019: 17–18].

субъектов Российской Федерации»⁸. Но представленная здесь информация, касающаяся чувашского языка, мягко говоря, не совсем корректна. Если статистике о чувашском языке как предмете изучения еще можно доверять, то сведения о чувашском языке как языке обучения в основной и средней школе достоверными уж точно не являются. Судя по этим материалам, в 2018 г.⁹ на чувашском языке получали образование с 1 по 11(12) класс всего 9004 обучающихся сельских школ (видимо, в Чувашской Республике), в том числе в учреждениях начального общего образования (1–4 классы) — 7991, основного общего образования (5–9 классы) — 920, среднего общего образования (10–11/12 классы) — 93 ученика.

Материалы курирующих образование региональных органов исполнительной власти на местном уровне также не всегда однозначны. Так, в публичном докладе Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики о деятельности системы образования Чувашской Республики за 2011/2012 учебный год было указано: «В чувашских национальных школах созданы условия для получения на родном языке — образования дошкольного, начального общего, основного общего»¹⁰. Отчет за 2016 г. показывает, что в том году в республике функционировало 260 (57,1 %) школ с чувашским языком обучения¹¹. В одной из своих прошлых публикаций мы обратили внимание на то, что фраза «школа

⁸ <http://opendata.mon.gov.ru/opendata/7710539135-D7> (дата обращения: 08.01.2020)

⁹ На начало 2020 г., когда мы обратились к этим данным, были представлены сведения на 2018 г., дата последнего внесения изменений – 8 февраля 2019 г.

¹⁰ О состоянии и результатах деятельности системы образования Чувашской Республики за 2011/2012 учебный год: публичный доклад Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Чебоксары, 2013, 81.

¹¹ Отчет о деятельности Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики: 2015–2016 гг.

с чувашским языком обучения» и сопровождающая их статистика требуют уточнений, так как в таких случаях речь идет о школах с преподаванием предметов (или основной части предметов) на родном языке *только* в начальных классах [Долгова 2017: 49]. Более полный анализ ситуации в этой сфере до середины 2010-х гг. представлен у Э. Алос-и-Фонта [Алос-и-Фонт 2015: 35–37].

Сами по себе перечисленные в научных работах и официальных документах данные, казалось бы, должны восприниматься как успех в деле сохранения и развития языков народов России (если «не замечать» их недостоверности). Однако, как увидим далее, настойчивое повторение их в разных публикациях привело к неожиданным последствиям (по крайней мере, для людей, живущих в республиках и владеющих информацией о реальном положении).

Третья группа высказываний о языковой ситуации в образовательных организациях, касающихся в числе других регионов и Чувашии, содержит сведения о вытеснении русского языка в республиках и об ущемлении прав их жителей. Так, в одной из публикаций 2019 г. Чувашия указана в числе республик, в которых до июля 2017 г. фиксировалось «уменьшение часов русского языка», далее здесь же утверждается, что в старших классах школ России языком обучения был ряд языков (в том числе чувашский) и что «самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии» [Мартынова 2019: 10]. Практически то же встречается у другого автора: «Самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение “титульному” языку и уменьшение часов русского языка было зафиксировано в Татарстане, Башкортостане, Якутии

[http://gov.cap.ru/UserFiles/orgs/GrvId_13/03.otchet.pdf] (дата обращения: 08.09.2017)

и Чувашии» [Тишков 2019: 138]. Всё это идет без конкретизации информации по регионам и по количеству жалоб (хотя бы приблизительному — единицы, десятки, тысячи?). Мы не берем на себя смелость рассуждать о ситуации с языками в других республиках, но корректность информации по поводу Чувашии и чувашского языка в различных источниках (экспертных, научных, официальных, газетных) нередко вызывает сомнения.

Можно привести и более обширные обобщения о последствиях расширения (зачастую мнимого) функций «титულных» языков: «Процессы повышения удельного веса родного языка, повышение статуса титульных языков республик изменили прежний баланс распределения часов в структуре филологического блока учебного плана, что привело к деформации структуры языковой подготовки русскоязычных учащихся, в т. ч. и этнических русских. Наблюдается ослабление знаний русского языка как государственного языка Российской Федерации...» [Артеменко, Кузьмин 2017: 126]. В этой же статье есть такое заявление: «Проблемы, связанные с уровнем знания и владения русским языком, волнуют сегодня практически все слои общества. Низкий балл ЕГЭ по русскому языку — а в 2015 г. он был снижен до 24 — это объективный показатель процессов, протекающих в обществе. У оканчивающих школу отмечается несформированность системы языковых компетенций, отсутствие грамматической основы, обеспечивающей их грамотность, неумение логично выражать мысли», которое следует сразу же после фразы «необходимо специально подчеркнуть, что в результате всех трансформаций последних 15–20 лет в республиках стали преобладать школы с родным нерусским языком обучения или языком изучения» [Артеменко, Кузьмин 2017: 130–131]. Получается, авторы причину ухудшения результатов ЕГЭ по русскому языку в целом по стране видят среди прочих и в «преобладании школ с родным языком».

Подобные рассуждения не только создают проблемы с объективностью отражения ситуации, но и приводят к некорректным, но далеко идущим выводам, относящимся к уже более серьезным (чем баллы ЕГЭ) сферам жизни общества: «Число школ, где идет преподавание на родном языке, постоянно растет, и в основном за счет роста таких школ в городах. В начале 90-х годов их было в среднем по России около 13 процентов, сейчас — 45 <...> В школах, где преподается какой-либо национальный язык, сокращается количество часов на преподавание русского. <...> именно русский язык часто оказывается ущемленным. Его статус принижается»¹²; «Практика свидетельствует, что в общеобразовательной деятельности за последние 25 лет усилилась роль национальных традиций, которые нередко входят в противоречие с ценностями гражданского общества и отрицательно влияют на изучение русского языка и, в частности, его семантики (курсив наш. — А. Д.)» [Артеменко 2018: 150]; «...возникают ситуации, при которых этнические ценности начинают формировать табуированное сознание, характерное для личности традиционного общества. Формируются и такие традиционные ценности, которые входят в противоречия с ценностями гражданского общества» [Артеменко 2018: 150]; «Доминанта, выстроенная в содержании языкового образования (изучение языков из числа языков народов России) на формирование этнического самосознания, начиная с дошкольного образования, практически всегда приводит к противоречиям и межнациональному напряжению в многонациональном обществе» [Артеменко 2018: 150] и т. д.

В связи с этим вызывает недоумение тон представленной в публикациях различного уровня информации о мнениях

¹² Ивойлова И. На чужом языке: Разрешено сдавать ЕГЭ по национальным языкам и литературе (интервью с О. И. Артеменко) // Российская газета. 2011. 5 июля. [<https://rg.ru/2011/07/05/artemenko.html>] (дата обращения: 08.11.2019)

в тех или иных этнических группах. Например, есть такая оценка ситуации 2017–2018 гг. в Татарстане: «Более радикальными были установки сельских татар, заявлявших о своем непонимании, “почему у них отбирают возможность учить детей на родном языке”. Но и с этим мнением не все однозначно, поскольку сельчане зачастую высказывали не личное отношение, а повторяли точку зрения, тиражируемую в социальных интернет-сетях и местных СМИ. Заголовки материалов в некоторых СМИ говорят сами за себя: “Никто не спасет татарский язык, кроме самих татар”, “ВТОЦ предложил оставить один государственный язык в Татарстане — татарский”, “Защитим родной язык” и др.» [Большаков 2018: 81–82]. Это как понимать? Получается, что у сельских татар на самом деле иное мнение (не хотят, чтобы их дети учили татарский язык?) или они по этому вопросу своего мнения не имеют, а лишь пошли на поводу у местных СМИ и социальных интернет-сетей?¹³

Вся перечисленная здесь информация, представленная в основном в научных и экспертных публикациях, затем неоднократно озвучивалась чиновниками разного уровня, тиражировалась средствами массовой информации¹⁴.

¹³ Кстати, и в обращениях в СМИ к татарам с призывом защитить свой язык вполне мирными путями (написанием родителями заявлений), на наш взгляд, ничего предосудительного нет.

¹⁴ «Хуже всего ситуация обстоит в Татарстане, Башкортостане, Якутии и Чувашии – там зафиксировано самое большое количество жалоб родителей школьников на принудительное обучение национальному языку и уменьшение часов русского языка». См.: Прокуратура нашла нарушения в преподавании языков во всех национальных республиках // Национальный акцент. [<https://nazaccent.ru/content/26061-prokuratura-nashlanarusheniya-v-prepodavanii-yazykov.html>]; Обязательный предмет «Родной язык», по словам зампреда комиссии по образованию Общественной палаты (ОП) РФ Людмилы Дудовой, ввели в школах из-за «тенденции ущемления изучения русского

О необходимости крайне аккуратного подхода к освещению вопросов этнической политики писалось неоднократно; приведем только одну из цитат: «Региональная этническая политика. Не банальное и примитивное, а многогранное освещение темы на местном материале дает людям уважение к себе, ощущение полноты жизни в том месте, где они живут. Это очень важное ощущение, потому что с ним связано самочувствие народа» [Лянге 2019: 170].

С другой стороны, и самим источникам информации, как оказалось, стоит доверять не всегда. Основываясь на знании о том, какими предпосылками мотивируются суждения в таких источниках (см. выше о констатации роста количества школ и числа учащихся на нерусских языках во многих республиках), считаю комментарии здесь излишними.

Основная проблема здесь в другом: вся эта ситуация в некоторых случаях перетекает в другую плоскость, и время от времени возникают такие прецеденты, как первоначальный проект «Концепции преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации» (разработанный рабочей группой при председателе Государственной думы России, одобренный на заседании этой группы и вынесенный на широкое общественное обсуждение 29 октября 2015 г.¹⁵). В этом проекте причиной части

языка в ряде регионов». См.: Дети плохо представляют картину русского мира: «Ъ» изучил расписание уроков родного языка в российских школах // Коммерсантъ. 2019. 14 декабря. [<https://www.kommersant.ru/doc/4190329>]. А как воспринимать «говорящие» заголовки такого типа: «“Я русский бы выучил да не дают”: почему в национальных республиках России притесняют общегосударственный язык» (Комсомольская правда: Казань), «Малым народам – малый язык» (Газета.ру)? [<https://www.kazan.kp.ru/daily/26718/3744008/>; <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10965062.shtml>]

¹⁵ Протокол заседания рабочей группы по разработке единой концепции преподавания русского языка и литературы в

проблем с русским языком (и не только) в современном российском обществе было названо как раз увеличение общего образования на родных (не русском) языках. Например, в нем встречались фразы: «На сегодняшний день более 4 тыс. школ РФ дают образование не на русском языке, что ставит граждан России в неравные условия. Игнорирование данной проблемы неизбежно приведет к ситуации утраты языкового единства государства, усилению социального расслоения и нарастанию напряженности, что является прямой угрозой национальной безопасности»; «наиболее рациональной и эффективной является такая организация образования, при которой обучение основным предметам образовательной программы ведется на русском языке с начального этапа на всей территории Российской Федерации»¹⁶. Конечно же, в окончательном варианте концепции этих положений уже нет, но на основе каких данных они вообще появились?

К этой же серии относится история с выявлением в начале 2016 г. экспертами рабочей группы «Образование и культура как основы национальной идентичности» Общероссийского народного фронта пробелов в законодательстве некоторых республик. Из-за этих пробелов школьники в девяти регионах страны якобы могут быть лишены возможности получать образование на русском языке, так как, по мнению членов экспертной группы, на местном уровне законодательно не закреплены гарантии обучения на государственном языке России. Члены ОНФ отметили, что в ряде субъектов РФ, среди которых названа и Чувашия, обучение в школах идет

общеобразовательных организациях при Председателе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 29.10.2015_ [<https://www.pushkin.institute/projects/gosconcept/conc-dox/Протокол%2029.10.pdf>].

¹⁶ Концепция преподавания русского языка и литературы в общеобразовательных организациях Российской Федерации: проект от 29.10.2016. [http://vestnik.apkpro.ru/doc/Projekt_Kontsiptsii_pripodavaniia_russkogho_iazyka.pdf] (дата обращения: 08.11.2019)

на каком-либо местном языке, а русский входит лишь в число изучаемых предметов¹⁷; следовательно, в них закон соблюдается лишь формально, из-за чего выпускники школ не получают хороших знаний государственного языка Российской Федерации¹⁸. На эту ситуацию мы со своими коллегами уже обратили внимание, подчеркнув, что «применительно к Чувашии эти опасения являются совершенно беспочвенными. Об этом свидетельствуют материалы ЕГЭ по русскому языку, которые сдаются по единым для страны заданиям. <...> В Чувашии выпускники школ обладают неплохими знаниями русского языка» [Бойко и др. 2019: 60].

Оговорившись еще раз, что не можем судить обо всех республиках и всех языках, указанных в качестве языка преподавания в средней школе (хотя факт преподавания, к примеру, физики в 11 классе, скажем, на юкагирском языке лично у меня вызывает большие сомнения), но в Чувашии с советских времен в вопросе языка обучения в школе в пользу чувашского языка практически ничего не изменилось (как было в начальной школе, иногда с охватом частично 4-го класса,

¹⁷ ОНФ выявил, что в девяти регионах школьники могут быть лишены возможности получать образование на русском языке // Общероссийский народный фронт: официальный сайт. [<https://onf.ru/2016/02/18/onf-vyyavil-chto-v-devyati-regionah-rf-shkolniki-mogut-byt-lisheny-vozmozhnosti-poluchat/>] (дата обращения: 18.12.2019)

¹⁸ О реакции на такие выводы см.: ОНФ хочет внести поправки, гарантирующие образование на русском языке // РИА «Новости». [<https://ria.ru/20160218/1376686736.html?in=t>] (дата обращения: 18.12.2019); В девяти регионах страны законодательно не закреплены гарантии обучения на русском языке // Поволжский образовательный портал. [<https://www.vedu.ru/news-v-regionah-ne-garantii-obucheniya-na-russkom/>] (дата обращения: 18.12.2019); Школьники Чувашии могут быть лишены права учиться на русском языке // Версия в Чувашии. [<https://ch.versia.ru/shkolniki-chuvashii-mogut-byt-lisheny-prava-uchitsya-na-russkom-yazyke/>] (дата обращения: 18.12.2019)

который тогда к начальному звену не относилось, так всё и осталось). Обучение, например, таким предметам, как история и биология т. д., на чувашском языке имело место только до первой половины 1960 х гг., и то только по 8-й класс, а преподавание математики, физики, химии — по 7-й класс. После этого в основной и средней школе преподавание ни гуманитарных, ни естественно-технических дисциплин на чувашском языке не велось, за исключением самих предметов «чувашский язык» и «чувашская литература». Даже наоборот: численность обучающихся на чувашском языке за это время значительно сократилась¹⁹. Если же учесть, что об увеличении функций родных языков в образовании пишут чаще всего в отношении лишь нескольких республик (Татарстана, Башкортостана, Саха-Якутии, иногда Бурятии и Тувы), а еще и то, что по данным последней переписи русские составляют почти 81 % к указавшим национальность, хочется спросить: кому и чем мешает обучение родным языкам? Обвинения в адрес республик в ухудшении положения русского языка в российском обществе так и хочется отнести к категории несостоятельных. К тому же ситуация в таких субъектах Федерации, как Чувашская Республика, ну никак не могла «понизить уровень его (субъекта. — А. Д.) связи с русским языком и культурой, сделать школу фактором культурной автономизации этноса, использовать школу как инструмент этнической мобилизации молодежи...» [Артеменко, Кузьмин 2017: 124]. Опять же — об этом свидетельствуют те же данные переписей, а также ряда исследований²⁰.

¹⁹ Обзор положения языков в образовании в Чувашии с использованием данных, собранных им самим, представлен Э. Алос-и-Фонтом [Алос-и-Фонт 2015: 38–39, 41–44, 46].

²⁰ «С каждым годом интерес к изучению родного языка, к сожалению, падает. Такая отрицательная динамика связана, в первую очередь, с проводимой оптимизацией школьной сети: закрытием малокомплектных школ, переводом детей в крупные школы с обучением на русском языке, введение ЕГЭ

В сложившейся к сегодняшнему дню ситуации судьба языков народов в России во многом зависит от отношения к своему языку самих народов. В Чувашии еще до изменений в российском законодательстве в 2018 г. отношение к родному (чувашскому) языку вызывало тревогу [Бойко и др. 2019: 61–62, 69–70]. А с переходом на преподавание чувашского языка с учетом мнений родителей, подкрепляемых их заявлениями в письменной форме, появилась тенденция к более интенсивным изменениям: так, по данным Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, в 2017/18 учебном году по всей республике преподавание своим детям в качестве родного языка чувашский выбрали 84,1 % родителей школьников, русский — 14,2 % родителей, а в 2018/19 учебном году чувашский язык выбрали почти 54,9 % родителей, а русский — 43,5 %²¹.

О необходимости объективной картины языковой ситуации в субъектах Российской Федерации постоянно говорится специалистами разных уровней и отраслей. Отсутствие целостной информации как в регионах, так и в центре зачастую действительно на дает приходиться к правильным выводам. Хотя разговоры о проведении различных анкетирований, опросов, обследований, мониторингов постоянно на слуху, до действительного прояснения

по русскому языку, отсутствием современных линий учебников и учебно-методических комплектов по многим языкам народов России. Демографические факторы также сказываются на определенной отрицательной динамике изучения родных языков. Такая динамика непосредственно связана с оттоком жителей из сельской в городскую местность, нежеланием отдельных родителей выбирать для изучения их детьми родной язык» [Сафаралиев 2019: 114].

²¹ Отчет о деятельности Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики за 2018 год. [<http://www.obrazov.cap.ru/action/activity/provision/informaciya-o-razvitiisistemi-obrazovaniya-chuvas>] (дата обращения: 18.12.2019)

реального положения, как видим, далеко. И это не только наше мнение: «Несовершенство языковой политики и сложившаяся в регионах ситуация с преподаванием в школе русского и родных языков, подвергающиеся критике как со стороны ученых и политиков, так и со стороны родительского сообщества, актуализируют необходимость модернизации государственной политики в сфере национального образования. Для решения данной проблемы, во-первых, необходим анализ и осмысление опыта языкового образования в отечественной школе во взаимосвязи со стратегией национальной политики государства на разных этапах его развития, во-вторых, мониторинг состояния этнокультурного образования и наличие достоверных статистических данных о языковой ситуации в регионах, количестве школьников, изучающих родные языки народов страны» [Боргояков 2017: 21]; «Планирование эффективной языковой и образовательной политики в области сохранения и изучения языков народов России невозможно без наличия достоверных статистических данных о языковой ситуации в каждом регионе страны (количество школьников, изучающих и обучающихся на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, информация о реальном использовании языков народов России в других сферах политической, общественной и хозяйственной жизни и т. д.)»; «С 2015 г. <...> Министерство просвещения Российской Федерации совместно с другими министерствами проводит мониторинг состояния и развития языков народов Российской Федерации. Целью мониторинга являются анализ динамики языковой ситуации и разработка эффективных механизмов реализации государственной языковой политики с учетом конституционного статуса языков из числа языков народов Российской Федерации, в том числе и русского языка. Однако данные мониторинга не представлены в открытом доступе. Кроме того, мониторинг не анализирует условия, создаваемые

региональными органами власти в области поддержки, сохранения и развития языков народов России» [Мальцева и др. 2019: 106–107].

К уже имеющимся в научных учреждениях Москвы (Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям в Институте языкознания РАН; Научно-исследовательский центр национальных проблем образования Федерального института развития образования РАНХиГС) в 2018–2019 гг. добавилось еще несколько структур, ставящих задачу изучения ситуации с языками народов России. Создан Фонд сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, открыт Институт развития родных языков народов Российской Федерации в структуре Центра реализации государственной образовательной политики и информационных технологий. Хотелось бы, чтобы сотрудники этих организаций обратили внимание не только на языки малочисленных народов, находящиеся на грани исчезновения, но и оказали поддержку (необязательно финансовую) еще жизнеспособным языкам. Но важнее другое — чтобы эти организации теснее сотрудничали со специалистами из регионов; ведь знание ситуации «изнутри» очень часто может помочь объективной оценке «со стороны»²².

Литература

Алос-и-Фонт Э. Преподавание чувашского языка и проблема языкового поведения родителей. Чебоксары, 2015.

Арефьев А. Л. Национальные и иностранные языки в российской системе образования. Москва, 2017.

Артеменко О. И. Инновации в реализации современной языковой образовательной политики России // *Международное*

²² «...Нельзя использовать во многом шаблонные подходы без учета ситуации в конкретных регионах. Как раз такие безосновательные оценки подпитывают этнические спекуляции» [Бойко и др. 2019: 61].

научно-практическое периодическое сетевое издание «Форум молодых ученых». Саратов, 2018, 4 (20), 148–155. [https://forum-nauka.ru/domains_data/files/20/Artemenko%20O.I._dorabotanodocx.pdf] (дата обращения: 15.09.2019).

Артеменко О. И., Кузьмин М. Н. Современная языковая образовательная политика и языковая ситуация в России // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика. Книга 3. Москва, 2017, 117–134.

Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. Москва, 2001.

Бойко И. И. Чувашский язык и этническая идентичность — проблемы этнокультурного и политического выбора // Антропология социальных перемен. Москва, 2011, 497–512.

Бойко И. И., Долгова А. П., Харитоновна В. Г. Реализация языковой политики в школьном образовании Чувашской Республики (конец 1980-х – 2019 гг.) // Вестник антропологии, 2019, 4 (48), 56–75.

Большаков А. Г. Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта // Вопросы этнополитики, 2018, 1, 78–85.

Боргояков С. А. Состояние и перспективы родных языков в российской системе образования // Наука и школа, 2017, 6, 20–30.

Долгова А. П. Языковая ситуация в Чувашской Республике: особенности аспектов, связанных с образовательным процессом // Языковая политика: общероссийская экспертиза: форум-диалог: сборник докладов. Москва, 2017, 46–51.

Исаев Ю. Н. Состояние и перспективы развития системы образования Чувашской Республики // Образование: теория, методология, опыт. Чебоксары, 2019, 5–29.

Лянге М. А. Практические аспекты информационного сопровождения государственной национальной политики //

Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России. Москва, 2019, 162–178.

Мальцева А. А., Барсукова Н. Е., Ключникова Е. В. Рейтинговая оценка деятельности органов власти субъектов Российской Федерации по сохранению и поддержке родных языков народов Российской Федерации // Управленческое консультирование, 2019, 12, 104–122.

Мартынова М. Ю. Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. Москва, 2019, 7–20.

Михальченко В. Ю. Динамика языковой ситуации в Российской Федерации // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму: Международный круглый стол, 5–6 ноября 2019 г. Москва, 2019, 8–24.

Мухарямов Н. М., Януш О. Б. Языковая политика в регионах Российской Федерации с тюркскими титульными языками (на примере татарского языка) // *М. А. Омаров* (ред.) Языковая политика в современной России: проблемы и перспективы: сборник экспертных докладов. Москва, 2018, 61–140.

Сафаралиев Г. К. Состояние и перспективы сохранения и развития языкового многообразия // Реализация государственной национальной политики: опыт города Москвы и регионов России. Москва, 2019, 112–119.

Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис: политические исследования, 2019, 3, 127–144.

Тишков В. А., Степанов В. В., Функ Д. А., Артеменко О. И. Статус и поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации: экспертный доклад // Аналитический вестник, Государственное строительство и конституционные права граждан. Москва, 2010, 24. [<http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13977>] (дата обращения: 15.09.2019).

References

Alos-i-Font E. Prepodavanie chuvashskogo yazyka i problema yazykovogo povedeniya roditelei. Cheboksary, 2015. (In Russ.)

Aref'ev A. L. Natsional'nye i inostrannye yazyki v rossiiskoi sisteme obrazovaniya. Moskva, 2017. (In Russ.)

Artemenko O. I. Innovatsii v realizatsii sovremennoi yazykovo obrazovatel'noi politiki Rossii // Mezhdunarodnoe nauchno-prakticheskoe periodicheskoe setevoe izdanie «Forum molodykh uchenykh». Saratov, 2018, 4 (20), 148–155. [https://forum-nauka.ru/domains_data/files/20/Artemenko%20O.I._dorabotanodocx.pdf] (accessed: 15.09.2019). (In Russ.)

Artemenko O. I., Kuz'min M. N. Sovremennaya yazykovaya obrazovatel'naya politika i yazykovaya situatsiya v Rossii // Aktual'nye etnoyazykovye i etnokul'turnye problemy sovremenosti: etnokul'turnaya i etnoyazykovaya situatsiya — yazykovoimenedzhment — yazykovaya politika. Kniga 3. Moskva, 2017, 117–134. (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. Sotsiolingvistika. Moskva, 2001. (In Russ.)

Boiko I. I. Chuvashskii yazyk i etnicheskaya identichnost' — problemy etnokul'turnogo i politicheskogo vybora // Antropologiya sotsial'nykh peremen. Moskva, 2011, 497–512. (In Russ.)

Boiko I. I., Dolgova A. P., Kharitonova V. G. Realizatsiya yazykovoimenedzhment v shkol'nom obrazovanii Chuvashskoi Respubliki (konets 1980-kh – 2019 gg.) // Vestnik antropologii, 2019, 4 (48), 56–75. (In Russ.)

Bol'shakov A. G. Yazykovaya problema v Tatarstane: napryazhennost' bez konflikta // Voprosy etnopolitiki, 2018, 1, 78–85. (In Russ.)

Borgoyakov S. A. Sostoyanie i perspektivy rodnym yazykov v rossiiskoi sisteme obrazovaniya // Nauka i shkola, 2017, 6, 20–30. (In Russ.)

Dolgova A. P. Yazykovaya situatsiya v Chuvashskoi Respublike: osobennosti aspektov, svyazannykh s obrazovatel'nym protsessom //

Yazykovaya politika: obshcherossiiskaya ekspertiza: forum-dialog: sbornik dokladov. Moskva, 2017, 46–51. (In Russ.)

Isaev Yu. N. Sostoyanie i perspektivy razvitiya sistemy obrazovaniya Chuvashskoi Respubliki // *Obrazovanie: teoriya, metodologiya, opyt.* Cheboksary, 2019, 5–29. (In Russ.)

Lyange M. A. Prakticheskie aspekty informatsionnogo soprovozhdeniya gosudarstvennoi natsional'noi politiki // *Realizatsiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki: opyt goroda Moskvy i regionov Rossii.* Moskva, 2019, 162–178. (In Russ.)

Mal'tseva A. A., Barsukova N. E., Klyushnikova E. V. Reitingovaya otsenka deyatelnosti organov vlasti sub»ektov Rossiiskoi Federatsii po sokhraneniyu i podderzhke rodnykh yazykov narodov Rossiiskoi Federatsii // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie,* 2019, 12, 104–122. (In Russ.)

Martynova M. Yu. Yazykovoe bogatstvo Rossii v aspekte federal'noi politiki i regional'nykh initsiativ // *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziya. Yazykovaya situatsiya, perepisi, polevaya etnostatistika.* Moskva, 2019, 7–20. (In Russ.)

Mikhal'chenko V. Yu. Dinamika yazykovoi situatsii v Rossiiskoi Federatsii // *Perspektivy i vyzovy yazykovoi politiki i yazykovoi situatsii v Krymu: Mezhdunarodnyi kruglyi stol,* 5–6 noyabrya 2019 g. Moskva, 2019, 8–24. (In Russ.)

Mukharyamov N. M., Yanush O. B. Yazykovaya politika v regionakh Rossiiskoi Federatsii s tyurkskimi titul'nymi yazykami (na primere tatarskogo yazyka) // *M. A. Omarov (red.) Yazykovaya politika v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy: sbornik ekspertnykh dokladov.* Moskva, 2018, 61–140. (In Russ.)

Safaraliev G. K. Sostoyanie i perspektivy sokhraneniya i razvitiya yazykovogo mnogoobraziya // *Realizatsiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki: opyt goroda Moskvy i regionov Rossii.* Moskva, 2019, 112–119. (In Russ.)

Tishkov V. A. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategorii i praktik) // *Polis: politicheskie issledovaniya,* 2019, 3, 127–144. (In Russ.)

Tishkov V. A., Stepanov V. V., Funk D. A., Artemenko O. I. Status i podderzhka yazykovogo raznoobraziya v Rossiiskoi Federatsii: ekspertnyi doklad // *Analiticheskii vestnik, Gosudarstvennoe stroitel'stvo i konstitutsionnye prava grazhdan*. Moskva, 2010, 24. [<http://iam.duma.gov.ru/node/8/4384/13977>] (accessed: 15.09.2019). (In Russ.)

Долгова Алевтина Петровна
Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Россия
Dolgova Alevtina Petrovna
Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russia
enzenz@yandex.ru

**Волшебная сказка «Водарег» в иранском
фольклоре Центральной Азии:
тексты и структура повествования. Часть 1.¹**
**The “Vodaregh” fairy-tale in the Iranian-language folklore
of Central Asia:
Texts and narrative structure (part 1)**

Додыхудоева Л. Р.

Dodykhudoeva L. R.

Настоящая работа состоит из двух частей. В ней проанализирована одна из волшебных сказок, представленных в фольклоре Центральной Азии на иранских языках — на таджикском и шугнанском — «Водарег». В Части 1 мы приводим сравнительное описание структурных особенностей сюжета по таджикскому и шугнанскому текстам, рассматриваем в историко-типологическом аспекте близкие ключевые наборы мотивов, сюжетных ходов и состав персонажей. К первой части приложен шугнанский текст сказки с русским переводом автора статьи.

Ключевые слова: сказочный фольклор, *пери*, персонаж, мотив, иранские языки, таджикский язык, шугнанский язык, лексика, этнолингвистика, лингвокультурология

This paper consists of two parts. We analyse “Vodaregh,” a fairy-tale found in the Iranian-language folklore of Central Asia, particularly in

¹ Статья написана по госзаданию в рамках темы № 0182-2018-0004 «Ключевые проблемы типологического и сравнительно-исторического описания романских, германских, иранских, кельтских и древнеиндоевропейских языков. Индоевропейские языки в синхронии и диахронии: динамика структурного развития, язык и культура, язык и общество».

Tajik and Shughnani. In Part 1, we offer a comparative description of the structural features of the story's plot and narrative strategies, drawing on the Tajik and Shughnani versions of the story. We examine the set of key motifs, minor plot developments and cast of characters from a historical-typological perspective. The Shughnani text of the fairy-tale is provided as an appendix to Part 1, together with a Russian translation by the author of the present article.

Key words: fairy tale, folklore, *peri*, character, motif, Iranian languages, Tajik, Shughnani, vocabulary, ethnolinguistics, cultural studies

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-49-85

Введение

В настоящей статье (и ее продолжении) мы рассматриваем три текста одной сказки, записанных в разных по времени и социокультурной ситуации условиях на двух иранских языках в Центральной Азии.

Усложнение со временем социокультурного пространства, научно-технический прогресс, взаимопроникновение культур, а также трансформация системы ценностей способствуют изменению отношения к сказочному миру, и особенно к миру волшебной сказки. Его восприятие и осмысление радикально меняются. Изменяется также и понимание текста², его словесного выражения и особенно контекста. В XX веке появляется возможность создавать, перерабатывать и широко тиражировать обновленные тексты в новой интерпретации, сопровождая их иллюстрациями, что создает в мире традиционной сказки динамичный диалог и дает все новые возможности, трансформируя, расширяя или углубляя отдельные аспекты ее понимания. В данной статье мы приводим сравнительный анализ таких национально-региональных особенностей на примере одной сказки.

² Мы принимаем следующее определение: «Любое языковое высказывание ... представляет собой текст, т. е. некий языковой артефакт, созданный из известного языкового материала при помощи известных приемов» [Гаспаров 1996: 318].

Термин «сказка» является обозначением продукта творческого воображения, предшествующего авторскому литературному творчеству. Нередко сказка, считающаяся волшебной, не содержит ни одного чудесного действующего лица. В силу такой комплексной природы сказок необходимы сбор и документирование фактического материала, сопровождаемые изучением всех составных частей каждой сказки. Накопленные данные — как элементы фольклора (мотивы и их компоненты, персонажи, приемы), так и особенности вербального выражения в различных традициях и языках — послужат основой сравнения. При этом такое сравнение следует проводить на конкретных примерах на уровне региональных, локальных разработок сюжетов, поскольку, как указывает К. В. Чистов, «своеобразие духовной культуры отдельных народов может быть выявлено не на уровне элементов (мотивов), которые очень сходны и особенности которых у отдельных народов трудно различимы, и даже в большинстве случаев — не на уровне фольклористической абстракции, более высокой, либо более низкой ... Более низкие уровни, чем “элемент” и “композиция элементов” — это конкретные национальные и локальные разработки сюжетов, устойчивые контаминации, вошедшие в этническую традицию именно этого народа, особенности образов действующих лиц, конкретные черты художественной среды, изображаемых в сказках» [Чистов 1986: 74–75].

Еще пару столетий назад сказки исполнялись в Таджикистане, как и в других местах Центральной Азии, по традиции устно. Их рассказывали дома взрослым и детям, а также исполняли при гостиных дворах сказители, рассказчики-декламаторы (*афсонахон*)³, объединявшиеся в больших городах в профессиональные сообщества по принципу ремесленного

³ Языковые материалы приводятся в статье без помет: шугнанский язык — в латинице, таджикский — в кириллице.

цеха⁴. Об их предназначении в удаленных горных или пустынных регионах говорят даже сами обозначения сказок. Так, в некоторых местах Ирана их называли «(рассказ в) ночное время» (*shavghat*) в Араке или «ночной рассказ» (*gapi shab*) в Хормозгане [Рахмони 1998: 5].

Особая ситуация имела место на Западном Памире, в Бадахшане, где в сложных условиях высокогорья при натуральном хозяйстве умелые рассказчики, мастера словесного искусства, не имели возможности стать профессионалами, выполняя широкий круг обязанностей по ведению хозяйства. Яркое описание процесса рассказывания сказки на Памире приведено в рассказе шугнанца из Баджува профессора Д. К. Карамшоева, подготовленном специально по случаю издания «Сказок народов Памира»⁵. Он подчеркивает отсутствие на Памире профессиональных сказителей и указывает ситуации, когда можно было рассказывать сказки и когда это было запрещено, кто, когда и как рассказывал их. Так, сказки рассказывались для развлечения в следующих случаях: дома для развлечения гостей или перед сном для семьи, а также при посещении больного, чтобы занять его, при большом стечении народа (на свадьбе, празднестве) или в ходе путешествия; в период

⁴ Они сопровождали рассказ жестами, телодвижениями и мимикой. «Почти сорок лет спустя после пребывания в Персии А. А. Ромаскевича автору этих строк довелось не раз смотреть и слушать сказителей, которые нередко выступают как бродячие народные артисты — “мааракегири”, во время их представлений, так называемых “мараке”, или “мааракегири”. Эти “представления” обычно проводятся по пятницам в людных местах — на базарной площади или где-нибудь в чайной, которая в Иране называется кавехане — кофейной, несмотря на то что в ней никогда кофе не подают» [Шварц 1974: 54–55].

⁵ Сборник содержит 80 текстов сказок. Переводы текстов осуществлены И. М. Стеблин-Каменским, А. Л. Грюнбергом, Д. Карамшоевым, Д. И. Эдельман и Т. Н. Пахалиной [СНП 1976].

траура исполнялись грустные сказки. По традиции сказки произносили мужчины старшего возраста, хотя в их отсутствие их рассказывали и старые женщины [СНП 1976: 12–14]. В предисловии к этому сборнику А. Н. Болдырев отмечает, что у носителей языков шугнано-рушанской группы сказки по большей части передавались на родных языках, в частности шугнанском, у остальных памирских народов на бадахшанском наречии таджикского языка. Кроме того, он подчеркивает большую роль сказки в духовной жизни памирцев: «...Характерное двуязычие памирцев проявилось и в устном народном творчестве. Памирцы поют и сказывают свои песни и прозу — сказки, предания — на двух языках: родном (т. е. одном из памирских) и бадахшанско-таджикском. При этом за разными видами фольклора как бы закреплены разные языки. Носители языков и диалектов шугнано-рушанской группы (т. е. шугнанцы, рушанцы, баджувцы, хуфцы, бартангцы, рошорвцы) все прозаические произведения (сказки, рассказы, анекдоты, притчи) постоянно рассказывают на своем родном языке. Сказки на таджикском языке исполняются весьма редко и, главным образом, по специальному настоянию слушателей. Но у остальных памирцев — язгулямцев, ишкашимцев, ваханцев и мунджанцев — сказки живут равно на обоих языках — родном и “межпамирском” (таджикском)» [Болдырев 1976: 7].

В последние десятилетия сказочная традиция в своем традиционном понимании угасает, трансформируясь и приобретая новые формы. Это особенно касается волшебных сказок, так как данный жанр фольклора требует для сохранения и воспроизведения особых условий и мировоззрения. В этой связи особенно ценно, что сбор сказок и запись их у сказителей продолжается: в последние десятилетия исследователями были записаны тексты на шугнанском [Ризвоншова 2006; 2011] и таджикском языках (например, Р. Рахмони [Mills, Rahmoni 2009]).

Жанр волшебной сказки на иранском материале Центральной Азии еще недостаточно изучен, на что указывает,

в частности, отсутствие специального регионального указателя сюжетов для таджикского и памирского фольклора (имеется, однако, указатель, составленный У. Марзольфом для персидских сказок [Marzolph 1984]), работ по его систематизации и классификации; рассмотрены лишь отдельно взятые сюжеты или типы. Отсутствуют общие работы по формульной стереотипии, стилю, изобразительным средствам волшебной сказки как в памирских, так и в таджикском языках, хотя именно волшебный сказочный фольклор представляет собой важный элемент духовного и историко-культурного наследия народа. Однако работа в этом направлении ведется (см. об этом [Рахмони 1998; 2001 и др.]).

Тексты

Изучаемая нами сказка была записана в одном географическом ареале в Центральной Азии с разрывом во времени примерно в одно столетие на двух иранских языках. В историко-типологическом и сравнительном (по анализу содержания) аспекте данные тексты могут быть рассмотрены как варианты одного традиционного сказочного сюжета, имеющего при наличии целого набора стандартных мотивов и сюжетных ходов сходный набор ключевых мотивов. В сравнительно-историческом аспекте мы анализируем два сказочных текста одной волшебной сказки на двух иранских языках, выявляя в применении к данной сказке различные стадии развития этого жанра. Предпринятое нами сравнение текстов интересно как выбранным сюжетом, так и тем, что шугнанский материал представляет собой отличную от таджикской стадию существования во времени и в пространстве сказочного материала. В силу этого можно рассматривать данные тексты в русле соотношения гипотекст — гипертекст как «многослойный палимпсест» [Bronwen, Ringham 2006: 99–100, 140]. В дополнение мы изучаем тексты в этнолингвистическом аспекте, выявляя и

иллюстрируя возможности для сравнительной процедуры, опираясь на структурные элементы, сюжет и стилистические элементы каждого, устанавливаем этнолингвистические особенности терминологии, анахронизмов и устойчивых выражений, а также других пространственно-временных отличий и противоречий. Наряду с этим мы анализируем паратекстуальное пространство (лексико-грамматических, когнитивных, прагматических, ремарок и пр. комментариев) в соответствующем социоллингвистическом контексте.

Мы проводим сравнительный анализ зафиксированных письменно текстов произведения на двух иранских языках — шугнанском и таджикском⁶. В данном случае мы рассматриваем небольшое по объему фольклорно-художественное произведение с установкой на передачу особенностей культурно-исторической среды, где основную коллизию составляют действия событийного плана. Рассматриваемые тексты можно отнести к разным сказочным жанрам, в первую очередь волшебным, с включением элементов богатырских и бытовых сказок. К разряду волшебных сказка отнесена, в первую очередь, на том основании, что среди ее персонажей присутствуют такие сверхъестественные существа, как пери, дивы и т. п.

⁶ В ряде случаев мы привлекаем для анализа русские переводы таджикских, памирских и персидских сказок близкой тематики, например таджикскую сказку «Пери, дочь падишаха — повелителя страны духов» [ТНС 1990] и персидскую «Дочь падишаха пери» (Средневековая персидская проза, 1986), где упомянуты сходные функционально предметы и мотивы: сокол, ручей, сады Ирема, башмаки, посох, ночная шапка пророка Солеймана, заклинания. В отдельных случаях мы опираемся при сравнении на близкие по сюжету персидские сказки, такие как «Сказка о Малек-Джамшиде» (Персидские сказки 1958: 203–216) или истории Азар-шаха из Персии и Малек-Мухаммада и дочери падишаха пери из «Историй о пери» Дж. Лейдена (Leyden J. Tales of the Peries, 1812).

Первый анализируемый нами текст представляет собой первый в науке текст, записанный на шугнанском языке и введенный в научный обиход еще в XIX веке. Шугнанский текст был опубликован политическим агентом Р. Б. Шоу⁷ вместе с кратким историко-географическим очерком Шугнана и Памиров (Западного и Восточного Памира), фонетическим и грамматическим описаниями и словарем шугнанского языка [Shaw 1877: 97–126]. Автор подготовил статью, посвященную шугнанскому языку, в русле решений проходившего в 1876 г. в Санкт-Петербурге при Азиатском музее III Международного конгресса востоковедов, где была подчеркнута необходимость расширения изучения наречий верхнего течения реки Пянжд (Оккус) [Shaw 1877: 104]. Этой и увидевшей свет в предыдущем году публикациями Р. Б. Шоу было положено начало научному изучению памирских языков [Shaw 1876; 1877]. Текст сказки был записан у носителя шугнанского языка, предположительно пришедшего по делам из Шугнана, в качестве образчика тогда еще неизвестного местного иранского наречия, носителей которого именовали горцами-гальча. Шоу назвал его «Вой-Дирег» («Woy-Dirêy») по имени героини сказки [Shaw 1877: 104–120].

Таджикская версия сказки в литературной обработке представлена двумя доступными нам вариантами [АТ 2008: 198–209; АХТ 2013]. Таджикский текст был записан у сказителя на территории Таджикистана почти столетие спустя, в середине XX века, и обработан известным таджикским фольклористом Раджабом Амоновым. Названием сказки в обоих случаях служит имя ее героини-пери — Водарег (ВД). Сборник таджикских народных сказок неоднократно издавался и перерабатывался, включая то больший, то меньший

⁷ Служившего в 1876 г. Кашгаре (КНР), а в 1877 в Ладаке (на северо-востоке совр. Пакистана). В предыдущей публикации Р. Б. Шоу были приведены несколько шугнанских слов в записи писца-мунши Файз Бахша.

набор сказок. В последнее прижизненное издание Амонова «Сказок таджикского народа» («Афсонаҳои ҳалқи тоҷик») вошел 131 текст [2001]. Позднее свод «Таджикские сказки» («Афсонаҳои тоҷикӣ») дорабатывался еще одним составителем Д. Обидовым и вышел под редакцией Д. Рахимова в Душанбе [2008]. Впоследствии сборник «Сказки таджикского народа» был еще раз переиздан в Худжанде по более раннему изданию Р. Амонова («Афсонаҳои ҳалқи тоҷик») [2013].

При этом очевидно, что шугнанская сказка представляет собой записанный устный текст непрофессионального рассказчика, целью которого было воспроизвести связный текст на языке и дать образчик неизвестной речи. При его издании сохранена подача данного текста в виде записи устного рассказа. Более поздние таджикские вариации подверглись редактированию и прошли литературную обработку, а потому более логично и подробно прописаны и выстроены. В силу этого в них сверхъестественное подвергается рационализации, мифотворчество как религиозное переживание с его особенностями мифологического мышления уступает место историческому восприятию религии и более современному отражению социальной действительности, а содержательная и фактологическая информация нередко из прагматических соображений подвергается внутреннему комментированию.

Как указал еще С. Ольденбург, каждая сказка есть произведение того, кто ее пересказал, ибо каждый пересказчик выбором самой темы и способом ее изложения совершает творческий акт, вносит своё субъективное видение [1924: 158]. Заметим кстати, что фигура рассказчика как категория актуальна не столько для самого произведения, сколько для ситуации его устного рассказа, бытования, то есть жанра сказки как факта не литературы, а фольклора. При этом, поскольку каждый сказитель исполняет сказки на свой лад, каждое устное исполнение текста отличает своеобразие. В этой связи можно упомянуть работу И. И. Зарубина, в которой приведен материал о манере изложения и особенностях бытования

памирских сказок [1927]. При этом сказки развиваются и подвержены известным законам, по которым происходят различные трансформации, что и создает многообразие. Совершенно иную роль выполняет редактор (переводчик, человек, производящий литературную обработку) текста, роль, актуальную уже непосредственно для словесного произведения, то есть сказки как факта литературы.

Элементы повествования: мотив, сюжет, персонажи, стратегии

В историко-типологическом аспекте данные тексты могут быть рассмотрены как варианты одного традиционного сказочного типа, состоящего из близкого ключевого набора мотивов и сюжетных ходов⁸.

Согласно разработанным в литературе структурным частям текста мы выделяем завязку, основную часть и финал (см. Схема 1). В основной части А — «Восстановление социальной справедливости» в шугнанской сказке и «Повышение социального статуса» в таджикской сказке — разворачиваются события, связанные с притязаниями на равное с социальным главой сообщества (шахом) положение и на признание права на родство в рамках традиционного социального восприятия общества и подчинения авторитетам, в первую очередь фигуре отца, а также правителя, шаха. Во второй части Б «Поворотный момент» осознается ложность первоначальной цели и осуществляется отказ от стандартных взглядов на устройство общества, происходит обретение собственных взглядов на жизнь, реализуются истинные личностные цели. Принятие героем самостоятельных решений по устройству своей жизни служит утверждению человеческого духа, фигура же пер

⁸ Мотив мы рассматриваем по А. Н. Веселовскому как простейший акт или образ, одночленный схематизм, повторяющуюся формулу, заложенную в основу сюжета, а сюжет как комплекс мотивов, как сложные схемы [Веселовский 1989: 301–302].

выступает в данном случае в качестве побудительной причины, триггера. Таким образом сверхъестественное существо дает возможность человеку освободиться и осуществить желаемое на земном уровне.

*Схема 1. Структурные части текста
(анализ по морфологической модели В. Проппа)*

№	Структура текста	Шугнанская сказка	Таджикская сказка
1	Исходная ситуация, завязка	Рождение детей у шаха и вазира	Рождение детей у шаха и вазира
2	Основная часть текста. А. Восстановление социальной справедливости		
	Договор / нарушение договора	Договор о браке детей. Нарушение договора. Условие шаха	Сватовство сына вазира к дочери шаха. Условие шаха
	Поиски искомого для достижения цели	Странствие, преодоление препятствий на пути к цели	Странствие, преодоление препятствия на пути к цели
	Встреча с чудесным помощником	Сверхъестественным существом в образе друга	Пери в образе друга
	Встреча с чудесным противником	Сверхъестественным существом	Дивом
	Обретение искомого для достижения цели	Мирского добра, белого сокола	Мирского добра для выкупа за невесту
	Восстановление социальной справедливости	Возвращение домой, свадьба с дочерью шаха	Свадьба с дочерью шаха Мисра, возвращение домой, свадьба с дочерью шаха
	Б. Поворотный момент: Осознание ложности цели	Узнавание в товарище девушки. Поиски девушки	Узнавание в товарище девушки-пери. Поиски девушки-пери, Борьба с шахом Кулзума
3	Конечная ситуация: Достижение героем желанной цели	Брак с девушкой-пери	Свадьба с девушкой-пери, свадьба 2й девушки с шахзаде

Развитие сюжета достигается за счет принимаемых действующими лицами решений, которые рассматриваются как результат выбора персонажами когнитивных стратегий для достижения искомых целей, характерных для данного социума. Оба варианта сказки — и шугнанский, и таджикский — объединены системой образов и мотивов, лежащих в основе миропонимания, присущего всему сообществу, которое в ходе исторического развития находилось под влиянием персидской культуры (англ. *Persianate societies*), менталитетом, принципами взаимоотношений людей, а также мыслительными стереотипами, характерными для данной человеческой общности.

В шугнанской сказке представлен минимальный набор действующих лиц: герой, помощник (впоследствии становящийся женой), противник, а также ряд второстепенных персонажей (отец, мать, шах, принцесса, всплывшая женщина, в негодовании сообщившая секрет, гонец, служанка, мудрец-казначей, пастухи и др.), в таджикской — круг второстепенных персонажей значительно расширен за счет введения в развитие сюжета дополнительных религиозных мотивов (кузнец, святой старец, старик-земледелец, шах Кулзума, его сын и др.).

Тексты различаются «прописанностью» отдельных деталей. При сравнении сюжетов можно заметить, что таджикский вариант фабулы более разработан, насыщен дополнительно введенными деталями, в основном дидактического и религиозного плана, за счет внутреннего комментирования вводится рефлексия, намечается мотивировка и оценка действий героев. Здесь полнее прописаны подвиги девушки-пери как в образе богатыря, так и девицы, описания ее внешнего вида. Более подробно очерчена участь девушки-пленницы, которой главные герои помогают вернуться домой в Миср, а потом устраивают ее брак с сыном шаха Кулзума. Эти подробности, а также вся история шаха Кулзума полностью отсутствуют в шугнанской сказке. В одной из таджикских версий текста

намного более отчетливо прописан внешний вид, красота девушки-пери, которая произвела на юношу сильное впечатление: «Посмотрев на это юное лицо, восхитительные глаза и брови, стройный стан, сын вазира чуть было не лишился чувств. Сияющие глаза, длинные ресницы, брови дугой, щеки румяные, будто красное яблоко, блистающее красой лицо — о такой красоте, что ни скажи, будет мало» (*Вазирзода ба рӯю чаиму абрувони ҷавон, ба қаду қомати ӯ нигариста, қариб буд, ки аз ҳуш равад. Чаимони шаҳло, миҷғони дароз, абрувони тобон, рухсораҳои чун себи сурх, рӯи дурахшои — дар бораи чунин ҳусн ҳар чӣ гӯи кам аст*) [Афсона ... 2001: 170]. В шугнанском тексте нет описаний внешнего вида или намеков на гендерные признаки этого действующего лица, а информация о том, что это существо женского пола, вводится лишь практически в конце сказки со слов дочери шаха (в параграфе № 66 при общем их количестве 79).

Особенностью сказки можно считать раскрытие эмоционального состояния героев, что происходит отчасти посредством описания действий и поступков персонажей. Так, поворотным пунктом в обоих текстах становится осознание сыном вазира ложности своих первоначальных целей и стремление соединиться с возлюбленной, хотя прямо о чувствах юноши нигде не упомянуто. Для шугнанского текста показательны еще и решение об отказе главного героя от дочери шаха и то, что он, ни минуты не медля, отправился на поиски ВД. В таджикской сказке также юноша, узнав о том, что ВД девушка, сокрушается, что, сам того не зная, упустил свое счастье, и также без промедления направляется разыскивать ее, восклицая: «Увы! Сто раз увы! Счастье покинуло меня неразумного» (*ДареҒо, сад дареҒо, бахту саодатам аз пеши мани нофаҳм рафтааст!*). Еще одной характерной чертой шугнанского текста можно считать раскрытие душевного мира девушки, указывающего на ее благосклонное отношение к юноше: по особому аромату цветов и кольцу она догадалась, кто именно пришел в сад, и, приведя поэтическую

цитату, сравнила красоту цветов с его ликом, а, испив воды, ощутила ее чудесный вкус. Когда же юноша, появившись, стал приветствовать ее, девушка поднялась, чтобы ответить на его приветствие, и, усадив его рядом с собой, приказала служанке позвать муллу для бракосочетания. В ТС сын вазира завоевывает героиню силой и хитростью, преодолев ее сопротивление и силой вынудив дать особенную клятву и пообещать, что они сочетаются браком. Однако, дав обещание, ВД держит слово, отказываясь вступать в брак с очередным претендентом на ее руку.

Заключение

Итак, анализ двух разноязычных текстов волшебной сказки, записанных в одном достаточно широком регионе Центральной Азии, показал, что:

— Шугнанская сказка представляет собой письменную запись устного рассказа, тогда как таджикский текст с его вариациями, прошедший многократное редактирование стал уже фольклорным произведением, подвергшимся литературной обработке, интерпретации. Это хорошо просматривается в структурных деталях сказки, ее стилистике, ее насыщенности религиозной лексикой и понятиями и этнолингвистических особенностях при сохранении общей структуры волшебной сказки.

— Герой сказки при посредстве чудесной помощницы пересмотрел свои первоначальные устремления, отказавшись от стереотипных взглядов на свое положение в обществе, обретя собственные взгляды на жизнь и реализовав свои истинные цели. И в шугнанском, и в таджикском текстах нашла отражение активная жизненная позиция героини, сочетающей черты сверхъестественного существа, пери, и девы-воительницы. Однако при всем том в аспекте гендерных отношений героиня следует модели женского поведения.

Сокращения

- АТ 2008 — Афсонаҳои тоҷикӣ. Душанбе, 2008.
АХТ 2013 — Афсонаҳои халқии тоҷикӣ. Худжанд, 2013.
СНП 1976 — Сказки народов Памира. Москва, 1976.
ТНС 1990 — Таджикские народные сказки. Москва, 1990.
ТС — таджикская сказка
ШС — шугнанская сказка

Литература

Афсонаҳои халқи тоҷик (Сказки таджикского народа).
Сост. *Р. Амонов*. Dushanbe: Институт «Чомеаи кушода». Бунёди
мадад Тоҷикистон (Open Society Institute), 2001.

Афсонаҳои халқии тоҷикӣ (Таджикские народные сказки).
Сост. *Р. Амонов*. Худжанд, 2013.

Болдырев А. Н. Предисловие // Сказки народов Памира.
Составление и комментарии *И. М. Стеблин-Каменский и*
А. Л. Грюнберг. Москва, 1976, 5–22.

Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // *Веселовский А. Н.*
Историческая поэтика. Москва, 1989.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языко-
вого существования. Москва, 1996.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ле-
нинград, 1986.

Пропп В. Я. Собрание трудов: Морфология волшеб-
ной сказки. Ред., комм., указатель *И. В. Пешкова*. Москва,
2003.

Рахмони Р. Сказки и сказочники персоязычных народов.
Москва, 1998.

Рахмони Р. История сбора, издания и исследования на-
родных сказок. Душанбе, 2001.

Рахмонов (Рахмони) Р. К. Сказки персоязычных
народов в современных записях (Проблемы термино-
логии, специфики, истории, репертуара, состояния и
искусства исполнения сказителей на материале полевых

исследований). Автореф. дисс... на соискание ученой степени д. филол. наук. Душанбе, 1998.

Ризвоншоева Г. Н. Волшебные сказки Бадахшана (исследование идейного содержания и образов). Автореф. дисс... на соискание ученой степени к. филол. наук. Душанбе, 2006.

Ризвоншоева Г. Н. Афсонаҳои сеҳромези Бадахшон (таҳқиқи гоя ва образ). Мухаррири масъул: *Додоҷон Обидов*. Душанбе, 2011.

Сказки народов Памира. Составление и комментарии *И. М. Стеблин-Каменский и А. Л. Грюнберг*. Москва, 1976.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. *Л. Г. Бараг* и др. Ленинград, 1979.

Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Ленинград, 1986.

Шварц Э. А. К истории изучения фольклора Ирана. Душанбе, 1974.

Bronwen M., Ringham F. Key Terms in Semiotics. London; NY, 2006.

Marzolph U. Typologie des persischen Volksmärchens (A typology of Persian folktales). Beirut, 1984; перс. перев.: *Tabaqe-bandi-ye qeşşehâ-ye Irâni*. Tehran, 1992.

Mills M., Rahmoni R. Methods and grounds for comparison: two Persian oral texts // *From Daena to Din*. 2009, 429–450.

Shaw R. B. On the Shighni (Ghalchah) Dialect // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1877, XLVI, I, 97–120.

References

Afsonahoi khalqi tojik (Skazki tadhikskogo naroda). Comp. *R. Amonov*. Dushanbe: Institut «Jomeai kushoda». Bunyodi madad Tojikiston (Open Society Institute), 2001. (In Tajik)

Afsonahoi khalqii tojikī (Tadhikskie narodnye skazki). Comp. *R. Amonov*. Khujand, 2013. (In Tajik)

Boldyrev A. N. Predislovie // *Skazki narodov Pamira*. Sostavlenie i kommentarii *I. M. Steblin-Kamenskii i A. L. Gryunberg*. Moskva, 1976, 5–22. (In Russ.)

Bronwen M., Ringham F. Key Terms in Semiotics. London; NY, 2006.

Chistov K. V. Narodnye traditsii i fol'klor. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Gasparov B. M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. Moskva, 1996. (In Russ.)

Marzolph U. Typologie des persischen Volksmärchens (A typology of Persian folktales). Beirut, 1984; перс. перев.: Tabaqe-bandi-ye qeşşehâ-ye Irâni. Tehran, 1992.

Mills M., Rahmoni R. Methods and grounds for comparison: two Persian oral texts // From Daena to Din. 2009, 429–450.

Propp V. Ya. Sbornie trudov: Morfologiya volshebnoi skazki. Red., komm., ukazatel' I. V. Peshkova. Moskva, 2003. (In Russ.)

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Rakhmoni R. Istoriya sbora, izdaniya i issledovaniya narodnykh skazok. Dushanbe, 2001. (In Russ.)

Rakhmoni R. Skazki i skazochniki persoyazychnykh narodov. Moskva, 1998. (In Russ.)

Rakhmonov (Rakhmoni) R. K. Skazki persoyazychnykh narodov v sovremennykh zapisyakh (Problemy terminologii, spetsifiki, istorii, repertuara, sostoyaniya i iskusstva ispolneniya skazitelei na materiale polevykh issledovaniy). Avtoref. diss... na soiskanie uchenoi stepeni d. filol. nauk. Dushanbe, 1998. (In Russ.)

Rizvonshoeva G. N. Afsonahoi sehromezi Badakhshon (tahqiqi ghoya va obraz). Muharriri mas'ul: Dodojon Obidov. Dushanbe, 2011. (In Tajik)

Rizvonshoeva G. N. Volshebnye skazki Badakhshana (issledovanie ideinogo sodержaniya i obrazov). Avtoref. diss... na soiskanie uchenoi stepeni k. filol. nauk. Dushanbe, 2006. (In Russ.)

Shaw R. B. On the Shighni (Ghalchah) Dialect // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1877, XLVI, I, 97–120.

Shvarts E. A. K istorii izucheniya fol'klora Irana. Dushanbe, 1974. (In Russ.)

Skazki narodov Pamira. Sostavlenie i kommentarii I. M. Steblin-Kamenskii i A. L. Gryunberg. Moskva, 1976. (In Russ.)

Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka. Sost. L. G. Barag i dr. Leningrad, 1979. (In Russ.)

Veselovskii A. N. Poetika syuzhetov // Veselovskii A. N. Isto-ričeskaya poetika. Moskva, 1989. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ I

В приложении приводится сказка «Вой-Дирег» в записи Р. Б. Шоу [1877: 104–112]. Сказка дана в приближенной к привычной в настоящее время передаче шугнанской лексикой (напр., *rizīn*, *sūd*, *lūvj*, *zūn*, *jūn*, *qišlōq* и др.) и записана при посредстве иранистической транскрипции на латинской основе. Шугнанский текст сопровождается русским переводом автора статьи.

ШУГНАНСКИЙ ТЕКСТ: WŌI-DIRÊĠ

1. Rūzi yi pōdĥō wazīr-katti šart-i čūŷj. Lūvj-i: “Agar mu-nd puc sūd, tu-nd rizīn sūd xu rizīn mu puc-ir(d) dōd.” Wazīren nōsč-en di qawli-yen ħud.

2. Rūzi vud, wazīr-ar puc sut, at wazīr mūd. Pōdĥō-and rizīn sut. Sa(h)ar-en xabar pōdĥō-ar vūd: “Rizīn tu-nd sut.”

3. Pōdĥō mārakā-n nūsčīn vud, yi ōdam az vāj ded, suxan-i čūd: “Wazīr mūd.” Pōdĥō xu xeĥi “xayr”-i čūd. Mardum-en di ħud. Wazīr-bačā red.

4. Rūz ba rūz qad čūd, kattā sut. Meθō vud, tar xu mōd suxan-i čūd, lūvd-i: “E, mōdar-i mērabūn, mu pid-and-i tīr-i dast yast?” Yā lūvd: “Tar xazīnā ded.” Yu ded tar xazīnā, tīr-i dast-i zōĥt xu naĥtūyd.

5. Naĥtūyd tar vāj, xu mašk darraw čīdōw sut. Bād lapaθ mašk-i čūd, pālawūn sut.

6. Yi ŷīnik az bōzōr yat. Taḡōr-andi pāy, wam kāl-ti-at yat. Yu tīr-i dast alqā-i čūd, wam taḡār-ti weδd-i, di āz mi pāli tar wi pāli zibud.

7. Pāy ar-wam pic xāvd. Bād idis xu pic-ir(d) dust-i δōd. Nazar weđd tar bačgalā. Fuken dađ tīr — pūr, wazīr-bačā-nd — xōli.

8. Bād-i lúvd: “Ey, bi-nafas! Tu-at ikdis vud, di az mōdar-at mutawalud sut. Pōdǎō xu xeǎi az tu xayr-i čūd.”

9. Bād xu dust tar xu jeb-i yōd. Az-um-andi pul-i zōǎt. Pattēwd-i tar wam ŷinik: “E ŷinik! tu pul zēz, suxan-i bad čīz kini?”

10. Xu mōd-ar di gāp δōd, lúvd: “E mōd! mu pid-and a(r)či čīz yast? Yam mardum na-yāden tar mu. Yi ōdam-i rimōd tar qišlōq. Fukaθ jām-i čūd xu vūd-i. Tar pōdǎō ǎez digar yi ār-aθ na sut. Bād mardum-ard xurōk darraw δedōw sut.

11. Bād tar xalq masla(h)at-i čūd. Lúvd: “Yi ōdam tar pōdǎō xez bōzām. Az mard qawl-at az zan fel.”

12. Wī ōdam-en rimōd, yi sut pōdǎō ǎez-andi, salōm-i čūd. Lúvd: “Wa alaykum as-salōm. E xōna-yi padar mubōrak bōšad. Tu xub-xub pūnd-at sar čūǎǎj.

13. Bād yi qissa-i zōǎt, lúvd-i: “Pōdǎō-i ōlam! Mu-r(d) tar tu xez wazīr-bačā bōǎt. Wī ōta katti dis šart-at čūǎǎj-it. Pōdǎō-en kāl-ird ti ca yōđd, wađ az xu qawl na garđen. Yam čīz sut?”

14. Bād pōdǎō lúvd: “Inǎvet di! Surb di ǎev-ti tis kinet. Yi gad-ird pand-yād sūd.”

15. Bād yu čōrik naǎtūyd, xu sut tar wazīr-bačā xez. Wazīr-bačā wind-i wi, lúvd: “E! di surb az di ǎev-ti zēzet.” Wī surb zōǎt-en. Bād suxan-i wi pexst.

16. Yu lúvd-i: “Wuz-um tama gāp-am δōd. Pōdǎō lúvd-i: “Mi ǎev-ti surb tis-kinet. Yī gad-ird pand-yōd sūd.

17. Wazīr-bačā gaǎt tar xu wazīr-en, suxan-i čūd, lúvd: “Māš ca-rāng kinām šič,” lúvd-i: “Maslahat kinet.” “Yi ga ōdam bōzām.” Yi ga ōdam-en bōǎt.

18. Firēpt pōdǎō-en xez-andi. Bād az salōm, gāp-i zōǎt. Pōdǎō lúvd-i: “Inǎvet di!” Wazīren-en lúvd: “E! Pōdǎō-i ōlam, tu awal gāp δōd, ōxir yi zulikik ǎidā di i-und tambe weđd; tamā kattadi tambe weđet. Šič di idis ved: Bōz-i safed mu-r vār, wuz tu katti xeǎi kinum.” Wī čōrik-en ruxsat δōd.

19. Sut wazīr-bačā xez-andi, lûvd-i: “Šer-at yō rubō?” Lûvd: “Nay, wuz-um mudōm-aθ šer-bačā vud.” Lûvd-i: “Wōqia-i kōr ik-am: bōz-i safed mu-r vīrt.”

20. Bād yi gaḫt tar xu wazīren, lûvd: “Anjūm kinet.” Bād-en anjūm čūd. Wi-r tuḫā anjūm-en čūd. Saār tar pūnd-en δōd. Fukaθ-en rawōn wi-katti sut, yu wižīvd-i wef, lûvd: “Mu-rd-at ba-kōr nist. Wuz — yi qalandar. Agar pōdḫō xizmat-um vār-δōd, ikid. Tamā wižafcet.”

21. Bād xubaθ ru-i ba rō-yi čūd, rō ba biōbōn, bād bar dōman-i daḫt. Čandīn farsang-i δōd. Yi ḫac mōbain-ir(d) yat.

22. Bād az xu vōrj-ti xāvd. Yi savōr az wi ruyā yat, ḫac zimb-ti xāvd. Tar yak digar-en suxan čūd. Lûvd: “E vrōd! mubōrak safar. Tu tar-kā-t ixtiyōr čūḷj?” Yu lûvd-i: “Wuz-um xizmat-i pōdḫō rawōn, bōz-i safed-ird rawōn-um.”

23. Yu lûvd-i: Tu ism-šarīf čīz?” Lûvd: “Wazīr-bačā.” Yam wād wi peḫt-i; yu lûvd: “Alā-aspa.” Bād lûvd: “Yat, katti sāv-am.” Yu lûvd: “Tu xu cem biḏem, xu pic tar zibō kin, wuz yat-um,” Yu xu cem-i biḏemd, xu pic tar zibō-i čūd. Pāli gaḫt, yu wi xez-andi.

24 Bād-en katti sat, xu tōyd-en. Sat-i daḫt-andi. Čandīn rō-(y)en δōd, tuḫnā-(y)en sut, guḫnā-en sut. Bād-en wam daḫt miḏen-andi xāvd. Lûvd: “E vrōd! Yi lav tuḫā ziweḏ.” Tuḫā-yi zōḫt, darraw xīdōw-en čūd.

25. Bād tuḫā-en xūd, lûvd: “Tu tar-i tamōšō sāv, yi žīr-i-žīr bun viri, māš ḫab-panō kinām.” Bād wazīr-bačā nūst-at Alā-aspa sut. Tar wi daḫt xel-ak čarx-i čūd. Hič čīz-aθ mawjūd na-sut. Bād ik-yum-andi nafas-i nūst.

26. Dast ba-duō-i čūd, xu kāl xambent-i; xu kāl-i sent, čūḫt-i: qilā tayōr suḏj, darwōza yet-aθ. Rawōn sut, tar qilā ded, tamōšō-i čūd, xu wižīvd az xu jōy-ti, sut tar xu amrō xez.

27. Lûvd-i: E vrōd! Yi žīr-bun-um vūd, nur-ḫab sāv-ām, yum-andi ḫab-panō.” Bād-en sut, ded-en tar qilā. Lûvd: “E vrōd! Yu žīr-bun kai-yi?” Lûvd: “Žīr-bun-i k-am vud?”

28. Sat-en, žīz-en vūd. Yiw darraw yōc piḏid-ir(d) sut. Yiw pis-ḫac sut. Bād ōb taōm-en sat. Xūd-en, xu vōrjen axtaxūna-en vūst. Čūšč-at wōḫ-at-en lā-čūd.

29. ǰab-en yum-andi ǰōvd, sa(h)ar Alā-aspa lūvd-i: “Wuz ǰew sāw-um, tu niθ.” Yu tūyd ǰew, yam nūst.

30. Wazīr-bačā xurōk-i puxtā xu-r čūd. Xubaθ xūd-at wi baǰ biyin-i čūd, xu lā-čūd-i. Xubaθ yat, xu bistar-ti xu pattēwd-i. Zamōn vud, divi sadō čūd.

31. Yi čīz-i yak-waǰab-i ded xu naǰǰīd tar kicōr. Yi tōr birūt-i xu-nd pikid, wi dūst-at pōd-i vūst, pattēwd-i xubaθ wi xurōk-i xūd xu naǰtūyd. Wazīr-bačā zūr-i čūd, ba azōb-i yet-čūd, xu pis zibō-i wi čūd.

32. Daryōv-i wi čūd, yu zibud tar γōr. Yam xafā sut, xu wiǰīvd. Ded tar qilā. Xubaθ yet, xu jōy-ti nūst. Xu miǰj-i zōǰt darraw pisen đet sut. Divi sadō čūd. Yi xu miǰj-i zōǰt xu zibud tar divi zibō. Azam Alā-aspa ded.

33. Lūvd: “E vrōd! mu ba di tar (h)aq-i-tu čīz?” Wi lūvd: “Ti-ām, gāp tu-r đōd-um.” Bād sut. Alā-aspa xu wiz-i az xu dām-ti lā-čūd. Yid sut, taōm-i wi-r vūd. Taōm-i xūd-at fōtia-i lūvd. Wazīr-bačā andūyd, deg-at tabāk darraw zinēd-aθ sut.

34. Bād Alā-aspa lūvd: “Mu ba di tar (h)aq-i-tu čīz vud?” Yu lūvd-i: “E! tu bādi tar (h)aq-i-mu nist, wuz-at tu-ām — vrōd. Wuz-um yi waxt xurōk puxtā čūd, xubaθ-um xūd-at tu-rd-um lā-čūd. Xubaθ-um yat xu jōy-ti-um xu pattēwd. Divi sadō čūd. Yak-waǰab-i ded. Bād-i tōr burūt-i xu-nd naǰfent. Mu dūst pōd-i vūst. Xubaθ zibud wi ōb-taōm-i xūd. Bād xubaθ naǰtūyd. Wuz-um zūr-at zūr ba azōb-um xalōs xu čūd, bād pis-zibō-um wi čūd.

35. Daryōv-um wi čūd, zibud tar γōr. Wuz-um wiǰīvd. Yatt-um, xu miǰj-um zōǰt, ik-yund-um nūst. Divi sadō čūd. Wuz-um zibud, di mi pīđ ca deđd, mu mis farō yēst. Tu-at ded.” Xu birej-en weđd-xu ǰōvd-en.

36. Saār rux đōd, Alā-aspa lūvd-i: “E, wazīr-bačā! tu sāw ǰew-at wuz niθum.” Wazīr-bačā tūyd ǰew, yam darraw ōb-taōm sut. Xurōk-i pext, xubaθ-i xūd, wi-rd-i lā-čūd. Xu miǰj-i zōǰt, xu yat ik-yum-andi nūst.

37. Ik-yu-wi waxt vud, divi sadō čūd-at yam mis andūyd-at yu mis ded. Miǰj (h)awōlā čūd, wi kāl đōd tar pō(y)-gā(h), wi tanā tar divi zibō.

38. Yam zōxt-i, xu tōḥč-virek-i jām čūd, wixin mā-sūd. Tō mi xāvdōw-ird wi kāl zibud wi garḍān-ti, jōwsar sut. Bād naḫtūyd xu racūst.

39. Alā-aspa pis-zibō-i wi čūd. Daryōv-i wi čūd. Yak bōr pāli gaḫt-at dōst tar bun-i čūd, lūvd-i: “Saar, xu (h)ōl čīz, wīnet.”

40. Alā-aspa wižīvd γamgīn, ded tar qilā. Yat, xu jōy-ti nūst. Xu miḍj xu-tar-dōman lā-čūd. Gōyat-i vud, divi sadō čūd, yam andūyd. Wazīr-bačā ded. Lūvd: “Mu ba di tar (h)aq-i-tu čīz?”

41. Lūvd: “Hič čīz-aḥ nāy; biyōr-at tu lūvd, wuz-um bōwar na čūd. Tu gāp rōst vuḍj. Yat, māš šič xu řew čīdōw lā-kinām. Čīz makr-i (h)ilā kinām ki wi γōr deḍām. Tanōb-i-abrišimin tēbām.”

42. Čil gaz tanōb-en tebt. Saar ōb naōr-en čūd, rawōn-en sut tar pūnd. Wazīr-bačā lūvd-i: “Wuz deḍum.” Alā-aspa lūvd: “Xub, tu tōqat na vārḍi.” Bād firēpt-en yum-andi. Kamand wi baγal-andi saxt-i čūd. Weḍdi, tō zūn-ic sut, lūvd-i: “Pa(h)! sūxt(ā)-m.”

43. Alā-aspa kamand tīžd-i, lūvd: “E wazīr-bačā! nūbat mu-nd. Yi nasī(h)at tu-rd kinum. Wuz lūv-um: ‘Pa(h)! sūxt(ā)-m’ tu sust-di lā-kin”. Alā-aspa weḍd-i. Lūvd-i: ‘Pa(h)! sūxt(ā)-m!’ Yu sust-di lā-čūd. Alqissa xeyli waxt nařjīd, tanōb wi mi ḍūst kut red. Yu tar bīr-ja(h)ōn, tar Čil-dunyō, firēpt. Tanōb az xu baγal-ti xalōs čūd. Bād yam wazīr-bačā wi γōr γēv-ti gulxan weḍd-i.

44. Alā-aspa rawōn sut, mōl as-pirō dičōr wi-r yat. Az čūpūn du(h)ō-i čūd, lūvd: “Ey! yam mōl či-nd?” Čūpūn lūvd-i: “Yak waγab-i-nd.” Yu firēpt yi warg-i injūvd, ruyi hawō wi kāl-i zōxt. Yi sēx kabōb az wi-ti xu-rd-i čūd. Kabōb-i pext, xūd-i, daḍ tūyd.

45. Bād s'tūr-dōr as-pirō yat. Duō-i čūd, lūvd-i: “Yam s'tūr či-nd?” Yu lūvd-i: “Yak-waγab-i-nd.” Yu sut, ki az wi katta-di řj nay, ik-wi injūvd; wi kāl-i zōxt. Yi sēx kabōb az wi-ti xu-rd-i čūd. Wi digar-i pattēwd. Čūpūn ḍōd yi řkasta xu pis-pic.

46. Yu rawōn sut, γōyat jōy sut, řitur-būn dičōr wi-r ḍōd. Du(h) ō-i čūd, lūvd-i: “Yam s'tūr či-nd.” Yu lūvd-i: “Yak-waγab-i-nd.” Yu sut, ki az wi katta-di buyrō nai, ik-wam injūvd. Wam kāl-i zōxt. Yi sēx kabōb az wi-ti xu-rd-i čūd, xu rawōn sut. Sarwūn di xu pis-pic.

47. Yu tūyd. Gallā-būn wi-r dičōr yat. Du(h)ō-i čūd, lūvd-i: “Yam gallā či-nd?” Sut, yi katta vōrj injūvd, wi kāl-i zōxt. Yi sêx kabōb az wi-ti xu-rd-i čūd. Yu gallā-būn di xu pis-pic.

48. Yu tūyd tar xār firêpt. Xazīnači darvōza-andi nūsč. Yu lūvd-i: “Tu yundi či-r kin-i?” Yundi parindā dām-δêd na vārδêd.” Lūvd-i: “Ar čīz ved, ba nasībi-xu-um yat.”

49. Alā-aspa wi peχct-i “Yak-waǰab-i ĵūn čīz darūn?” Lūvd-i: “Nur ōu rūz sut, yu pi tīr-dinyō vud, az-um zaxmi yat. Šič xōvj. Wi ĵūn wi pis-pāli, ōu žīr, yiw az mi pāli, yiw az wi pāli. Wef žīren viraŷ. Az wi darūn ōu k¹χepc naχtīzd. Wef kālen tar čap xčand. Wi pis pāli yi mōθ, wi δa tar zūn, viraŷ. Wi darūn yi cirōw naχtīzd. Wi dā tar xac, wi ĵūn naχtīzd. Agar pīnj-dūnō wi ca kini, wi na-mīrt. Yiw ki az def yiw-at xatā di na-čūd yu-ta mīrt.” Yu def qawlen-i ba jōy čūd. Yu mūd.

50. Čil wi xīz mēx-ir(d) vud. Wi zōxt, divi-en darraw yet-čīd sut. Fukaθ-i yet čūd, yiw red. Yat, wi mis yet-i čūd-at ded taram. Yi xub-rū-yi taram. Na xīr tar wam dōx¹, na-mêst.

51. Yā darraw niwdōw sut, lūvd: “E jawōn! tu čīz-ar xu zōyā kini?” Yu lūvd: “Sadaqā yak tōr mu-i tu. Tu tarūd či-r kini?” Lūvd-i: “Wuz-um wuvd-sōlā vud, yak-waǰab-i mu cift, xu vūd-i tarūd muhkam-i čūd.” Yu lūvd-i: “Mubōrak ved, wuz-um wi zīd.” Yā lūvd-i: “Wi zīdōw ōsōn nist; pīnj-dōnā dōδ-gad wi ca kini, yu na-mīrt.” Alā-aspa lūvd-i: “Ti-ām, čis, wuz-um wi zīd.” Aŭst-andi injūvd xu yaten. Čūxt-i, mūŷj.

52. Bād xab-en nāst, xurōk-en xūd. Bar xēvdōw-en yat. Xu miδj-i tīzd, midēna-rd-i pattēwd. Yā lūvd-i: “Dis čīz-ir(d) kini?” Yu lūvd-i: “Wuz-um nasīhat-i padar zōxč. Ar waxt tar xu watan na firêpč-um, xu kaman (y)et na-kinam.” Bād-en xōvd.

53. Saar ik-wi-dund dinyō wīz-i čūd. Fuk-aθ wīz-i čūd. Yat-en wi γōr γêv-andi. Kamand-i ĵumbent-at yiwi-yiwi pi-kamand vūst-at yu tīzd. Alqissā tīzd-i tayōr sut-at ik-yiwam xub-rū-i vud. Wazīr-bačā tīzd-i. Tō ba yak dīdan wam pic-i wīnt, ba sad dīdan ōšiq.

54. Alā-aspa yi tēr jōndōr ar-xu-xez-i lā-čūŷj-it. Az barō-yi azmōiš kamand-i čūd tar wi; lūvd-i: “Bašānd tāž, di wuz-um.”

Wazīr-bačā tīžd-i, yi čuvgaz jōy red-at yu čūxt-i tēr jōndōr. Dađi kamand-i čūxt. Yu δōd ar wi xez, tīt-tīt sut.

55. Bād lapaθ-i nīwd, lūvd: “E dirêy dinyō. Dar rō-yi wam xub-rū-i, mū-i mi jīnōw.”

56. Bād wazīr-bačā fikr-i čūd, lūvd: “Wuz-um na-ziwōst am wī”. Wižīvd, yat tar γōr kāl, tanōb-i pattēwd aram. Tanōb injūvd, yu tīžd. Alā-aspa naxtūyd. Δōd ba yak digar baγal, lap-en nīwd.

57. Alā-aspa lūvd-i: “Vrōd, tu-at dis čīz-ir(d) čūd. Xub-rū-at ošiq sut, mōl-i-dīnyō tu-at ošiq sut.” Lūvd: “Ar čīz vud yi disaj sut.” Sut-en tar qilā.

58. Wazīr-bačā lūvd: “Yat, bāx kinām.” Alā-aspa lūvd: “Tu bāx kin.” Wazīr-bačā darraw bāx-čīd sut, xu katta-at bašānd xu-r zēzd, rēzgi δīd wi-rd. Alā-aspa lūvd-i: “Yid mazlum mis tu, yid mōl mis tu, mu-rd hōjat nist.” Ik-yu-wi xu bāx dā-čūd wi-rd.

59. Lūvd-i: “Tu niθ, wuz sāw-um bōz-i safed wuz tu-r vārum. Yid nūst, Alā-aspa tūyd. Čandīn muddat-i waxt nažjīd. Sut az yi xār-andi, bōz-i safed zōxt-at yat. Yat yum-andi xāb-i nūst sa(h) ar-i lūvd: “Rawōn sāw-ām.” Xurōk-en xūd-at xu vōrjen biđan-en čūd; rawōn-en sut.

60. Čandīn muddat-i pund-en tōyd. Bād tar wi xac zimb-en firēpt. Bād Alā-aspa lūvd: “Ik yundi xuš kinum.” Wazīr-bačā lūvd-i: “Yat, mi mōl bāx kinām.” Alā-aspa lūvd: “Nāy! Az tu šīr-i mōdar tu-r(d) piyīl. At mu-nd yi šart tu katti yast. Ik-yuwi at mu-r(d) čūd, a dinyō-at qyōmat wuz az tu rōzi. Šart mu-r lūv.

61. Mi šart ik-am. Sut-at xu sūr-at čūd, ba taxt baxt at firēpt, xēvdōw-ti-at di sut, xu pōδ tar xu žin kini, lūv: “‘Mu muzā tāž.’ Bād yi pōδ-i di tīžd, lūv: ‘Wōi dirêy!’ Di i-dund at di čūd, wuz lapaθ rōzi az tu.”

62. Alā-aspa tūyd tar wi ruyā. Wazīr-bačā yat tar xu jōy. Pōdχō-r xabar-en yōd, ki wazīr-bačā yat, bōz-i safed-i vūd. Pōdχō wi ođam-ir(d) mužda-xōhi δōd.

63. Wazīr-bačā firēpt, ded tar pōdχō xez. Bōz-i zōxt-at ded. Pōdχō az xu jōy-ti andūyd. Kulluy-i čūd. Bōz-i zōxt xu δust-ti, lūvd-i: “Wazīr-bačā, tu lapaθ mōt-at suđj. Sāw tar čīd.”

64. Yu sut tar xu čīd. Wi mōd wi wīnt; xuš-waxt sut. X̄āb nūst-at saar-i xu sūr injūvd. Mardum-en jām sut. Pinz meθ sūr-en δōd. Pōdχō dund sūr-i na δōd, di wazīr-bačā dund sūr ca δōd.

65. Vēgā-r nikōh-en čūd. Xu ŷin-i zōxt xu tūyd tar xu čīd. X̄ēvdōw-ti xu pōd tar xu ŷin-i čūd. Lūvd-i: “Mu muzā tāž.” Bād yi pōd-i tīžd. Lūvd-i: “Wōi dirêy!” at wi ŷin lūvd: “Yam čīz sut. Wōi-Dirêy at dedj, mu čīz-ir(d)-at yōd?”

66. Yu lūvd: “Wōi-Dirêy mard, kaxōy na vud.” Yā lūvd: “Nai, kaxōy. Ik-wi meθ tu-at ca tūyd, yā mis tūyd. Wuz-at yā katti maktab-bandi-ām x̄ēyd.” Lūvd: “Dis di ca ved, tu-at mu-rd hič-aθ hōjat nist.”

67. Xu muzā-i pinūyd, xu vōrj savōr sut, xu ik-wi x̄āb-aθ tūyd. Alqissa rux sut. Yi rāmā az pirō yat. Du(h)ō-i čūd, lūvd-i: “Yam mōl čī-nd?” Lūvd-i: “Wōi-Dirêy-ind.”

68. Taram di sut; sarbōn wi pirō dičōr yat. Lūvd: “E sōrwōn! yam stūr čī-nd?” Wi lūvd: “Wōi-Dirêy.” Taram di sut, pōda-bōn wi-rd dičōr yat. Lūvd: “Yam pōda čī-nd?” Lūvd-i: “Wōi-Dirêy-ind.”

69. Sut, yi bōy as-pirō yat. Lūvd: “Yam bōy čī-nd?” Bōybōn lūvd-i: “Wōi-Dirêy.” Bōybōn yi lagan-andi gul-i zōxč. Bōybōn pic tar wi pāli vud. Yid xu niyīnā zōxt, gul miđen-andi rubūyd-i. Bōybōn zōxt xu tūyd.

70. Firêpt-i Wōi-Dirêy-ird gul. Yā taxt-ti xu pattêwĵ-it. Yam gul wam-ird injūvd. Yā lūvd: “E bōybōn! tu aĵab xuš-bū-i gul-at vād.

71. Bād gul-i zōxt, (h)et-i čūd. Niyīnā naxtūyd. Lūvd: “E bōybōn! ar-bōy čāy?” Yu lūvd-i: “E bibi! Yi šaxs ar-bōy ded.” Lūvd: “Gul ba rū-yi wi na lūvi.”

72. Wazīr-bačā az bōy naxtūyd. Yat tar qilā divi. Kanizak pis-ħac naxtōyd. Yam yat, buttā zimb-ti nūst. Kanizak yat, ħac-i zōxt.

73. Lūvd: “E kanīz! ħac mu-r δōd.” Lūvd: Tu aĵab bi-darak ōdam-at tu nist? Wōi-Dirêy parī-zōd. Tu ca-rāng wam jām-andi ħac bīrēzi?” Na-δōd wi-rd ħac; ħac-i zōxt xu rawōn sat.

74. Yi gaz jōy na-sat-at yā ħac wixin gaxt. Yā wi tis-i čūd, vō-i yat ħac-i zōxt. Lūvd: “E kanizak, ħac mu-r δōd.” Kanizak na-δōd.

75. Vō-i tar wi xu jōy sut-at wixin gaxt. Vō-i tis wi čūd, vō-i yat, ħac-i zōxt. Lūvd: “E kanizak! ħac mu-r δōd.” Yā na δōd-i.

76. Lûvd: “E kanizak! tu vega-r ca yōsi tar wam xez ħac na-firêpi. Ħac mu-r δōd.” Jām-i lap cūd, injūvd-u wi-rd. Yi lav-i brōħt, xu niyīnā pattēwd-i ar-jām. Xu lumōl ħac-ti biyīn-i cūd, lûvd: “Wi kāl (h)et na-kini, firêpi Wōi-Dirêy-ir(d).”

77. Vud-i, lûvd: “E! tu ca-rāng ħac vāri? Yam xīr vega sut.” Lûvd-i: “Mu-nd tu xez arz; bād ar-rāng-at di mu-r čo.” Bād xu qissa-i zōħt. “Dund šič ar-rāng di mu-r ca kinet, kinet.”

78. Lûvd-i: “Sa! qiwi.” Yā naħtūyd, qiwd-i wi. Bād ded, as-salōm-i cūd. Yā az xu taxt-ti andūyd wi-rd. Dađi sifend, xu pis-pāli weđd.

79. Bād az čandīn muddat-i waxt, kanizak-ird-i lûvd: “Sa, mullō qiw kin.” Sat mullō-i qiw cūd. Mullō wef-i cūd nikō ba yak digar. Wāδ-en ba taxt-at baħt firêpt. Māš mis tamā dōwlat-andi firāp-ām.

РУССКИЙ ПЕРЕВОД: ВОЙ-ДИРЕГ

Русский перевод Л. Р. Додыхудоевой

1. Однажды падишах с вазиром заключили договор. Падишах повелел: «Если у меня будет сын, а у тебя дочь, то свою дочь отдашь в жены моему сыну». При том находились и другие вазирьы, и все, кто были при падишахе, слышали тот договор.

2. Пришел назначенный день, и у вазира родился сын, а сам вазир умер. У падишаха в тот день родилась дочь. На следующее утро принесли падишаху весть: «У тебя родилась дочь».

3. Позднее, когда падишах сидел в собрании, окруженный людьми, ему сообщили, что вазир умер. Тогда падишах решил отказать от договора, о чем узнали и окружающие его люди. Так сын вазира остался ни с чем.

4. Он рос день за днем, вырос большим и сильным. Однажды сын обратился к матери: «Милая матушка, где боевой лук моего отца?» Та ответила: «Посмотри в кладовой». Сын нашел тот лук, взял его и вышел с ним в поле.

5. Вышел в поле и стал упражняться в стельбе из отцовского лука. После упорных тренировок он стал настоящим ловким богатырем-пахлавоном.

6. Однажды некая женщина возвращалась с рынка. На голове она несла кувшин с простоквашей. Сын вазира натянул лук, его стрела нечаянно ударила прямо в тот кувшин и пробила его; с одной стороны вошла, с другой вышла.

7. Простокваша вылилась из кувшина, потекла по лицу женщины. Она вытерла лицо рукой, бросила взгляд на группу юношей. У всех стрелы были в луках, а у сына вазира не было.

8. Тогда она сказала: «Ах ты окаянный! Для того ли ты был матерью рожден? Правильно поступил падишах, что отказался от родства с тобой!»

9. Сын вазира сунул руку в карман и вынул оттуда монету. Бросив ее той женщине, сказал: «Женщина! Возьми деньги, не злословь».

10. После юноша рассказал матери о случившемся и спросил: «Матушка! Что случилось с моим отцом, почему люди не общаются со мной, не приходят ко мне?» Потом он послал человека в селение, чтобы тот собрал всех и пригласил к нему в дом. У юноши гостям подали хорошее угощение, никто не остался при падишахе.

11. Стал юноша держать совет с людьми и решил послать к падишаху гонца. Слово мужчины равно делу женщины.

12. Послал человека, тот пришел к падишаху, приветствовал его: «Мир вам! Да будет благословен дом твоего отца! Да будет твой путь удачным!»

13. Потом повел речь: «О падишах всего мира! Я послан к тебе сыном вазира. Ты с его отцом заключил договор: что бы ни случилось с шахами, они от своих слов никогда не отказываются. Что же произошло!?»

14. Падишах велел: «Схватите этого человека. Заткните ему рот свинцом. Это послужит другим предупреждением».

15. Гонец вышел от падишаха и вернулся к сыну вазира. Сын вазира увидев его, тотчас отдал приказ: «Извлеките свинец». Люди вынули свинец у него изо рта и стали расспрашивать.

16. Гонец рассказал: «Я передал все в точности». Падишах же приказал залить мне в рот свинец, чтобы это послужило предостережением другим.

17. Сын вазира обратился к своим советникам с вопросом: «Что же нам теперь делать?». Посовещавшись, они решили направить другого гонца. Послали второго человека.

18. Тот прибыл к падишаху и после подобающих приветствий взял слово. Падишах отдал приказ: «Схватить его». Советники же предложили сначала выслушать сообщение, сказав: «О падишах всего мира! Ведь сын вазира лишь молодой неопытный юнец, он шумит, предъявляет требования. Ты же, проявляя внимание к нему, сам делаешь из этого проблему. Вели ему добыть для тебя белого сокола, мол, тогда я породнюсь с тобой». С тем и отправили гонца обратно.

19. Он вернулся к сыну вазира, сказал: «Ты лев или лисица? Вот как обстоят дела: падишах повелевает тебе принести ему белого сокола». Юноша ответил: «Я всегда был из потомства льва».

20. Он обернулся к своим советникам и повелел: «Готовьте меня в дорогу». Те приготовили ему дорожные припасы, и поутру юноша пустился в путь. Все тронулись было с ним вместе, но он вернул их обратно, сказав: «Вы мне не нужны. Я — нищий-каландар. Моя цель, если смогу, сослужить службу падишаху. Вы же вернитесь назад».

21. Сам он в одиночестве пустился в путь по степи, по пустыне. Много *фарсангов* проделал, и вот ему преградила путь река.

22. Он был вынужден спешиться. Тем временем и с другого берега подъехал всадник и тоже сошел с лошади у самой воды. Они повели разговор друг с другом. Всадник сказал: «О, брат! Да будет твое путешествие

удачным. Куда путь держишь?» Юноша ответил: «Я еду по поручению падишаха за белым соколом».

23. Тогда всадник спросил: «Как твое имя, как тебя величать?» Молодой человек ответил: «Сын вазира». И со своей стороны спросил имя своего товарища по несчастью. Тот ответил: «Ала-аспа». Тогда сын вазира предложил: «Пойдем вместе». Ала-аспа согласился, сказав: «Закрой глаза и обернись назад, я тут же встану рядом с тобой». Сын вазира закрыл глаза, и повернулся назад. Глядь, а всадник рядом с ним.

24. И дальше они отправились вместе. Через какое-то время они оказались в степи. Проехали немного и проголодались. Спешились они посреди той степи, и Ала-аспа попросил: «О брат! Есть ли у тебя еда? Удели мне немного из своих припасов». Сын вазира достал свои припасы, и они стали есть.

25. Когда они поели, сын вазира предложил найти укромное место для ночлега под скалой или камнем. Сам он остался на месте, а Ала-аспа отправился на поиски. Поездил немного по округе, ничего не найдя, присел передохнуть.

26. Поднял руки в мольбе и потупил голову. Поднял голову, глядь, а там замок, ворота открыты. Вошел в тот замок, осмотрел все и вернулся к своему спутнику.

27. Сказал ему: «О брат! Я нашел место для ночлега у подножия скалы, пойдем, там под камнем будет наше пристанище на ночь». Они отправились в замок, вошли в него. Сын вазира спросил: «Брат! Где то пристанище под камнем?», а Ала-аспа в ответ: «Вот же оно, вот наше убежище».

28. Пошли, собрали топливо. Один из них занялся разведением огня, другой ходил за водой, потом стали есть и пить. Поев, привязали своих лошадей в стойле, задали им ячменя и сена.

29. Ночь провели в замке, а утром Ала-аспа решил пойти на охоту, предложив юноше остаться.

30. Сын вазира занялся приготовлением еды. Потом поел сам, часть отложил для товарища и прилег отдохнуть. Через какое-то время, дверь скрипнула.

31. Некое существо размером с пядь (Як-ваджаб, далее ЯВ) вошло и подошло к очагу, вырвало волосок из усов, связало им сына вазира по рукам и ногам и сбросило на пол. Само же съело всю пищу и удалилось. Сын вазира с трудом освободился и погнался за ним.

32. Преследуя ЯВ, он увидел, как тот юркнул в пещеру, расселину в скале. В досаде юношу вернулся в замок и взялся точить свой меч. Дверь скрипнула, он схватил меч и спрятался за дверью, но то был Ала-аспа.

33. Товарищ спросил: «Брат, что я сделал тебе плохого, какое преступление совершил?». Молодой человек пообещал рассказать ему все, что приключилось в его отсутствие, принес ему поесть. Ала-аспа снял с себя груз, поел, прочел благодарственную молитву, а сын вазира вымыл посуду.

34. И снова Ала-аспа спросил: «Что я сделал против тебя, в чем виноват, каков мой проступок?». Тот ответил: «Друг мой, ты ни в чем не виноват передо мной, мы с тобой братья. Приготовив еду, я часть съел сам, другую отложил для тебя, а после того сел в уголке. И тут вдруг дверь скрипнула вошло некое существо размером с пядь. Оно вырвало волосок из усов, связало меня по рукам и ногам, а само, прыг, всю еду съело, всю воду выпило и убежало. Я изо всех сил старался, с трудом освободился и последовал за ним.

35. Кинулся я вдогонку, а ЯВ юркнул в пещеру, тут пришлось мне повернуть обратно. Пришел я сюда схватил свой меч, и стал поджидать его. Дверь скрипнула, я приготовился, думая, что он войдет, снова захочет меня связать. Но это был ты». Они расстелили постель на ночь, легли спать.

36. На следующее утро, как рассвело Ала-аспа сказал: «О сын вазира! Теперь ты иди на охоту, а я останусь здесь». Сын вазира отправился на охоту, а Ала-аспа взялся готовить еду и питье. Приготовил все, поел сам, часть отложил для товарища. Взял свой меч и сел в уголке.

37. Тут дверь скрипнула, вошел ЯВ. Ала-аспа вскочил, ударил мечом, голова ЯВ полетела на пол, тело за дверь.

38. Ала-аспа собрал съестное, посуду, чтобы не залить их кровью. Тут тело ЯВ восстало, голова встала на место, присоединилась к телу, и он убежал.

39. Ала-аспа бросился за ним по пятам. На мгновение извернулся, схватил его рукой за бороду и пригрозил: «Увидишь, что будет завтра утром»[, но тот вывернулся].

40. Ала-аспа вернулся недовольный, вошел в замок и уселся на место, положив меч себе на колени. Наконец, дверь скрипнула, сын вазира вошел, спросил: «Что я сделал тебе плохого?»

41. Ала-аспа ответил: «Не беспокойся, вчера ты мне поведал свою историю, а я не поверил. Однако твой рассказ оказался истиной. Давай теперь отложим охоту и применим хитрость, чтобы попасть в ту пещеру: скрутим-ка мы шелковую веревку».

42. Они скрутили веревку в сорок *газов* длиной. Утром, позавтракав, молодые люди отправились в путь. Сын вазира решил: «Я пойду», но Ала-аспа не был уверен, что ему удастся попасть внутрь пещеры. И вот они прибыли к входу в расселину. Юноша обвязал веревку подмышками. Приятель стал опускать его, опустил до колен, тот закричал: «Ой, горю!»

43. Ала-аспа потянул веревку, вытянул его назад. И сказал: «О сын вазира, теперь моя очередь. Перед тем как спускаться дам тебе одно наставление: если я закричу “Ой, горю!”, отпусти веревку и ослабь ее». Товарищ начал опускать Ала-аспа, и когда он опустился поглубже и начал кричать: «Ой, горю!», тот ослабил веревку. Прошло время, а он все так и держал веревку в руках. Ала-аспа тем временем достиг нижнего, подземного мира, «Сорокового мира», и отпустил веревку. Тем временем сын вазира разжег у входа в пещеру костер.

44. Ала-аспа пустился в путь по дну пещеры. Навстречу ему попалось стадо овец, сказав слова приветствия пастуху, он спросил: «Чье это стадо?» Пастух ответил: «Существа размером с пядь». Ала-аспа схватил одного ягненка и подбросил его в воздух, приготовил из него себе палочку шашлыка, поел и продолжил путь.

45. Вслед за тем ему встретился пастух со стадом крупного рогатого скота. Он приветствовал его и спросил: «Чей это скот?». Тот сообщил, что этот скот принадлежит существу размером с пядь. Подойдя, молодой человек схватил самого крупного быка, отсек ему голову, приготовил для себя палочку шашлыка, съел, а остальное выбросил. Пастух стал бить себя по лицу.

46. Ала-аспа продолжил путь и повстречал стадо верблюдов. Поздоровавшись с пастухом, он спросил: «Чье это стадо?» Пастух ответил: «Существа размером с пядь». Молодец схватил самого крупного верблюда, отсек ему голову, приготовил из него палочку шашлыка, съел и отправился дальше. Пастух верблюжьего стада в ужасе стал бить себя по лицу.

47. На своем пути дальше он встретил табун лошадей. Поприветствовав пастуха, Ала-аспа спросил у него, чье это стадо, и услышал тот же ответ. Тогда юноша схватил самую крупную лошадь, отрубил ей голову, сделал палочку шашлыка и съел. В испуге пастух стал бить себя по лицу.

48. Ала-аспа отправился дальше и прибыл в город, у ворот которого сидел казначей, и спросил его: «Что ты здесь делаешь? Ведь здесь даже птица не пролетит». Тот ответил: «Будь что будет! Может быть, моя судьба здесь».

49. Ала-аспа спросил его: «В чем спрятана душа ЯВ?» Казначей отозвался: «Вот уже два дня как ЯВ вернулся из мира земного израненный, теперь спит. Его душа находится рядом с ним в двух камнях, один лежит с одной стороны, другой — с другой. Разбей эти камни. Из них вылетят две сороки. Рассеки их головы ударом слева, появится посох, ударь им о колено и сломай. В нем — светильник, опусти тот светильник в воду, и жизнь выйдет из ЯВ. Разбей тот светильник на части размером с зернышко проса, тогда он умрет. Если ты отступишь хотя бы от одного из этих советов, ты сам погибнешь». Ала-аспа выполнил все, что было ему сказано, в точности. ЯВ умер.

50. Сорок ключей его были подвешены на колышке. Молодец взял их и начал открывать двери. Открыл их все, осталась только одна. Подошел, отворил ее и вошел в помещение, и нашел там прекрасную девушку. Ни солнце не входило к ней, ни луна.

51. Она сразу же начала причитать: «О юноша! Зачем ты ищешь гибели?» Ала-аспа ответил: «Из любви к одному твоему волосу! Что ты здесь делаешь?». Та ответила: «Мне было семь лет, когда ЯВ украл меня, принес и поместил здесь» Ала-аспа возвестил: «Радуйся, я убил его». Но девушка отозвалась: «Не так-то просто убить его, если ты не рассек его на куски размером с зерно проса, тот не погиб». Ала-аспа сказал: «Пойдем, посмотрим, убил я его или нет». Он взял ее за руку, и они пошли. Она посмотрела, убедилась: ЯВ мертв.

52. Наступил вечер, они поели и легли спать. Ала-аспа вынул меч и положил его между ними. Девушка спросила: «К чему это?» Юноша ответил: «Мой отец дал мне такой совет: До тех пор пока я не вернусь домой, я не должен раздеваться». И они заснули.

53. Утром он собрал имущество с того света, все снарядил. Пришли они ко входу в пещеру. Ала-аспа подергал за веревку, привязал вещи, и сын вазира вытащил одну поклажу за другой. После того как подняли все вещи, сын вазира вытащил на веревке и красавицу. Однажды увидев ее лицо, он впал в состояние любви, будто лицезрел ее сотни раз.

54. У Ала-аспа была одна черная овца, привязав ее к веревке, он крикнул: «Тяни! Это я». Сын вазира потянул, оставалось чуть-чуть, смотрит, а там — черное животное. Он перерезал веревку. Овца ударилась оземь прямо перед Ала-аспа и разбилась.

55. Горько заплакав, он сказал: «О горе миру! Он обошелся так со мной из-за той прекрасной девушки».

56. Подумав, сын вазира спросил себя: «Почему я не поднял и его тоже?» Он вернулся, подошел к входу в пещеру и

забросил туда веревку. Ала-аспа схватил веревку, и юноша вытянул его. Они обняли друг друга и заплакали.

57. Ала-аспа сказал: «О брат, почему ты так поступил? Ты полюбил прекрасную девушку, прельстился вещами этого мира». Тот ответил: «Как бы то ни было, но случилось именно так». Они вместе вошли в замок.

58. Сын вазира предложил: «Давай разделим богатство», но Ала-аспа отозвался: «Дели сам». Сын вазира начал распределять, и взял себе то, что побольше и получше; то, что помельче, он отдал товарищу. Ала-аспа сказал ему: «И женщина эта — твоя, и имущество — твое, мне они не надобны». Даже свою долю он отдал юноше.

59. А сам велел: «Останься, я пойду и принесу тебе белого сокола». Сын вазира остался, а Ала-аспа ушел. Через какое-то время он нашел в некоем городе белого сокола и вернулся назад. Ночь переночевал, а утром предложил ехать дальше. Они поели, оседлали коней и отправились.

60. Проехали часть дороги, прибыли на берег реки. Ала-аспа сказал: «Здесь я попрощаюсь с вами». Сын вазира предложил: «Давай разделим имущество». Ала-аспа ответил: «Нет! Клянусь молоком твоей матери, я жалую его тебе в подарок. Но у меня есть одно условие, коль выполнишь его, я буду доволен тобой в этом мире и в будущем. Дай мне обещание.

61. Условие вот какое: Как справишь по приезду свадьбу, вступишь на престол процветания и придет время сна, наступи на ногу жены твоей и скажи ей: “Сними мой сапог”. И как станет она снимать сапог с ноги, ты скажи: “Вой дирег! Ах, увы!”. Если сделаешь так, то я буду очень доволен тобой».

62. Ала-аспа отправился своим путем, сын вазира — своим. Падишаха известили, что сын вазира прибыл, доставил белого сокола. Он вознаграждал того человека за хорошие новости.

63. Сын вазира явился во дворец падишаха, принес сокола. Падишах встал со своего места, поблагодарил его, взял сокола в руки и предложил ему: «Ты долго странствовал, устал, пойдешь домой, отдохни».

64. Юноша отправился домой. Мать увидела его, очень обрадовалась. На ночь он остался у себя дома, утром взялся за подготовку свадебного пира. Собралось много народу, пять дней праздновали. Падишах не задавал такого пиршества, как сын вазира задал.

65. На следующий день они заключили брак, и он вместе с женой поехал домой. Перед сном юноша протянул ногу жене, велел: «Сними сапог». Она потянула сапог, а он произнес: «*Вой дирег!* Ах, увы!». Тогда его жена спросила: «Как же так? Если ты по Вой-дирег (далее ВД) страдаешь, зачем взял в жены меня?».

66. Тот ответил: «ВД — мужчина, а не женщина». Но жена возразила: «Нет, это женщина. В тот день, когда ты отбыл, и она уехала. Я ее знаю, мы с ней вместе учились в школе». Юноша вымолвил: «Если это так, ты мне не нужна».

67. Он надел сапог, сел на коня и в ту же ночь уехал. На рассвете ему встретилось стадо овец. Поприветствовав пастуха, юноша спросил: «Чье это стадо?». Пастух ответил: «ВД».

68. Продолжив путь, он повстречал стадо верблюдов и спросил: «О пастух! Чьи это верблюды?». Тот ответил: «ВД». Юноша отправился далее и встретил стадо коров. Спросил: «Чей это скот?». Ему в ответ: «ВД».

69. Пошел дальше, видит — перед ним сад. Спросил: «Чей это сад?». Садовник, что собирал цветы в корзину для госпожи, ответил: «ВД». Садовник на мгновение отвернулся, тут сын вазира снял с руки кольцо и спрятал его среди цветов.

70. Когда садовник принес ВД цветы, она восседала на троне. Она понюхала цветы и сказала: «О садовник, какие душистые цветы ты принес сегодня».

71. Потом она взяла цветы в руки и стала рассматривать их, из них выпало кольцо. ВД спросила: «Кто был в саду?». Тот отвечал: «О, госпожа! В саду был незнакомец». ВД произнесла: «Как говорится, цветы подобны его лику».

72. Тем временем сын вазира вышел из сада и направился к воротам замка, навстречу ему попала служанка, идущая по воду. Он присел у воды за кустами, а она стала набирать воду.

73. Юноша попросил: «Девушка, дай мне немного воды». Но она ответила: «Какой ты чудной! ВД — из рода пери. Как можно пить воду из ее кубка!?» Не дав ему напиться, она ушла.

74. Она не дошла даже до двора, а вода уже обратилась в кровь. Пришлось вылить ее, и вернуться за новой. Юноша опять воззвал: «Дай мне выпить воды». И вновь служанка не уступила.

75. Набрав воды снова, она подошла к тому же месту, и вновь вода сделалась кровью. Ей пришлось еще раз вылить ее и набрать заново. И снова он просил: «О, дева, дай мне воды», но та не отвечала.

76. Тогда юноша сказал: «Носи хоть до завтра, не сможешь донести. Дай мне испить воды». Наполнив кубок, она протянула ему. Тот отпил глоток и бросил в кубок свое кольцо, покрыв кубок платком и при этом сказав: «Не открывай кубка, так и передай его госпоже.

77. Служанка принесла кубок, и ВД воскликнула: «Что за чудесную воду ты принесла! Сегодня стало завтра». Та ответила: «Я сообщу тебе новость, а после делай со мной, что хочешь». И повела рассказ, завершив его фразой «Теперь делай со мной, что пожелаешь».

78. ВД велела тотчас позвать юношу, и служанка поспешила выполнить повеление. Юноша вошел с приветствием. ВД поднялась, чтобы приветствовать его в ответ, а потом усадила рядом с собой.

79. Через некоторое время она велела служанке: «Вызови муллу». Привели муллу, и он сочел их браком. Молодые достигли трона и процветания. Да достигнем мы и вы также удачи и процветания!

Додыхудоева Лейли Рахимовна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dodykhudoeva Leyli Rahimovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
leiladod@yahoo.com

**Диалектологическая анкета
для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы
для хакасско-шорско-чулымского ареала
(группы тюркских z-языков)»
A dialectological questionnaire for a pilot study
on isoglosses in the Turkic “Z” group spoken
in the Khakas-Shor-Chulym area**

Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В.

Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovitch A. V.

В статье рассматривается краткая диалектологическая анкета для пилотного определения ареальных и генетических характеристик идиома, принадлежащего к одной из южносибирских групп тюркских языков; поясняются принципы, на которых она построена, и общие подходы к составлению диалектологического атласа тюркских языков.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, ареалогия, сравнительно-историческое языкознание, генеалогическая классификация

This article considers a brief dialectological questionnaire produced for a pilot study of the areal and genetic characteristics of speech varieties belonging to one of the South Siberian groups of the Turkic languages. The paper elucidates the principles for producing the questionnaire, as well as general approaches to compiling a dialectological atlas of the Turkic languages.

Key words: Turkic languages, dialectology, arealogy, comparative historical linguistics, genealogical classification

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-86-119

Проект РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» предполагает сбор, анализ и картографическое представление материала по диалектам тюркских языков России (в дальнейшем возможно подключение сопредельных регионов), направленные на создание лингвогеографического компонента интегрального описания этих языков.

Языки и диалекты тюркской языковой семьи сейчас занимают второе место по представленности (после языков и диалектов славянской семьи) на территории РФ; около 3/4 всех тюркских языков мира имеют территории компактного проживания носителей в России. При этом в список исчезающих языков из тюркских языков России попадает, по последним данным, 13 языков (т. е. около трети списочного состава всех тюркских языков). Кроме того, происходит постоянное размывание диалектов больших тюркских языков. Сами по себе они не находятся под угрозой, но потеря диалектов грозит существенной утерей информации о функционировании этих языков в синхронии и диахронии, а также утерей естественных источников для обогащения и развития литературных языков.

Описание и исследование тюркских языков России — хорошо развитая дисциплина, имеющая большую научную традицию. Тем не менее задача компьютерно-ориентированного интегрального описания ставит новые требования перед изучаемым материалом.

Результатом проекта должен стать набор электронных карт, отражающих значения языковых признаков, наиболее выпукло выявляющих основные классификационные параметры тюркских языков в области фонетики, фонологии, морфонологии, морфологии и лексики. Все полученные материалы будут обнародованы на сайте проекта <https://dialects.altai.ru/> в открытом доступе.

Эти карты составят первый том Электронного атласа тюркских диалектов России. Диалектологические атласы различных тюркских языков России (сделанные по локальным

опросникам) публиковались в ряде субъектов РФ (Татарстан, Башкортостан, Якутия) [АТНГ; ДАБЯ; ДАЯЯ]. В наиболее развитой из зарубежных тюркских диалектологий — турецкой — к сожалению, подобные работы находятся на самом первичном этапе (фактически только работа [Karahan 1996]). Электронные средства работы с лингвогеографическими данными там не разрабатывались. Работа по созданию электронного атласа татарского языка проведена в Академии наук Респ. Татарстан (<http://atlas.antat.ru>); мы рассчитываем распространить его разработки на материал всех тюркских языков и диалектов России. Разработка новых опросников при этом не предпринималась, использованы данные «бумажного» атласа, составленного по старой программе.

Для получения исходной системы запросов необходимы адекватные материалы, в которых с необходимостью будет содержаться положительная или отрицательная информация по исследуемым идиомам, привязанная к географическим данным. При работе по проекту РГНФ № 15-04-00370 «Разработка анкет для сбора материалов к интегральному описанию миноритарных тюркских языков и диалектов России» задача разработки системы диалектологических анкет была в основном выполнена, а также для ряда идиомов было получено пробное заполнение этих анкет. Дальнейшее исследование материала на основании разработанной признаковой системы, уточнение этой системы и представление его на электронных картах с целью выяснения важности различных признаков и их композиций для генетической и ареальной классификаций составляют основное содержание работы над проектом РНФ.

Такая постановка задачи стала возможна только как следствие многолетней работы коллектива российских ученых. Это, с одной стороны, работа коллектива Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков. С другой стороны, это работа коллектива Отдела

языков народов Сибири Института филологии СО РАН над описанием фонетики и грамматики сибирско-тюркских языков и установлением типологических классификаций в этом материале. Большое значение для решения этой задачи имеют и проведенные за последние 40 лет исследования отдельных тюркских диалектных систем, предпринятые в тюркологических институтах и на тюркологических кафедрах ВУЗов нашей страны. Задача полного сбора материала по исследовательским опросникам, предназначенным для создания компьютерно-ориентированного лингвогеографического описания тюркских идиомов России, ставится впервые. Подобная разработка предпринималась для русской диалектологии, но пока не завершена. Между тем, именно для тюркских языков, в которых, если рассматривать их как данность, оказываются чрезвычайно размыты границы между языками и диалектами (и большая часть тюркской территории может в ряде отношений рассматриваться как территория языкового континуума), лингвогеографический анализ вскрывает важные черты, которые могут прояснить ряд вопросов этногенеза. Имеющийся у нас научный задел демонстрирует несомненную перспективность такого подхода.

Задача создания Атласа тюркских языков СССР была поставлена в свое время как итог целого периода бурного развития диалектологических исследований, с 1950 по 1965 г. направлявшегося всесоюзными совещаниями по вопросам диалектологии тюркских языков, проходившими в Баку, Казани и Фрунзе (Бишкеке). Тогда были созданы «Программа опроса для диалектологического атласа тюркских языков» (М., 1965) и многочисленные региональные опросники. С середины 70-х гг. XX в. интерес к диалектологии среди тюркологов стал постепенно угасать; возможно, это было связано с решением ВАК о «недиссертательности» сугубо описательных работ по диалектологии. Тем не менее, за прошедшие годы все же появился ряд важнейших описательных работ по некоторым

языкам; или, по крайней мере, вышли новые диалектологические словари (как произошло, например, с казахскими диалектами).

Кроме того, следует отметить, что диалектологические описания и диалектологические классификации по преимуществу существуют в рамках либо исторической, либо типологической лингвистики; так, классификация диалектов внутри диалектной системы какого-либо языка всегда бывает направлена на объяснение возникновения этой системы. Ищутся ответы на вопрос, дивергентного или конвергентного происхождения данная система — т. е. являются ли диалекты следствием сепаратного развития единого в прошлом идиома, или же часть диалектов — это следствие развития некоторого другого близкородственного языка, который подпал под влияние изучаемого. Выясняется географическое распределение диалектных явлений — опять же либо ради выявления контактного происхождения этих явлений, либо ради установления их первичности или вторичности методами ареалогии. В общем, задачи, ставящиеся в рамках диалектологии, бывают либо описательными, либо сравнительно-историческими, либо типологическими. Взгляды специалистов на сравнительно-историческую грамматику тюркских языков за истекший период как раз и получили значительное развитие (что особенно ярко выразилось в содержании последних трех томов — СИГТЯ 1997/2000; СИГТЯ 2002; СИГТЯ 2006). Типология грамматических значений и синтаксическая типология, как синхронная, так и историческая, также в настоящее время предъявляют большие требования к исследователю конкретного идиома. Все это вызывает многочисленные проблемы с использованием уже существующих тюркологических диалектных описаний и данных опросов. Отсюда возникает необходимость сбора материалов по новым программам диалектологического опроса, которые при этом ориентированы именно

на возможности использования электронных носителей информации и программ автоматической обработки.

Методы сбора материала по вновь построенным опросникам различаются в зависимости от того, к каким языковым уровням он относится. Для «поверхностных» уровней, относящихся по большей части к «означающим» языковым знакам — фонетики, фонологии, морфонологии, — сбор построен на историческом принципе; анкеты по синтаксису, грамматической и лексической семантике учитывают прежде всего типологию соответствующих явлений.

Те диалектологические науки, которые сформировались в младограмматический период (германская диалектология) или на его рубеже (славянская диалектология, ср. манифест и анкеты Московской диалектологической комиссии (МДК) — [Опыт 1915]), успели осознать, что в общем случае фонологические и аллофонические отношения в идиоме являются отображением фонологических и аллофонических отношений в предшествующем ему по времени языковом состоянии. Поэтому при описании фонетики и фонологии каждого нового идиома, относящегося к какой-либо известной генетической группе, следует учитывать возможность значимого отражения любых оппозиций, существовавших в реконструируемом для данной группы языке, а если работа по реконструкции не завершена, в существующих в родственных языках и диалектах. Таким образом, анкета-опросник для диалектологического описания должна содержать количественно существенный (в пределе — полный) набор единиц, этимологические соответствия которых составляют в языке или родственных языках квазиминимальные пары. В этом случае наиболее велики шансы выявить максимальное количество оппозиций уже при пилотном полевом обследовании на ограниченном материале. Так были составлены анкеты МДК (конечно, в соответствии с тогдашним уровнем знаний). Впоследствии вульгаризованное применение подхода, требующего отделения синхронии от диахронии, привело к размыванию этого

принципа, что отодвинуло, в частности, ряд открытий в области славянской диалектологии вплоть до 80-х гг. XX в., когда новая генерация исследователей составила новые анкеты (включающие разработки по акцентологии, нестандартным рефлексам редуцированных, нестандартным проявлениям палатализаций и под.).

Стремясь к полному описанию фонетических и фонологических особенностей конкретных тюркских идиомов, мы используем подробные анкеты, построенные на историческом принципе. Для каждого языка такая анкета включает порядка 2000 лексем в контексте. Как показывает полевой опыт, сбор такой анкеты от одного информанта занимает около 9 часов, фонетическая запись должна производиться на электронный носитель, что позволяет провести затем инструментальный анализ. До сих пор в подавляющем большинстве случаев (исключая работы Новосибирской школы) диалектные записи делались и расшифровывались «на слух». Наш способ работы обеспечивает и фиксацию исчезающих форм и возможность последующей верификации данных исследователя различными способами. Собранные фонетические анкеты обрабатываются при помощи программы инструментально-фонетического анализа Praat, т. е. пословная нарезка и пословный акустический анализ в формате «Видимая речь» снабжаются фонетической транскрипцией и посегментной разметкой и загружаются в базы данных. Такой анализ позволяет уточнить фонетическую транскрипцию, описать имеющиеся типы аллофонии и построить надежную фонологическую систему и, соответственно, дать фонологическую транскрипцию каждой записанной словоформы для каждой словарной базы.

Морфонологические анкеты рассматривают формальные особенности (и наличие/отсутствие) аффиксов словоизменения и словообразования. К настоящему моменту имеется анкета на диагностические признаки, основанная на опроснике из 96 вопросов общетюркского характера (составлен О. А. Мудраком [Мудрак 2009]), но расширенная до 150 вопросов;

кроме того, системность анкеты повышена, в нее включены вопросы о совмещении различных морфонологических признаков внутри парадигмы отдельных типов лексем.

Как известно, морфологические различия появляются в диалектах одной языковой семьи вследствие второй группы исторических процессов: процессов «по аналогии», воссоздающих системность из обломков предшествующей системы, разваленной процессами первой группы (закономерными фонетическими). Возможны различные ситуации:

1. Морфологические особенности в диалектах появляются в результате перерастания фонетических явлений в морфологические.

2. Диалектные отличия в области морфологии возникают в результате сложного взаимодействия родственных языков и языков другой системы.

Вопросы морфонологического опросника позволяют выявить различия такого рода при визуальном отображении признаков на карте (см. предварительный результат по одной из групп параметров в статье [Дыбо 2017]). Материал ответов на вопросы морфонологического опросника должен быть подвергнут такому же анализу, что и материал фонетических анкет, введен в базы данных и использован при визуализации изоглосс.

Признаки из области грамматической семантики ранее практически не использовались в диалектологических исследованиях. Мы пытаемся закрыть эту лауну, собрав материал по анкетам, ориентированным на универсальную номенклатуру значений грамматических признаков и на имеющиеся сведения о типологических особенностях, характерных для тюркских языков. Материал по этим анкетам пока систематически собирается в основном по Южной Сибири; мы планируем собрать и проанализировать также языки Северной Сибири, Урало-Поволжья и Северного Кавказа и таким образом получить достаточные для картографирования данные. Ответы на вопросы анкеты представляют собой фразовые

(или состоящие из нескольких фраз) примеры языка с переводом. Для каждого идиома организуются корпуса текстов (поскольку, кроме анкет, в обследуемых населенных пунктах обязательно собирается и текстовый материал), в которых выделяются подкорпусы фразовых примеров. Изоглоссы по наиболее выпуклым грамматическим различиям языков и диалектов будут иллюстрироваться наборами фразовых примеров из этого подкорпуса и из связных текстов (с морфологическим членением и переводом).

Синтаксические особенности диалектов в предшествующих описаниях были отмечены лишь для тюркских языков, имеющих очевидные диалектные отличия в области синтаксиса (как языки гагаузский и караимский, находящиеся под сильнейшим влиянием славянских). В большинстве же случаев синтаксические диалектизмы не приводятся. Это объясняется спецификой синтаксического материала, который требует для выявления синтаксических диалектизмов записей обширных текстов и их детального изучения, что не всегда удается быстро сделать.

Мы планируем также пилотную лексикологическую зону атласа на основании собираемых исследовательской группой Сводешевских списков по уточненной программе. В монографии [Дыбо 2013] был разобран материал собранных на тот момент стословников и сделаны уточнения по методике сбора «сводешевских» и «квази-сводешевских» слов с материалом, в достаточной мере иллюстрирующим их употребление и позволяющим дать толкование каждого слова по фреймовой/ТКС модели. Такое представление лексики и лексической семантики позволяет картографировать как лексемы, так и отдельные признаки фреймовых толкований, семантические переходы в этих толкованиях, совместные встречаемости различных параметров. Этот набор карт поможет выявить ареальное и генетическое в наиболее устойчивых областях предметной лексики, а также уточнить сделанную в упомянутой монографии предварительную реконструкцию пратюркского «списка

Сводеша». Опять же, достаточно полный сбор материала по указанной методике проведен в настоящее время в основном для Южной Сибири; мы рассчитываем в рамках этого гранта охватить прочие регионы (Северная Сибирь, Урало-Поволжье, Северный Кавказ).

Здесь мы публикуем краткий опросник, разработанный для быстрого определения классификационной принадлежности говора отдельного населенного пункта в языках/диалектах *z*-группы, расположенных на территории Южной Сибири. К этой группе относятся так называемые диалекты хакасского языка — кызыльский, качинский, сагайский (с пилтирским говором), шорский диалект хакасского; мрасский диалект шорского языка и среднечулымский. Кроме того, за пределами южносибирского ареала к ним относятся сарыг-югурский язык, ушедший в китайскую провинцию Ганьсу около 14 в. н. э., и язык фуюйских киргизов. Описание параметров межидиомного варьирования в этой группе впервые в обобщенном виде было дано Э. Р. Тенишевым в разделе «Кыргызская группа» в [СИГТЯ 2002]¹. При составлении анкеты использовались также [Диалекты 1973; Боргояков 1981; Чиспияков, Бабушкин 2004; Патачакова 2013] и ряд других работ по хакасской, шорской и чулымской диалектологии.

Опросник содержит фонетические, морфонологические, морфологические и синтаксические вопросы, предназначен для сбора примерно в течение 1 часа от одного информанта. Диалектологическая значимость возникает при условии опроса не менее трех информантов из каждого населенного пункта при возможно более полном охвате населенных пунктов с компактным проживанием носителей. Если при опросе информанта обнаруживаются нетривиальные результаты, то желательно обращение к развернутым опросникам. Развернутые фонетические опросники содержат

¹ Ср. также [Schönig 1997], но эта статья содержит значительные фактические неточности.

приближенные к полным списки рефлексов пратюркских основ, известных в данной группе языков, с уже построенной на другом материале фонетической реконструкцией. Таким образом, можно достаточно легко получить ответ на вопрос, не являются ли замеченные нетривиальные фонетические явления отображением каких-то исторических различий. В развернутых морфонологических опросниках содержатся списки именных и глагольных основ, расклассифицированных по морфонологическим структурам; от этих основ опросчик должен попытаться получить формы с интересующими его аффиксами. Развернутые морфонологические опросники содержат вопросы, направленные на исчисление возможных словоформ интересующего типа.

Все опросы записываются на цифровые диктофоны в формате .wav. Для облегчения пользования текстом опросника в нем выписаны в общем виде возможные ответы информантов в квазиорфографической форме, основанной на хакасской и шорской орфографиях²; фонетическая транскрипция полученных ответов пишется при обработке собранных материалов.

1. Фонетика.

1.1. Консонантизм.

1.1.0. Принадлежность к группе z-языков.

Наиболее заметный признак, выделяющий рассматриваемую группу языков, это совпадение в их общем праязыке трех пратюркских и общетюркских³ фонем: ПТю, ОТю *-δ(-), ПТю, ОТю *s, ПТю *-ř(-) > ОТю *-z(-) все совпали в одну фонему s/z (с позиционным распределением, т. е. звонким аллофоном, выступающим в интервокальной позиции). Например:

² Поскольку чулымский язык бесписьменный, приводимые ниже формы чулымских говоров записаны в транскрипции.

³ Под общетюркским понимается ветвь тюркских языков, разделившаяся после отделения болгарской ветви.

Отю *-δ(-): **aδak* ‘нога’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас. *azáq*, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *azáχ*, староинос. *azáq*, **bEdu-k* ‘высокий’ > хак. *pözək*, шор. *mözük*; **bod-I* ‘сам-3Pos’ > хак. *pos*, *pozui*, шор. *pozu*, **jid* ‘запах’ > хак. *teis*, **Kadiñ* ‘береза’ > хак. *χazuiñ*, шор. *qazuiñ*.

Отю *s: **sal-* ‘класть’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., староинос. *sal* ‘положи!’; **bas-* ‘давить’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач., староинос. *pas* ‘дави!’; *pázip* ‘давить-Conv’.

Отю *-z(-): **az* ‘мало’ > ср.-чулым. мелет., тутал., шор. Мрас., староинос. *as* ‘мало’; *azóq* ‘мало-Ass’, хак. шор. (Матур), саг., кыз., кач. *as* ‘мало’; *azóχ* ‘мало-Ass’.

Соответственно, информанта просят произнести под запись, как на его родном диалекте будет:

‘нога’ (*азақ/х*); ‘сам; я сам’ (*нос, позым*); ‘высокий’ (*п/мөзүк*); ‘запах, его запах’ (*чыс, чызы*); ‘береза’ (*қ/хазың*); ‘положи!’ (*сал!*); ‘ты’ (*син/сен*); ‘дави!’ (*пас*), (а также диагностические формы ‘не дави!’; ‘задавлю’; ‘он давит’); ‘режь!’ (*кес/кис*); ‘зарезу’; ‘он режет’; ‘горячий’ (*ізіг*); ‘мало’(*ас*), ‘тоже мало’ (*азох!*), ‘восемь’ (*сегіс/сүгіс*); ‘девять’ (*тоғыс*); ‘длинный’ (*узун*); ‘красный’ (*қ/хызыл*); ‘девушка’ (*хыс*), ‘моя девушка/дочь’ (*хызым*).

Этот набор слов позволяет получить звучание рефлексов *-δ(-), *-z(-) и *s в позициях озвончения, оглушения и палатализации в контексте передних гласных. Таким же образом опрашиваются все вопросы на консонантизм; ниже мы приводим только опрашиваемые слова, имея в виду, что от них должны быть получены соответствующие словоформы.

1.1.1. Развитие палатального ряда.

Традиционно считается, что диалекты хакасского языка бывают «скающие» — сагайский, качинский, и «шокающие» — кызыльский, шорский (кроме того, говорят

о «шоканьи» в староиюсском говоре качинского диалекта⁴). «Шокающими» также являются мрасский шорский и среднечулымский. Это подразумевает следующее распределение рефлексов:

	Общeturk. *s	Общeturk. *ʃ	Общeturk. *č
Сагайский, качинский	s	s	s
кызыльский	s	ʃ	ʃ
шорский хакасский	s	ʃ	ʃ
шорский	s	ʃ	ʃ

Пилотное обследование территории шорского диалекта хакасского языка, однако, выявило еще одну систему соответствий:

таштыпский диалект ⁵	s	ʃ	s
---------------------------------	---	---	---

Такая система рефлексации не является чем-то очень экзотическим для тюркских языков: очень похоже ведут себя многие башкирские говоры. Однако в хакасской диалектологии эта система не замечается, а к ее проявлениям относятся как к случайному влиянию на «шокающий» диалект интерференции с «сэкающим» литературным. Хотя такая интерференция отчасти существует, четкое распределение «только s в случае *č ~ s или ʃ в случае *š» на нее не списывается. Кроме того, выяснилось, что начальное *č- может давать рефлексы, отличающиеся от срединных, и эти рефлексы могут давать различные совпадения или расхождения

⁴ В действительности, по нашим полевым данным 2019 года в староиюсском качинском старый срединный *-č- сохраняется как -te- в позиции перед рефлексами *i, *i (*agač 'дерево' > awas, 3 л. awateim; *ič- 'пить' > is 'пей', itcip деепр.); в ширинском качинском в той же позиции они теряют смычку (*agač 'дерево' > awas, 3 л. awačim; *ič- 'пить' > is 'пей', icip деепр.).

⁵ Сюда относятся деревни Таштыпского района Верхние Сыры, Нижние Сыры, Малая Сея, Сигиртуп, Шепчул, Мурты (?).

с рефlekсами начального *j- (в тутальском говоре среднечулымского *č- > f, *č > (t)ε/dz, *j- > tε-; *š > f/z; в кызыльском диалекте хакасского *č- > s-; f- в соседстве с f; *-č(-) > f/z; *j- > f-; s- в соседстве с s/z; *š > s/z и под., при учете к тому же нефонологической палатализации сибилантов в позиции перед *i, *ī. Вся эта система рефлексов дает исключительно интересные возможности для построения генеалогического древа диалектов.

Пилотный опрос:

ОТю *š: *tas* — *таш* ‘камень’ (+ ‘мой камень’), *nas* — *наш* ‘голова’ (+ ‘моя голова’), *tis* — *тиш* ‘зуб’ (+ ‘мой зуб’), *x/қус* — *х/қуш* ‘птица/курица’ (+ ‘моя птица’), *kizi* — *кіжі* ‘человек’, *izik* — *ижік* ‘дверь’.

ОТю *č-: *сых/қ* — *шых/қ* ‘выходи’, *чом* — *шом* — *сом* ‘ныряй/купайся’.

ОТю *-č-: ‘пей’: *ис* — *иш*, ‘напой меня’: *изер* — *ижер* — *ичер*.
‘открой’: *ас* — *аш*, ‘открытая дверь’: *азых* — *ажых* — *ачых*.
‘лети’: *уч(ух)* — *уш(ух)*.

ОТю *-č- — ассимиляции: *сас* — *шаш* — *чач* — *чеч* ‘волос(ы)’ (+ ‘мой волосы’), *чочка* — *сосха* — *шошха* ‘свинья’.

ОТю *j-: *чер* — *шер* — *щер* ‘земля’, *чол* — *шол* — *щол* ‘дорога’, *чылыг* — *шылыг* — *щылыг* ‘теплый’, *чыл* — *шыл* — *щыл* ‘год’, *чаг* — *шаг* — *цаг* ‘жир’, *чат* — *шат* — *щат* ‘лежи’; *парча* — *парца* — *паршады* ‘он уходит’, *часхы* — *щасхы* ‘весна’, *чайгы* — *щайгы* ‘лето’.

ОТю *j- / _N: *чичке* — *ничке* — *ніске(чек)* ‘тонкий’, *чаа* — *наа* — *няа* ‘новый’, *(чу)муртх/қа* — *(ны)мырх/қа* — *нымыртқа* ‘яйцо’.

ОТю *j- / _S: *чазаг* — *сазаг* ‘пеший / босой’, *яхсы* — *чахшы* — *чыхсы* ‘хорошо’, *чүс* — *йүс* — *сюс* ‘лицо / морда’, *чүс* — *йүс* — *сюс* ‘сто’, *чыс* — *йыс* — *сыс* ‘запах’, *ч/шылтыс* — *сылтыс* ‘звезда’, *язы* — *чазы* — *шазы* — *сазы* ‘степь’; внешние сандхи: ‘голодный год’ (*ас чыл* — *ас-сыл*), ‘три года’ (*үш шыл* / *үс чыл* / *үч чыл*).

1.1.2. Заднеязычные.

Для «хакасских» (качинский, сагайский, кызыльский, шорский диалект хакасского) характерно щелевое произношение

гуттуральных (обычно увулярных) в заднерядных словах; для среднечулымских, мрасского шорского и староиюсского говора качинского — взрывное либо аффрикатное (взрыв с заметной щелевой частью).

к/х: *кара* — *хара* ‘черный’, *ак* — *ах* ‘белый’, *кызыл* — *хызыл* ‘красный’.

Переднерядные слова, поведение на конце слога

В ряде хакасских и шорских говоров в конечнослоговой позиции переднерядного слова гуттуральный (велярный) становится велярным щелевым; на щелевой характер проверяем также интервокальную позицию.

к/х: *түк* — *түх* ‘шерсть (моя шерсть)’, *кирек* — *кирех* ‘надо’, *сөөк* — *сөөх* ‘кость (его кость)’.

Характеристика шорского языка: назализация произношения ***-g#**

В ряде говоров шорского и хакасского языков конечное *в* переходит в *ʏ*, причем в одних этот переход сохраняется в интервокале, а в других — нет:

конечное **г/н** (и поведение в интервокале):

улуґ — *улуң* ‘большой’, *таґ* — *таңы* ‘гора (его гора)’, *суґ* — *суңы* ‘вода (его вода)’, *сарыґ* — *сарың* ‘желтый’.

При обнаружении нетривиальных соотношений спрашивается список, приближенный к полному (достаточно получить от информанта по 20 примеров на каждую из категорий).

1.1.3. Конечнослоговые и интервокальные рефлексы звонкого губного ***b**.

Реконструируемый для пратюркского как фрикативный ***-b-** [β] в среднечулымском, хакасском, мрасском шорском в неогубленном вокалическом окружении дефрикативизуется (и в шорском дает *m*; в мелетском чулымском вторично фрикативизуется в интервокале); в огубленном переходит в *в* и пропадает, см. [СИГТЯ 2002, 492–498]. Примеры:

Отю ***ab** ‘облавная охота’: хак. *аб*;

ОТю **eb* ‘дом’: хак. *иб / эб / ип / эн*, шор. *эм / өм*, мелет. *ер, ev-i*, тутал. *ер, eb-i*;

ОТю **kebiz* ‘ковер’: хак. *кибис*, шор. *кемис*;

ОТю **sib* вода: хак., шор. *суз*, мелет. *сив*, тутал. *сив*; встретились также формы *су(w)*, *суб*;

ОТю **jubka* ‘тонкий’ (о веревке): хак., шор. *чугачах*, мелет. *сывазá:q*, тутал. *тсывазáq*;

ОТю **abuç* ‘горсть’: хак. *оос*, шор. *ош*;

ОТю **kuba* ‘лебедь’: хак. *хуу (хус)*, шор. *қуу*.

1.1.4. Палатализация плавных.

сал(ь) ‘плот’ — *ал* ‘бери’, *аар(ь)* ‘тяжелый’ — *нар* ‘уходи’, *ол(ь)* ‘он’; *пайляр/пайлар* ‘богачи’, *айлен/айлан/эйлен* ‘возвращайся’, *палям/палам* ‘дитя мое’.

1.1.5. Межсловные сандхи, озвончение.

кил пееp(e) — *кел беер(e)* ‘иди сюда’, *пир хати/хатап* — *пир зати/затап* ‘один раз’, *ал(ыб ал) бир(пир) дас(мас)* ‘возьми один камень’, *ики к/гигжи* ‘два человека’, *пис ай* — *пиз ай/эй* ‘пять месяцев’, *хызыл ган* ‘красная кровь’.

1.1.6. Сочетания согласных **rn*, **jn*.

Встречается при выпадении второй гласной основы в посессивных формах, а также в косвенных падежах слов с конечным **r*, **j*.

‘нос’ — ‘его нос’ (*пурун* — *пурны/пурды*), ‘живот’ — ‘его живот’ (*харын* — *харны/харды*), ‘шея’ — ‘его шея’ (*мойын* — *мойны/мойды*); ‘я их вижу’ (*оларны / оларды*), ‘это их дом’ (*оларның/олардың*).

1.2. Вокализм.

1.2.1. Рефлексация **e*-образных звуков: *e/и*.

Принципиально считаются «икающими» сагайский и качинский диалекты, остальные — «екающие»; случаи биения

объясняются воздействием литературного (сагайского) произношения. Однако нами был обнаружен значительный класс систем, где старое *e* отражается как *e* или *i* в зависимости от этимологической характеристики гласной следующего слога: в независимой позиции, т. е. в односложной форме, и если следующая гласная этимологически широкая, выступает *e*, если следующая гласная этимологически узкая, выступает *i*: *kel* ‘иди сюда’, *kelbe* ‘не приходи’ — *kiləptse* ‘приходит’; *et* ‘мясо’, *etter* ‘(виды) мяса’ (мн.) — *idəm* ‘мое мясо’; *iʒək* ‘дверь’.

кил — *кел* ‘прийти’: (приходи ко мне; не приходи; я приду, он приходит);

эт (*йет*) — *ит* ‘мясо’, *эттер* /*иттер* ‘мяса’, *эди/иди* ‘мое/его мясо’;

эт — *ит* ‘делать (делай, сделай; не делай; буду делать)’;

мин — *мен* ‘я’ (+ винительный *мини/мени* ‘(обними) меня’);

пел — *пил* ‘спина (спины, его спина)’: *пель*, *пеллер* — *пилім*, *пеллирім*;

чел — *чил* ‘ветер (ветры, его ветер)’;

чер — *чир* ‘земля (земли, его земля)’;

сегс — *сигс* ‘восемь’;

кечи — *кичи* — *киче* — *кече* ‘вчера’.

1.2.2. Рефлексация широких огубленных.

Аналогичное вышеописанному (в абсолютной позиции и перед слогом с исконной широкой гласной — *o*, *ö*; перед слогом с исконной узкой — *u*, *ü*) распределение может наблюдаться для рефлексов старого **o* и **ö*. После велярных в некоторых говорах гласная становится более задней — см. п. 1.2.3; в таштыпском диалекте неприкрытая гласная сопровождается протезой *w/j* в зависимости от ряда.

ö — ү: *коп* — *көн* — *күн* ‘много’, *көк* — *кок* — *күк* ‘синий’, *төрт* — *түрт* ‘четыре’, (*й*)*өл* (*йөл*) — *үл* ‘мокрый’/ ‘умирать’, (*й*)*ө:т* — *үт* ‘желчь’, (*й*)*өдик/х* — *үдик/х* ‘обувь’, (*й*)*өрт* (*йөс*) — *үрт* (*йөс*) ‘поджигай’;

о — у: *чол* — *чул* ‘дорога (моя дорога; дороги, мои дороги)’, (*w*)*от* — *ут* ‘трава’/ ‘огонь’, *пол* — *пул* ‘быть’ (будь здоров; пусть он будет здоров; будьте здоровы), (*w*)*ох* — *ух* ‘пуля’.

1.2.3. Рефлексаия передних огубленных в велярном контексте.

Еще один параметр — переход **ö*, **ü* в средний [ø], [y] или даже задний [o], [u] ряд после заднеязычных согласных. Явление чрезвычайно распространено на тюркской территории, вплоть до карачаево-балкарских диалектов и румелийских (балканских) диалектов Турции; локализация на карте Саяно-Алтая пока неясна; встречаются системы, где рефлексы **ö*, **ü* после заднеязычных различаются так: **ö* > [y], **ü* > [u].

коп — *кõп* ‘много’, *кõк* — *кок* ‘синий’, *кõн* — *кун* ‘солнце’, *кõл* — *кул* ‘зола’.

1.2.4. «Качинские» дифтонги.

Дифтонгоидное произношение вторично долгих (приходящих из стяжений) широких гласных:

иззи — *эззи* ‘хозяин’, *парчаадыр* — *парчадыр* ‘он идет’, *сеак* (*сяак*) — *сеек* ‘муха’, *неар* (*пяар*) — *неер* ‘сюда’.

1.2.5. Сдвигка в средний /передне-средний ряд **а** перед **й**.

Также чрезвычайно распространенное в тюркских диалектах явление, типологически естественное. Оно иногда рассматривается как нарушающее сингармонизм, но поскольку тюркский сингармонизм — в первую очередь морфонологическое явление, то нарушение можно констатировать только при изменении рядности словоизменительных аффиксов в словоформах рассматриваемых слов: поэтому здесь при опросе также необходимо спрашивать формы принадлежности 1–3 л. и мн.ч. на *-лар*):

адай — *адей* ‘собака’, *хомай* — *хомей* ‘плохой’, *талай* — *талей* ‘море’, *орай* — *орей* ‘поздно’ (чаще с *e*), *сырай* — *сырей*

‘лицо’ (чаще с *e*), *пугдай* — *пугдей* ‘пшеница’, *айлан* — *айлен* — *эйлен* ‘вернись’, *пис ай* — *пиз эй* ‘пять месяцев’, *айна* — *айне* — *эйне* ‘чёрт’.

1.2.6. Редукция а.

Отмечено в основном как сагайское явление, но хорошо заметно также в шорском и среднечулымском: фонетический переход **a* в гласный средне-нижнего подъема, среднего ряда (з в МФА), позиции неясны (по крайней мере в части шорских диалектов позиции подобны позициям новоуйгурской редукции, т. е. после слога с исконно широкой гласной перед паузой или слогом с исконно широкой гласной: *ат* ‘лошадь’ — *аттэр* ‘лошади’ — *аттэрда* ‘у лошадей’, *аттару* ‘их лошади’).

Спрашивать следующие формы: у существительных — основа, 1Pos.sg, 3Pos, pl, pl-3Pos, dat ‘гусь (мой гусь, гуси, его гуси, гусю)’; у глаголов — основа (императив), imp-neg, pres, fut ‘стрелять (стреляй, не стреляй, стреляет, будет стрелять)’.

1) однослоги: *хас* — *хэс* ‘гусь’ ~ *хас* ‘копай’, *тас/таш* — *тэс/таш* ‘камень’, *хан* — *хэн* ‘кровь’ ~ *хан* ‘хан’;

1а) неприкрытые: *ат* ‘лошадь’ ~ ‘имя’ ~ ‘стреляй’, *ас-/аш-* ‘открой’;

2) двуслоги закрытые: *агас* ‘дерево’, *тадар* ‘хакасы/шорцы’, *таңах* ‘курица’;

3) конечный открытый: *хара* ‘черный’ (+ *харасхы* ‘чернота’), *сыгар* ‘вынимать’ (‘я вынул руку из кармана’), *пуга* ‘бык’, *тагда* ‘на горе’, *атпа* ‘не стреляй’.

1.2.7. Рефлексы стяжения старого сочетания *-**agu**: **a** или **o** долгий/двувершинный на конце слова.

Традиционно считается признаком, разделяющим сагайский и качинский хакасские диалекты. По нашим данным получается разделение на северные «окающие» (среднечулымский, качинский, кызыльский) и южные «акающие» (саг., ташт., бельт., шор., мрасский шорский) диалекты.

пызоо — *пызаа* ‘теленок’, *хыроо* — *хыраа* ‘иней’/ ‘заморозок’, *тыло* ‘кочка’, *хогдыро/хоңыро* ‘колокольчик для скота’.

1.2.8. Явления, характеризующие основы с первичной долгой гласной.

Здесь речь идет о различных типах глоттализации, связанных с древней оппозицией долготы — краткости, которые в терминологии Новосибирской фонетической школы принято называть фарингализациями [Селютина и др. 2014; Селютина 2004; Сарбашева 2004; Уртегешев 2004]. Ранее для рассматриваемой группы языков «фарингализация» была отмечена в шорском [Уртегешев 2004: 222]. Наши полевые исследования подтвердили наличие фонологической глоттализации в шорском и кызыльском диалектах хакасского и в мрасском шорском. Явление отличается от тувинско-тофаларской «фарингализации» (и сходно с тубаларской фарингализацией) тем, что возникает на рефлексах пратюркской долготы (а не краткости, как в тувинском) и существует как при шумном конце корня, так и при сонорном: ОТю **at* > хакас.-шорск. и шорск. мрас. *at* ‘лошадь’ — **āt* > *aʔt* ‘имя’, **tut* > *tut* ‘держи!’ — **būt* > *puʔt* ‘бедро’, **baš* > *paʃ* ‘голова’ — **dāš* > *teʃf* ‘камень’, **kol* > *qol* ‘рука’ — **jöl* > *teoʔl* / *teolʔ* ‘дорога’ и т. д.

at ‘лошадь (моя лошадь)’ — *at* ‘имя (мое имя)’; *ot* ‘трава’ — *ot* ‘огонь’; *nas/ɯ* ‘голова’ — *tas/ɯ* ‘камень’, *tut-* ‘держи’ — *nut* ‘бедро’; *čyl* ‘год’ — *čyl* ‘ползи!’; *hol* ‘рука’ — *čol* ‘дорога’; *öl-* ‘умри’ — *köl-* ‘запрягай’.

При обнаружении различия следует обратиться к развернутому опроснику — полному списку хакасских однослов.

2. Морфонология.

2.1. Выпадающие конечные **-г, -ғ, -ң**.

Выпадение/сохранение исторических звонких велярных конца морфемы при попадании в интервокал может зависеть не только от фонетической позиции, но и от морфологического состава словоформы. В частности, бывают системы, в которых, при выпадении

и последующем стяжении гласных при аффиксах принадлежности 1 и 2 лица, в ЗPos существительных звонкий велярный переходит в *j* (например, в шорских говорах). При обнаружении нетривиальных результатов обращаться к развернутой анкете.

В глаголах: императив; будущее; настоящее; аорист: дои, не дои, он будет доить, он доил, он доит.

саг- ‘доить’, *сиг-* ‘чертить’, *сүг-* ~ *сүү-* ‘цедить’, *чаг-* ‘дождить’/‘снежить’, *үүг-* ‘окучивать’.

В существительных: формы 1pos, ЗPos, датив: гора, его гора, к горе.

таг ‘гора’, *паг* ‘веревка’, *чаг* ‘война’, *суг* ‘вода’, *саг* ‘жир’, *сог* ‘жар’, *кös согы* ‘жар углей’, *туг* ‘запруда’, *туг* ‘флаг’, *сыг* ‘строчка (шов)’;

улугы — *ули* — *улуйы* ‘старший’, *кичиг* ‘младший’, *агырыг* ‘больной/болезнь’, *одаг* ‘шалаш’;

ниг ‘начальник’, *сиг* ‘линия’, *тöлег* ‘оплата, штраф’; *хус чүги* ‘птичье перо’, *хус нүги* ‘птичий пух’, *кög* ‘мелодия, мотив’;

В ряде сагайских говоров выпадение конечного велярного с последующим стяжением гласных затрагивает также и глухие:

хузух ‘орех’, *харах* ‘глаз’, *пöрик* ‘шапка’, *чүрек* ‘сердце’.

2.2. Губной сингармонизм.

В z-языках огубленность гласной корня обычно не переходит на широкие гласные аффиксов (ср. формы типа *колдо* ‘в руке’ в алтайском). Что касается узких гласных в аффиксах, то встречены разнообразные системы, иногда демонстрирующие зависимость перехода огубленности от типа аффикса. Так, аффиксы принадлежности могут вообще не принимать огубленности; может принимать ее только аффикс 1 лица — следствие губной аттракции под влиянием конечного *-м*; могут принимать ее аффиксы 1 и 2 лица, но не третьего (архаическая система, связанная с первичной огубленностью первых двух аффиксов в пратюркском: **-Um*, **-Uη*, **-I*).

хол (*холу/ым, холу/ынг, холу/ы, холыбыс*) ‘рука (моя рука; твоя рука; его рука; наши руки)’

сӧс ‘слово’

сӧӧл ‘бородавка’

тус ‘соль’

кӱн ‘день’

ӧл ‘умри (не умирай, пусть он умрет)’

ӧс ‘расти’

3. Морфология.

3.1. Варианты падежных окончаний.

Наша цель — выявить границы распространения разных морфологических вариантов выражения падежных значений. Сами наборы падежей не имеют значимых различий, не считая наличия вторичного направительного падежа в хакасских диалектах.

3.1.1. Направительный падеж.

В [ГХЯ] упоминается, что направительный падеж в диалектах встречается как в более краткой форме *-за/-зе, -са/-се*, так и в более полной *-зары/-зері, -сары/-сері*. Усеченная форма приписывается качинскому диалекту, полная — шорскому [ГХЯ: 7] и сагайскому [ГХЯ: 74]. Кроме того, в направительной функции используется также и дательный падеж. Пока наш материал дает следующую картину: в шорском чаще встречается усеченная форма (также и более полная), в сагайском (Казановка) чаще встречается более полная, в шорских диалектах во всех контекстах употребляется также датив (как и в шорском литературном языке).

направительный (*-са/-сар/-сары*) / датив (*-га*): ‘куда ты идешь? — на гору/домой/в баню/в магазин/туда’ *хайа/хайдар/хайдара парча(зы)ң?* — *тайгазара/тайгаза/агас аразында; ибімзере/ибімзе; мылчазара/мылчаа; магазинга; андар(а)/анар(а)*

‘он кинул камень в собаку/в воду’ *ол тасты тастабысхан адэйга/адэйзара/адэйза // суға / сугзар(а).*

3.1.2. Инструменталис/комитатив/аблатив (исходный падеж).

Большое разнообразие форм творительного падежа отмечается в хакасских диалектах, особенно в зоне распространения шорского диалекта и бельтырского говора: *-мАң* (как единственный алломорф), *-бАң/-пАң/мАң*, *-бА/-пА/-мА*, *-бляң/-пляң/-мляң*. В ряде южных говоров инструменталис, аналогично прочим литературным падежам с начальной согласной *Н*, использует вместо нее начальный *Д*. Таким образом, в них инструментальный и исходный падежи совпадают. Северные варианты: *-м(ы)наң* (как единственный алломорф), *-бынаң/-пынаң/-мынаң*. В среднечулымском, согласно [Бирюкович 1979: 40], в тутальском говоре функционируют алломорфы *-б/пЫЛА* и *-ЛА*, в мелетском — после гласных, носовых согласных и *й* — *-НАң* (вариант *-бЫЛАң*), после *-р* и других согласных *-ЛАң*. В роли комитатива (‘совместно с кем-то’) ряд говоров использует не инструменталис, а форму с аффиксом *-ЛЫг*. Рефлекс древнего аблатива на *-ТЫн*, как будто, везде, кроме среднечулымского, замещен формой на *-Даң* (в хакасском сохранился, однако, в локативных словах: *төб-ин-дін* ‘снизу’, *ырах-тын* ‘издалека’, и в сочетаниях с аффиксом направительного падежа, *сын-зар-тын* ‘со стороны хребта’).

[рубит мясо] ‘топором’ *малтымаң/малтыбаң/малтыбляң/малтыдаң/малтынаң/малтыба/малтымнаң/малтыбынаң*;

[иду в школу] ‘с ребенком’ *паламаң/палабаң/палабляң/палаба/паладаң/паланаң/паламнаң* (самый частый ответ — в большинстве говоров это форма *lpos.sg-instr*, которая почти всегда выдается при терминах родства, однако в северных говорах она бывает отдельным аффиксом) */палабынаң/палалыг*;

[выйди] ‘из дома’ *ибдең/иптең/эвдын/өмнең*.

3.1.3. Генитив.

К литературным алломорфам *-ның/нің/-тың/-тің* в сагайском добавляется вариант *-дың/-дің* после гласных и звонких носовых согласных. В части диалектов, например в шорском хакасском, у личных местоимений единственного числа наряду с полными употребляются стяженные формы: хак. *минің* — шор. *мииң/меең* — бельт. *мең* ‘мой’, хак. *синің* — шор. *сииң/сеең* ‘твой’. В шорских диалектах также обнаруживается аналогичный вариант местоимения 3 л. ед. ч.: *аң* ‘его’. В матурском говоре у некоторых носителей все косвенные формы местоимения *ол* ‘он’ образуются от основы *олан-*, в т. ч. и генитив (ранее в литературе не отмечалось).

‘моя лошадь’ *минің/мииң/меең адым/чылгым*;

‘твой отец’ *синің/сииң/сеең (п)абаң/чачаң/побаң*;

‘его гора’ *аның/аң/оланың таа/тагы/таңы/тайы/тагы*.

3.1.4. Датив при посессиве.

Обычный датив не имеет специальных диалектных алломорфов. В именах с показателями 1 и 2 л. ед. ч. в хакасском литературном языке датив имеет формы *-а/-е*, в шорском литературном языке — *-га/-ге*, *-қа/-ке*. Вариант на согласную в посессивном склонении встречается и в хакасских текстах. По нашим данным, в шорском диалекте хакасского и в бельтырском употребляется только вариант с согласной (совпадающий с окончанием именного склонения), в сагайском диалекте и севернее — только вариант с гласной (восходящий к окончанию местоименного склонения).

[дай воды] ‘моей лошади’ *минің адыма/адымга*;

‘поговори со своим отцом’;

‘дай твоему отцу хлеба’;

‘дай ее матери денег’.

Для сравнения — сандхи окончания датива в именном склонении основ на различные носовые:

хозанга [дай] ‘зайцу’ [морковку], *хамга* [дай] ‘шаману’ [денег], *аңга* [дай] ‘зверю’ [мяса].

3.2. Варианты посессивных аффиксов — посессив 2 л. мн.ч. ‘твой ребенок’, ‘ваш ребенок’, ‘твои дети’, ‘ваши дети’

Обычно посессив 3 л. мн. ч. посессора совпадает с посессивом 3 л. мн.ч. обладаемого:

палазы ‘его ребенок’, *палалары* ‘его дети’ или ‘их ребенок, их дети’;

ады ‘его лошадь’, *аттары* ‘его лошади’ или ‘их лошадь, их лошади’.

В ряде хакасских говоров и в мрасском шорском то же наблюдается для 2 л. мн. ч.: *палаң* ‘твой ребенок’, *пала-лар-ың* ‘твои дети’; ‘ваш ребенок’ и ‘ваши дети’. В других говорах и литературном варианте хакасского форма посессора 2 л. мн. ч. отличается от формы посессора 2 л. ед. ч. с обладаемым мн. ч.: *пала-ңар* ‘ваш ребенок’ и ‘ваши дети’.

3.3. Варианты глагольных морфем.

3.3.1. Настоящее время.

Везде дефолтным вариантом настоящего времени является показатель *-чА(т)* (в некоторых говорах встречается только в переднерядном варианте, в других — в заднерядном. Простой опрос форм не дает здесь быстрых ответов на то, какие формы бывают еще — для этого нужен подробный опросник с разными семантическими контекстами, в качестве которого мы используем адаптированную анкету О. Даля о ТМА-показателях. В шорском диалекте носители иногда употребляют аффикс *-чАрЫ*: *от койчары* ‘огонь горит’. В качинском диалекте довольно частотен показатель *-чАдЫ(р)* (*чеадыр*): *парчадыр* (*парчеадыр*) ‘он идет’; встречается также показатель *-АдЫ(р)*: *парады(р)* ‘он уходит’. В этих показателях конечная *-р* может опускаться. В староинюсском и кызыльском наблюдается аффикс *-ту(р)*, отбрасывающий конечную согласную перед личными окончаниями: *мен партум* ‘я ухожу’, *ол көртур* ‘он смотрит’ (в качинском редко *мин партурбын* ‘я ухожу’). В средне-чулымском находим большое

разнообразие форм презенса (связанное с разнообразием слившихся с основой вспомогательных глаголов), см. [Бирюкович 1981: 44–57]. В данном пункте мы пытаемся получить базовые формы презенса (1sg и 3sg) от глаголов с разными структурами основы.

‘Я иду’, ‘он идет’ (основа *пар-*); ‘я беру’, ‘он берет’ (*ал-*); ‘я даю’, ‘он дает’ (*ни/ер-*); ‘я держу’, ‘он держит’ (*тут-*); ‘я пью’, ‘он пьет’ (*ис-*); ‘я играю’, ‘он играет’ (*ойна-*); ‘я сплю’, ‘он спит’ (*узу-*).

3.3.2. Отрицательное настоящее.

В хакасском и шорском языках показатель отрицания в настоящем времени совпадает с показателем отрицательного деепричастия (в бельтырском он теряет *-н* перед аффиксом презенса). Варианты: качинский *парбинча(дыр)*, сагайский *парбинча*, бельт. *парбица*, шор. *парбаанча* ‘он не уходит’. Среднечулымский потерял отрицательное деепричастие, отрицательный презенс образуется как сочетание причастия на *-Ар* с именным отрицанием: *алар чокмен* ‘я не беру’. В кызыльском часто дают форму *парбинтур*, в которой присутствует тот же показатель. Отрицание формы презенса на *-ады(р)* нам не попадалось.

Он не спит (*узу-*). Он не работает (*тогын-*). Он не стреляет (*ат-*). Он не пьёт (*ис-*).

3.3.3. Причастие настоящего времени на *-чан/-чатхан*.

В диалектах широко распространены стяженные формы кластера *-чатхан* (*чат-* ‘Dur’ + *-ган* ‘Past’): *-чан/-чен/-чин/-чан/-чкен*. Данная форма употребляется только в нефинитных контекстах, противопоставляясь тем самым формам настоящего времени *-ча/-чары/-чадыр*, которые могут употребляться только в качестве финитных. В качинском и кызыльском этим формам по описаниям соответствует причастие на *-АдЫргАн*: *хоостидырган* ‘вышивающий’, *имнидйрген* ‘лечащий’; в чулымском — на *-АткАн*.

чахсы көрчеткенін ‘покажи мне того, кто хорошо видит’;
хайнапчатхан суг тегбе ‘не трогай кипящую воду’.

3.3.4. Личные окончания.

Проверить на разных типах глагольных форм (во всех лицах и числах, после разных видовременных показателей); на именном предикате, как распределяются разные окончания. Спрашивать именное сказуемое во всех формах, глагольные формы 1sg, 2sg, 2pl в прошлом, настоящем, будущем, отрицательном будущем и условном наклонении.

Я — хакас, ты — хакас, он — хакас, мы — хакасы, вы — хакасы.

Я пойду, ты пойдешь, вы пойдете; я не пойду, ты не пойдешь, вы не пойдете.

Я иду, ты идешь, вы идете;

Я шел, ты шел, вы шли; я не шел, ты не шел, вы не шли.

Если я иду, если ты идешь, если вы идете.

3.3.5. Императив 1pl инклюзивный.

Окончание инклюзивного гортатива (императива 1 лица) во множественном числе представляет собой стяжение показателя инклюзивного гортатива *-аң/-ең* и множественного числа *-лар/-лер*. В литературном хакасском аффикс имеет вид *-аңар/-еңер*, в сагайском и шорском диалектах *-алар/-елер*.

‘пойдемте’ [спать] *паралар* ~ *параңар*;

[давайте мы все] ‘посмотрим’ [вон туда] *көреңер* ~ *көрелер*.

3.3.6. Инфинитив.

Инфинитив в языках z-группы образован путем сочетания аффикса будущего времени *-ар* и дативного показателя *-га*. Показатель будущего часто отбрасывает последнюю согласную перед другой согласной, особенно часто в форме 1 л. ед. ч.: *парам* ‘буду уходить’. В инфинитиве также употребляется форма будущего без *-р*: *поларга/полага* ‘идти’. Как представляется на данный момент, эта форма свойственна всем диалектам.

В этом пункте мы также получаем представление о базовых целевых и желательных конструкциях.

‘иди спать’ *пар узирга/узига/узарга/узага*;

‘мне надо одеться’ *мага тонанарга/тонанага (кирек)*;

‘я хочу есть’ *меге чи(р)ге килче, мин чирга хынчам, мин азыранахчам*

‘он встал, чтобы уйти’ *ол турып алган парарга/парага*.

3.3.7. Согласование причастия (прошедшего времени в местном падеже) с субъектом.

Согласование с подлежащим в причастных формах варьирует по диалектам и остается малоизученной темой в исследуемых языках. Мы выбрали частотную и простую для опроса форму причастия прошедшего времени в локативе. В литературных формах допускается как отсутствие согласования (-*ганда*), так и маркирование его посессивными аффиксами (-*ганымда* и т.п.). Некоторые носители бельтырского и шорского употребляют усеченные формы, совпадающие с финитными (-*гамда* и т.п.), причем в разных лицах могут применяться разные стратегии. Более подробно об этом см. [Dybo et al. 2019].

Когда я жила в Абакане, у меня был красивый дом.

Когда ты училась в Абакане, ты много болела?

Когда мы ходили в тайгу, мы видели медвежьи следы.

Когда вы были у бабушки, она была здорова?

Этой анкетой в различных стадиях доработки мы пользовались в экспедициях начиная с 2016 г. К настоящему времени на территории Республики Хакасия по ней опрошена большая часть населенных пунктов с компактным проживанием коренного населения, относящихся к шорскому, бельтырскому, сагайскому, северному качинскому, в том числе староиюсским говорам, и кызыльскому диалектам. Пока не охвачены в достаточной мере койбалский и южный (пограничный с сагайским) качинский. Мрасские шорские

говоры опрошены спорадически; то же можно сказать о последних носителях двух говоров среднечулымского. Однако уже можно говорить о значительной плотности получаемых пучков изоглосс и хорошей отделимости архаизмов от инноваций, в частности ареально-контактных явлений от генеалогически связанных. Кажется, что эту работу необходимо продолжать.

Список сокращений

- 1Pos — 1-е лицо посессора
- 3Pos — 3-е лицо посессора
- Ass — ассертив
- Conv — деепричастие
- dat — датив
- Dur — дуратив
- fut — будущее время
- imp — императив
- neg — отрицательный аспект
- Past — прошедшее время
- pl — множественное число
- pres — презенс
- sg — единственное число

Через точку записываются грамемы, кумулятивно выраженные внутри одного аффикса.

Литература

АТНГ — *Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова* (науч. ред.) Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. Составители: *Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова* (1 т.), *Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова* (2 т.). Казань, 1989. Прил.: Комментарии к Атласу. Казань, 1989. Электронная версия: <http://atlas.antat.ru>.

Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 1. Саратов, 1979.

Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 2. Саратов, 1981.

Боргояков М. И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981.

ГХЯ — *Н. А. Баскакова* (ред.) Грамматика хакасского языка. Москва, 1975.

ДАБЯ — *Диалектологический атлас башкирского языка.* Уфа, 2005.

ДАЯЯ — *Иванов С. А.* (сост.) Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты): в 2-х ч. Ч. 1: Фонетика. Якутск, 2004. Ч. 2: Морфология и лексика. Новосибирск, 2010.

Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. Астана, 2013.

Дыбо А. В. Еще раз об истории показателей лично-числового спряжения в тюркских языках // Урало-алтайские исследования, 2017, 3 (26), 127–150.

Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. Москва, 2009.

Патачакова Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк). Пособие для учителя. Абакан, 2013.

Опыт диалектологической карты русского языка с приложением Очерка русской диалектологии. Москва, 1915.

Программа опроса для диалектологического атласа тюркских языков. Москва, 1965.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.

Селютина И. Я. Фонологические системы языков народов Сибири. Новосибирск, 2004.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск, 2014.

СИГТЯ 1997/2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. Москва, 1997, 2000.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. Москва, 2002.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа: Картина мира пратюркского этноса по данным языка. Москва, 2006.

Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск, 2004.

Чиспяков Э. Ф., Бабушкин Г. Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерово, 2004.

Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019, 23, 31–48.

Karahan L. Anadolu ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.

Schönig K. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // *Turkic languages*, 1997, 1, 117–133.

References

ATNG — *N. B. Burganova, L. T. Makhmutova* (nauch. red.) Atlas tatarskikh narodnykh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya. Sostaviteli: *N. B. Burganova, L. T. Makhmutova* (1 t.), *F. S. Bayazitova, D. B. Ramazanova, 3. R. Sadykova, T. X. Khairutdinova* (2 t.). Kazan', 1989. Pril.: Kommentarii k Atlasu. Kazan', 1989. Elektronnaya versiya: <http://atlas.antat.ru>. (In Russ.)

Biryukovich R. M. Morfologiya chulymsko-tyurkского yazyka. Ch. 1. Saratov, 1979. (In Russ.)

Biryukovich R. M. Morfologiya chulymsko-tyurkского yazyka. Ch. 2. Saratov, 1981. (In Russ.)

Borgoyakov M. I. Istochniki i istoriya izucheniya khakassкого yazyka. Abakan, 1981. (In Russ.)

Carbasheva S. B. Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altaiskого yazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Chispiyakov E. F., Babushkin G. F. Dialekty shorskого yazyka // Yazyk, istoriya, kul'tu-ra tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Kemerovo, 2004. (In Russ.)

DABYa — Dialektologicheskii atlas bashkirского yazyka. Ufa, 2005. (In Russ.)

DAYaYa — *Ivanov S. A.* (sost.) Dialektologicheskii atlas yakutского yazyka (svodnye karty): v 2-kh ch. Ch. 1. Fonetika. Yakutsk, 2004. Ch. 2. Morfologiya i leksika. Novosibirsk, 2010. (In Russ.)

Dialekty khakassкого yazyka. Abakan, 1973. (In Russ.)

Dybo A. V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Tom 9 (dopolnitel'nyi): Etimologicheskii slovar' bazisnoi leksiki tyurkskikh yazykov. Astana, 2013. (In Russ.)

Dybo A. V. Eshche raz ob istorii pokazatelei lichno-chislovogo spryazheniya v tyurkskikh yazykakh // Uralo-altaiskie issledovaniya, 2017, 3 (26), 127–150. (In Russ.)

Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019, 23, 31–48.

GKhYa — *N. A. Baskakova (red.)* Grammatika khakassкого yazyka. Moskva, 1975. (In Russ.)

Karahan L. Anadolu ağızlarının Sınıflandırılması. Ankara, 1996.

Mudrak O. A. Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov s pomoshch'yu metodov glottokhronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoi fonetike. Moskva, 2009. (In Russ.)

Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka s prilozheniem Ocherka russkoi dialektologii. Moskva, 1915. (In Russ.)

Patachakova D. F. Kyzyl'skii dialekt khakasskogo yazyka (kratkii ocherk). Posobie dlya uchitelya. Abakan, 2013. (In Russ.)

Programma oprosa dlya dialektologicheskogo atlasa tyurkskikh yazykov. Moskva, 1965. (In Russ.)

Schönig K. A new attempt to classify the Turkic languages (1) // Turkic languages, 1997, 1, 117–133.

Selyutina I. Ya. Fonologicheskie sistemy yazykov narodov Sibiri. Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Selyutina I. Ya., Urtegeshev N. S., Ryzhikova T. R., Dambyra I. D., Kechil-ool S. V. Faringalizatsiya kak tipologicheskii priznak fonologicheskikh sistem (na materiale tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri). Novosibirsk, 2014. (In Russ.)

SIGTYa 1997/2000 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Leksika. Moskva, 1997, 2000. (In Russ.)

SIGTYa 2002 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Regional'nye rekonstruktsii. Moskva, 2002. (In Russ.)

SIGTYa 2006 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: Pratyurkskii yazyk-osnova: Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka. Moskva, 2006. (In Russ.)

Urtegeshev N. S. Maloshumnyi konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrosskogo dialekta). Novosibirsk, 2004. (In Russ.)

Дыбо Анна Владимировна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Dybo Anna Vladimirovna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
adybo@mail.ru

Мальцева Вера Сергеевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Maltseva Vera Sergeevna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
malt.wh@gmail.com

Николаев Сергей Львович
Институт славяноведения РАН.
Москва, Россия
Nikolaev Sergey Lvovich
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
sergenicko@mail.ru

Шеймович Александра Валерьевна
Институт языкознания РАН
Москва, Россия
Sheimovich Alexandra Valerievna
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
asheimovich@yandex.ru

***Религиозная лексика в коми-пермяцких
рукописных словарях 1785 года и особенности
её употребления в современном
коми-пермяцком языке¹***

***Religious vocabulary in the Komi-Permyak
manuscript dictionaries of 1785
and features of its use in the modern
Komi-Permyak language***

Пономарева Л. Г., Грейдан А. В.

Ponomareva L. G., Greidan A. V.

Настоящая статья посвящена разностороннему лингвистическому анализу религиозной лексики, нашедшей отражение в двух рукописных словарях 1785 г. протоиерея Антония Попова (1748–1788). Религиозная лексика рассмотрена с точки зрения происхождения и ее употребления в современном коми-пермяцком языке. Произведена тематическая классификация этой лексико-тематической группы и обозначена роль этих религиозных терминов в установлении библейской терминологии в современных библейских переводах на коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, рукописные словари, религиозная лексика, библейская терминология, исконная и заимствованная лексика, активная и пассивная лексика

This article is devoted to a comprehensive linguistic analysis of Komi-Permyak religious vocabulary as reflected in two handwritten dictionaries from 1785 by Archpriest Antony Popov (1748–1788). Religious vocabulary items are examined from the point of view of their origin

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

and use in the modern Komi-Permyak language. This semantic domain is analyzed in terms of its thematic classification, and the influence of these religious terms is shown on the choice of terms in modern-day Komi-Permyak Bible translations.

Key words: Komi-Permyak language, dictionaries, religious vocabulary, biblical terminology, native and borrowed vocabulary, active and passive vocabulary

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-120-171

Введение

В данной работе религиозная лексика понимается широко. В эту группу мы включили те слова, которые являются основополагающими в Библии и в церковной службе. Также здесь мы рассматриваем такие лексические единицы, которые входят в группу общеупотребительной лексики, однако они являются важными терминами в Библии, и при их переводе на современный коми-пермяцкий язык, как правило, возникают трудности, обычно они не имеют исконных соответствий.

В современном коми-пермяцком языке религиозная лексика, как и другие лексико-тематические группы, содержащие абстрактные понятия, слабо развита на исконном языковом материале. Многие понятия данной лексико-тематической группы передаются посредством русских заимствований, хотя религиозная лексика в коми-пермяцком языке начала формироваться давно. Ее зарождение уместно связать с христианизацией коми-пермяков, которая началась в XV в. [Чагин 2000: 12]. Важным отправным событием в этом было крещение населения Перми Великой в 1462 г. епископом Ионой. Безусловно, многие религиозные термины появились в коми-пермяцком языке намного раньше и были связаны с языческими верованиями. Стоит отметить, что элементы язычества в повседневной жизни коми-пермяков прослеживаются и по сей день.

Говорить о том, каким именно образом развивалась религиозная лексика в коми-пермяцком языке в XV–XVII вв.,

сложно, поскольку по коми-пермяцкому языку нет никаких письменных источников этого времени.

Первые письменные памятники по коми-пермяцкому языку относятся к XVIII в. В 1705 г. голландский политик и картограф Н. Витсен опубликовал молитву «Отче наш» на древнепермском языке [Witsen 1705: 811–812]. По мнению А. И. Туркина, текст этой молитвы был переведен «на один из южных диалектов древнепермского языка, очень близкий современному коми-пермяцкому языку»² [Туркин 1993: 280].

Коми-пермяцкий материал в виде отдельных слов и выражений попал в труды XVIII в., принадлежащих следующим ученым, путешественникам и участникам научных экспедиций: Г. Ф. Миллеру [Müller 1758: 382–408], И. Э. Фишеру [Fischer 1768: 162–165], И. И. Лепехину [Лепехин 1780: 196–197] и П. С. Палласу [1787]. В виду того что в этих трудах зафиксирован малый объем коми-пермяцкого материала, лексика рассматриваемой нами тематической группы нашла в них отражение в единичных случаях: от одной лексемы до нескольких.

В XVIII в. были написаны и словари, которые посвящены только коми-пермяцкому языку. В них содержится большой коми-пермяцкий материал. К настоящему времени известно о существовании двух таких работ, дошедших до нашего времени в рукописном виде. Они датируются 1785 г.³

² К анализу текста этой молитвы обращались и другие ученые [Лыткин 1980; Stipa 1990; Blokland 2018], однако, на наш взгляд, должным образом он до сих пор не исследован.

³ Помимо словарей 1785 года датируется также грамматика коми-пермяцкого языка Антония Попова: Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловскаго собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскою языкъ 1785 года. РНБ, ОР, Эрмитажное собр., № 208. 33 л. [Попов 1785в].

и, судя по названиям, принадлежат перу протоиерея Антония Попова (1748–1788):

1. «Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года». РНБ (Российская национальная библиотека), Отдел рукописей (ОР), Эрмитажное собр., № 206. 81 л. (далее алфавитный словарь) [Попов 1785а];

2. «Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года». РНБ, ОР, Эрмитажное собр., № 207. 29 л. (далее тематический словарь) [Попов 1785б].

В XVIII в. вере в Бога и церковной жизни уделялось огромное значение, поэтому религиозная лексика не могла не найти отражение в этих двух словарях.

Краткие сведения из истории изучения рукописных словарей Антония Попова

Названные словари Антония Попова рассматриваются с точки зрения разных аспектов в работах многих ученых [Лыткин 1964; Баталова 1962, 1965, 1967, 1975; КПЯ 1962; Светлаков 1967; Феоктистов 1968; Кривошекова-Гантман 1977; Аксёнова 2000; Грейдан 2005; Гайдамашко, Пономарева 2018а, 2018б, 2019; Пономарева, Гайдамашко 2018; Пономарева 2018а, 2018б; 2019; Лобанова 2018 и др.].

До 2018 г. чаще остальных к исследованию рукописей А. Попова обращалась Р. М. Баталова. Именно она сделала первый небольшой лингвистический анализ рукописей А. Попова с разных точек зрения — графики и орфографии, фонетики и лексики. Помимо этого, она представила опыт идентификации коми-пермяцкого диалекта, легшего в основу рукописных материалов Антония Попова. Необходимо отметить, что её суждения в этом отношении не лишены противоречий.

С 2018 г. по 2020 г. рукописные работы Антония Попова исследуются учеными из Перми, Санкт-Петербурга и Хельсинки в рамках научного проекта под названием «Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): исследование и публикация первых коми-пермяцких грамматик и словарей», поддержанного РФФИ.

Объект исследования

Данная статья посвящена разностороннему лингвистическому анализу религиозной лексики, нашедшей отражение в вышеуказанных рукописных словарях А. Попова — алфавитном и тематическом. Эта лексико-тематическая группа названных словарей исследуется здесь впервые.

В алфавитном словаре А. Попова дано 2522 словарные статьи. Они содержат заглавное коми-пермяцкое слово (или словосочетание) и его перевод на русский язык. Религиозная лексика представлена здесь 143 единицами (см. их перечисление в таблице 1), что составляет 5,67 % от всех словарных статей в данной лексикографической работе.

Таблица 1. Религиозная лексика в алфавитном словаре А. Попова⁴

№	Религиозная лексика	Лист
1.	<i>Áбутемь</i> «бѣдность»	3
2.	<i>Áнгель</i> «Ангель»	3об.

⁴ В алфавитном словаре А. Попова в коми-пермяцких примерах при именах существительных дано окончание родительного падежа *-лэнь* (в современной орфографии *-лӧн*), которое мы опускаем в настоящей работе. Коми-пермяцкие примеры мы выделяем курсивом. Перевод коми-пермяцких примеров на русский язык из словаря мы даем во французских кавычках («»), что указывает на сохранение орфографии и пунктуации источника (включая описки).

№	Религиозная лексика	Лист
3.	<i>àсвылтыра</i> «упрямый»	3об.
4.	<i>бёркылстыта беркылсетны</i> «благовѣщу хорошую вѣсть сказываю»	4
5.	<i>бóгородица</i> «богородица»	4об.
6.	<i>бурвунетысь</i> «Неблагодарный»	5
7.	<i>буркерись мортъ</i> или <i>буркерись</i> «благодѣтель»	5
8.	<i>буркеремь</i> «добродѣтель»	5
9.	<i>бурсетемторь</i> «даръ»	5
10.	<i>буртедемь</i> «благодарность»	5
11.	<i>буршуся буршусины</i> «доброжелательствую, желаю добра»	5
12.	<i>бурь</i> «хорошій, добрый, благій,»	5
13.	<i>бурь олемь</i> «благополучіе»	5
14.	<i>быдесь адзись</i> «всеѣдущій»	5
15.	<i>быдесь тедысь</i> «всеѣдущій»	5
16.	<i>бычемь</i> «бодрый, искусный, хорошій, честный,»	5об.
17.	<i>бычемь дукъ</i> «запахъ, благовоніе»	5об.
18.	<i>вѣжа</i> «святой»	6об.
19.	<i>вѣжай</i> «кумь, воспріемникъ»	6об.
20.	<i>вѣжань</i> «кума, воспріемница»	6об.
21.	<i>вѣжа лунь</i> «праздникъ»	6об.
22.	<i>вѣжера лоль</i> «душа Разумная»	6об.
23.	<i>вѣскыта</i> нарѣчіе «право, прямо, Справедливо»	7об.
24.	<i>вѣскыть</i> «правда, правый, прямой, справедливый, вѣрный, правдивый»	7об.
25.	<i>видзисемь</i> «воздержаніе, умѣренность»	8

№	Религиозная лексика	Лист
26.	<i>вiдзь</i> «лугъ, покось, такъ же постъ»	8
27.	<i>вицкx</i> «церковь»	8об.
28.	<i>вицяла вицяльны</i> «пощуся»	8об.
29.	<i>вoжа бeжъ</i> «Салдать а Собственно Распоротый Задъ»	9
30.	<i>вгъра</i> «вбра»	10
31.	<i>вiлэлэптисемъ</i> «гордость»	10
32.	<i>вэтлэтысь</i> «гуляка»	10об.
33.	<i>гърiшита гърiшитны</i> «гърiшу, согърiшаю»	12
34.	<i>гърiшной</i> «гърiшной»	12
35.	<i>гърiкъ</i> «гърiхъ»	12
36.	<i>дiаконъ</i> «дiаконъ»	13об.
37.	<i>дзгъбсися дзeбсины</i> «схораниваю»	13об.
38.	<i>дзгъбсянь</i> «похороны»	13об.
39.	<i>жiннiянь</i> «колоколь ботало»	15об.
40.	<i>Зависть</i> «зависть»	15об.
41.	<i>iстинна</i> «истинна»	17
42.	<i>Jeнь</i> «Богъ»	17
43.	<i>Jeнь ай</i> «Богъ отецъ»	17
44.	<i>Jeнь Зoль</i> ⁵ «Богъ сынъ»	17
45.	<i>Jeнь ладтемъ</i> «Злочестiе безбожiе»	17
46.	<i>Jeнь ладтедысь</i> «благочестивый»	17
47.	<i>Jeнь ладъ</i> «благочестiе»	17
48.	<i>Jeнь лoль вeжа</i> «Богъ духъ святой»	17
49.	<i>Jeнь oстeдъ</i> «безбожникъ»	17
50.	<i>кадило</i> «кадило»	17об.

⁵ Следует читать *Зонь*.

№	Религиозная лексика	Лист
51.	<i>ка́дита ка́дитны</i> «кажду»	17об.
52.	<i>ка́йтця ка́итцины</i> «каюся»	18
53.	<i>Кéзьяинь</i> или <i>ко́зьяинь</i> «хозяинь»	18об.
54.	<i>Кéзьяйка</i> или <i>ко́зьяйка</i> «хозяйка»	18об.
55.	<i>ко́локоль</i> «колоколь»	20
56.	<i>ко́локольня</i> «колокольня»	20
57.	<i>кузь пурта</i> «Салдать а собственно долгой ножь»	21об.
58.	<i>кула́нь</i> «смертной»	22
59.	<i>куле́мь</i> «мертвой»	22
60.	<i>куле́мь го́рть</i> «гробъ»	22
61.	<i>ку́лтемь</i> «бесмертной»	22
62.	<i>ку́ль</i> «діяволь такъ же куль»	22
63.	<i>ку́шь ю́рь</i> «священникъ или попь»	22об.
64.	<i>кы́къ видзко́сь</i> или <i>кы́къ ви́цко́сь</i> «мясофд»	23
65.	<i>кы́лзы́сь</i> «послушный»	23об.
66.	<i>кы́мерись</i> «небесный»	23об.
67.	<i>кты́рись</i> «творецъ»	24
68.	<i>кэ́сь лу́нь</i> «постной день»	24об.
69.	<i>ла́дїонь</i> «ладанъ»	25
70.	<i>Лéсьянь</i> «наказаніе»	25об.
71.	<i>ліо́къ кты́ремь</i> «злодѣяніе»	25об.
72.	<i>ло́лзета ло́лзетны</i> «воскрешаю»	25об.
73.	<i>ло́лзянь лу́нь</i> «воскресенье»	25об.
74.	<i>ло́ль</i> «Душа»	25об.
75.	<i>Лю́бита лю́битны</i> «люблю»	26об.
76.	<i>лю́бовь</i> «любовь»	26об.

№	Религиозная лексика	Лист
77.	<i>ма́жа</i> «виноватый»	26об.
78.	<i>ма́сысь</i> «свеча»	26об.
79.	<i>ми́лосердый</i> «милосердый»	27
80.	<i>Ми́лостивый</i> «Милостивый»	27об.
81.	<i>ми́лость</i> «милость»	27об.
82.	<i>ми́рита ми́ритны</i> «мирю, примиряю»	27об.
83.	<i>ми́ръ</i> «миръ»	27об.
84.	<i>мо́литва</i> «молитва»	27об.
85.	<i>мы́лостиня</i> «милостиня»	27об.
86.	<i>мы́жся мы́жыны</i> «обвиняю»	28
87.	<i>Мы́лкыдень судземь</i> «непостижимый»	28об.
88.	<i>на́дежда</i> или <i>надгья</i> «надежда»	29
89.	<i>На́казанье</i> «наказаніе, казнь»	29об.
90.	<i>не́вескыть</i> «лживый»	29об.
91.	<i>Но́й юрь</i> «Попъ, священникъ»	30об.
92.	<i>нѣбагѣ</i> «Законъ, указъ»	30об.
93.	<i>Оби́да</i> «Обида»	31об.
94.	<i>о́сподинь</i> «господинъ»	33
95.	<i>о́спожа</i> «госпожа»	33
96.	<i>о́шка ошкыны</i> «похваляю, хвалю»	33об.
97.	<i>о́шкемь</i> «хвала»	33об.
98.	<i>пе́рна</i> «крестъ»	35
99.	<i>пе́рьесь</i> или <i>пе́рьясись</i> или <i>пе́рьяльись</i> «обманщикъ, лукавый»	35
100.	<i>пе́рьяла пе́рьяльны</i> «измѣняю, лгу, обманываю»	35
101.	<i>пе́рьсемь</i> или <i>пе́рьялемь</i> «ложь, обманъ»	35

№	Религиозная лексика	Лист
102.	<i>пéрьясань</i> «враки, ложь, неправда»	35
103.	<i>пóкоть</i> «похоть»	36
104.	<i>пóрокъ</i> «порокъ»	36об.
105.	<i>прáвда</i> «правда»	37
106.	<i>прéстита прèститны</i> «прощаю»	37
107.	<i>пýрта пýртны</i> «свяшу, освящаю»	38
108.	<i>пýртцемъ</i> «крещение»	38
109.	<i>ра́й</i> «рай»	39
110.	<i>ра́мъ</i> «кроткій»	39
111.	<i>сѣ́рни ѱль</i> «слава»	41
112.	<i>сѣ́льсь</i> «дьячекъ»	41
113.	<i>слýга</i> «слуга»	41об.
114.	<i>смéръть</i> «смерть»	41об.
115.	<i>тѣ́дзале́мъ</i> «славный»	44об.
116.	<i>тoнгись</i> «пономарь, звонарь»	45
117.	<i>трoица</i> «троица»	45
118.	<i>тэ́дысь</i> «волхвъ, колдунъ»	46
119.	<i>тэ́дысьинь</i> «ворожея»	46
120.	<i>у́льлунъ</i> «скоромной день»	46об.
121.	<i>у́мельдлемъ</i> «несчастіе»	47
122.	<i>ца́рство</i> «царство»	47об.
123.	<i>цjoнкычасемъ</i> «обручение»	48об.
124.	<i>ча́ша</i> «чаша»	48об.
125.	<i>че́сть</i> «честь»	49
126.	<i>чjoжемъ вѣ́жалемъ</i> ⁶ «образ, икона»	49об.

⁶ В данном словосочетании во втором слове (*вѣжалемъ*) вместо согласной буквы *м* следует читать графему *н*. В тематическом

№	Религиозная лексика	Лист
127.	<i>шойна</i> «могила»	50
128.	<i>ыджыть</i> «большій, великій, главный»	51об.
129.	<i>ыждетцись</i> «гордый»	51об.
130.	<i>ыжмаолямь</i> «любодѣяніе»	51об.
131.	<i>ыжмаольсь</i> «блудникъ, блудница»	51об.
132.	<i>ыксу</i> «государь, государина»	52
133.	<i>ыксулэнь</i> «царскій»	52
134.	<i>эдьеньбурь</i> «всеблагій»	52об.
135.	<i>эдьеньвыны</i> «всесилный»	52об.
136.	<i>эдьеньвежера</i> «премудрый»	52об.
137.	<i>эмбурь</i> «имѣніе»	53
138.	<i>юра юрны</i> «клену»	54
139.	<i>юрбыта юрбытны</i> «бью челомъ, поклоняюся»	54
140.	<i>йй</i> «мясо, тѣло»	54об.
141.	<i>яндзимь</i> «стыдъ»	54об.
142.	<i>яндыistemь</i> «безстудіе»	54об.
143.	<i>яндыся яндысны</i> «стыжуся»	54об.

Тематический словарь А. Попова содержит 1318 словарных статей, которые распределены по 11 тематическим главам. В словарной статье дано заглавное коми-пермяцкое слово (или

словаре А. Попова это слово написано именно с буквой *н*. С таким написанием это словосочетание (*чюжземь въжалень*) имеет следующее буквальное значение — ‘лицо святого’ и, таким образом, соответствует данному здесь переводу — «образъ Икона». Сочетание слов с графемой *м* во втором слове (*чюжземь вѣжсаламь*) несёт буквальное значение — ‘изменение, мена лица’, и таким образом, не подходит переводу ‘образ, икона’.

словосочетание), которое переводится на русский язык. В этом словаре большинство единиц рассматриваемой нами лексикотематической группы представлено в первой тематической главе под названием: «I. О богѣ, его свойствахъ, о духахъ созданныхъ, и дѣлахъ до церкви и вѣры надлежащихъ». Религиозная лексика находит отражение и в других главах словаря. По нашим подсчетам, религиозная лексика в этом словаре представлена 98 примерами (см. их перечисление в таблице 2), что составляет 7,44 % от всех словарных статей данной рукописи.

Таблица 2. Религиозная лексика в тематическом словаре
А. Попова⁷

№	Религиозная лексика	Лист
	I. О богѣ, его свойствахъ, о духахъ созданныхъ, и дѣлахъ до церкви и вѣры надлежащихъ.	2
1.	<i>Јень</i> «богъ господь»	2
2.	<i>Јень ай</i> «богъ отецъ»	2
3.	<i>Јень Зонь</i> «богъ сынъ»	2
4.	<i>Јень лоль вѣжа</i> «богъ духъ святой»	2
5.	<i>троица</i> «троица»	2
6.	<i>богородица</i> «богородица»	2
7.	<i>культемь</i> «безъсмертный»	2
8.	<i>Эдьень бурь</i> «всеблагій»	2
9.	<i>быдесъ тедысь</i> «всевѣдущій»	2
10.	<i>быдесъ адзись</i> «всевидающій»	2
11.	<i>ыджыть</i> «великій»	2

⁷ Примеры из тематического словаря А. Попова мы оформляем подобно тому, как мы представили примеры из алфавитного словаря А. Попова. Отметим, что в тематическом словаре за именами существительными не следует показатель родительного падежа *лэнь* (кп. лит. -*лѣн*).

№	Религиозная лексика	Лист
12.	<i>Эдьень вѣжера</i> «Премудрый»	2об.
13.	<i>Эдьень вына</i> «всесильный»	2об.
14.	<i>мылкыдень судзтемь</i> «Непостижимый»	2об.
15.	<i>Жень керись</i> «творець» ⁸	2об.
16.	<i>Жень велть</i> или <i>кымерь</i> «небо»	2об.
17.	<i>Ангель</i> «Ангель»	2об.
18.	<i>Куль</i> «дiаволь»	2об.
19.	<i>тэдысь</i> «колдунъ»	2об.
20.	<i>лоль</i> «душа»	2об.
21.	<i>вѣжера лоль</i> «душа разумная»	2об.
22.	<i>адъ</i> «адъ»	2об.
23.	<i>вицку</i> «церковь»	2об.
24.	<i>ной юрь</i> или <i>кушь юрь</i> «Жерей, Попъ священникъ»	2об.
25.	<i>Перна</i> «крестъ»	2об.
26.	<i>колоколь</i> «колоколь»	2об.
27.	<i>дiаконъ</i> «дiаконъ»	2об.
28.	<i>силысь</i> «дьячекъ»	2об.
29.	<i>тонгись</i> «пономарь»	2об.
30.	<i>чбжземь вѣжалень</i> «образъ Икона»	3
31.	<i>ыджыть лунь</i> «Пасха»	3
32.	<i>видзь</i> «постъ»	3
33.	<i>кыкъ видзькось</i> «мясофдъ»	3
34.	<i>кэслунъ</i> «день постный»	3
35.	<i>ульлунъ</i> «скоромной»	3
36.	<i>пыртцемь</i> «крещенiе»	3

⁸ В коми-пермяцком примере после слова *Жень* следует поставить запятую или дефис.

№	Религиозная лексика	Лист
37.	<i>въ́жай</i> «воспріемникъ»	3
38.	<i>въ́жань</i> «воспріемница»	3
39.	<i>шойна</i> «могила»	3
40.	<i>кулемъгѣтъ</i> «гробъ собственно домъ мертваго»	3
41.	<i>дзѣ́бань</i> «похороны»	3
	Религиозная лексика в других главах тематического словаря (в алфавитном порядке)	
42.	<i>а́бутемъ</i> «бѣдность»	10об.
43.	<i>а́свылтыра</i> «упрямый»	12
44.	<i>бу́рвунетысь</i> «неблагодарный»	12
45.	<i>бу́ркѣрись</i> «благодѣтель»	11
46.	<i>бу́ркѣрэмъ</i> «Добродѣтель»	10об.
47.	<i>бу́рсѣтемъторь</i> «даръ»	11
48.	<i>бу́ртедемъ</i> «благодарность»	12
49.	<i>бу́рь</i> «честный»	10об.
50.	<i>бу́рьюлемъ</i> «благополучіе»	10об.
51.	<i>бы́чемъ</i> «добрый»	10об.
52.	<i>бы́чемъ дукъ</i> «запахъ благовоніе»	10
53.	<i>вѣ́жа лунъ</i> «праздникъ»	5об.
54.	<i>вѣ́скыть</i> «справедливый»	11об.
55.	<i>видзисемъ</i> «воздержаніе умѣренность»	11
56.	<i>вѣ́тлѣтысь</i> «гуляка»	11
57.	<i>вѣ́лэлѣтысемъ</i> «гордость»	11об.
58.	<i>грѣ́къ</i> «грѣхъ»	10об.
59.	<i>завѣ́сть</i> «зависть»	9об.
60.	<i>Козьяинь</i> «хозяинъ»	14об.

№	Религиозная лексика	Лист
61.	<i>Кóзьяйка</i> «хозяйка»	14об.
62.	<i>кылзысь</i> «послушный»	12
63.	<i>јеньладтэдысь</i> «благочестивый»	10об.
64.	<i>јеньладь</i> «благочестіе»	10об.
65.	<i>јэнладтемь</i> «Злочестіе безбожіе»	10об.
66.	<i>лідкъкъремь</i> «злодѣяніе»	11
67.	<i>ползянь лунь</i> «воскресеніе»	5об.
68.	<i>любовь</i> «любовь»	9
69.	<i>Масысь</i> «свѣча»	25об.
70.	<i>Милосерда</i> «милосердый»	11об.
71.	<i>милостыня</i> «милостыня»	11
72.	<i>милость</i> «милость»	11
73.	<i>надѣя</i> «надежда»	9
74.	<i>наказаніе казнь</i> «Наказаніе казнь»	10об.
75.	<i>нэвэскыть</i> «лживый»	12
76.	<i>обида</i> «обида»	10об.
77.	<i>осподинь</i> «Господинь»	14об.
78.	<i>оспожа</i> «Госпожа»	14об.
79.	<i>ошкэмь</i> «Похвала»	11об.
80.	<i>пэрьясись</i> «лукавый»	11об.
81.	<i>пэрьясьмь</i> «ложь»	12
82.	<i>пóкоть</i> «похоть»	11
83.	<i>порогъ</i> «порокъ»	10об.
84.	<i>прáвда</i> «правда»	11об.
85.	<i>рамь</i> «кроткій»	11об.
86.	<i>сібрни</i> «слава»	11об.
87.	<i>слуга</i> «слуга»	14об.

№	Религиозная лексика	Лист
88.	<i>умэль</i> «злой худой»	10об.
89.	<i>умэль олемь</i> «Нешастіе»	10об.
90.	<i>цюнькычастьмь</i> «обрученіе»	13об.
91.	<i>чаша</i> «чаша»	15об.
92.	<i>чэсть</i> «честь»	11об.
93.	<i>ыжмаолемь</i> «любодѣяніе»	11
94.	<i>ыжмаольсь</i> «блудникъ блудница»	11
95.	<i>гъмбурь</i> «богатство»	11
96.	<i>йй</i> «тѣло мясо»	6
97.	<i>яндзимь</i> «стыдъ»	9, 11об.
98.	<i>яндыстэмь</i> «безстудіе»	11об.

Таким образом, в двух названных словарях всего нами выявлено 146 единиц неповторяющихся терминов религиозной лексики, которые, как было указано выше, составляют немалый процент от общего количества словарных статей в каждом из этих словарей. Эти термины могут служить хорошей основой для дальнейшего развития этой лексико-тематической группы в коми-пермяцком языке.

Из списка слов, размещенных в разделе «I. О богѣ, его свойствахъ, о духахъ созданныхъ, и дѣлахъ до церкви и вѣры надлежащихъ» тематического словаря А. Попова, мы исключили из рассмотрения 4 единицы, а именно: *выльынь* «высокій», *чюжань* «родины», *гѣтрасянь* «свадьба», *сърся бэрся* «поѣздъ свадебной». Употребление этих слов в коми-пермяцком языке довольно широкое, они выходят за рамки рассматриваемой нами лексико-тематической группы и не являются основополагающими в Библии.

Особенности соответствия религиозной лексики в алфавитном и тематическом словарях А. Попова

Большая часть лексем данной лексико-тематической группы встречается в обоих рукописных словарях А. Попова: 95 единиц (65,07 %) от всех 146 случаев (100 %).

Некоторые слова и выражения, присутствующие в обоих словарях, могут отличаться следующим:

1) наличием/отсутствием синонимов в коми-пермяцких словарных статьях, например:

пёрсьемь или *пёрьялемь* «ложь, обманъ» [Попов 1785а: л. 35] // *пёрьясьмь* «ложь» [Попов 1785б: л. 12];

пёрсьесь или *пёрьясись* или *пёрьяльйсь* «обманщикъ, лукавый» [Попов 1785а: л. 35] // *пёрьясись* «лукавый» [Попов 1785б: л. 11об.];

2) словообразованием коми-пермяцких терминов, например:

дзѣбсьянь «похороны» [Попов 1785а: л. 13об.] — слово *дзѣбсьянь* образовано от глагола *дзѣбсьыны* ‘заниматься похоронами’ // *дзѣбань* «похороны» [Попов 1785б: л. 3] — лексема *дзѣбань* образована от глагольной основы *дзѣбны* ‘хоронить’;

кѣрись «творецъ» [Попов 1785а: л. 24] // *Жѣнь кѣрись* «творецъ» [Попов 1785б: л. 2об.]. Во втором примере присутствует слово *Жѣнь* ‘Бог’, которого нет в первом. На наш взгляд, в термине *Жѣнь кѣрись* между словами следует поставить запятую или дефис, и таким образом, этот термин будет переводиться буквально как ‘Бог-делатель’;

пёрсьемь или *пёрьялемь* «ложь, обманъ» [Попов 1785а: л. 35] // *пёрьясьмь* «ложь» [Попов 1785б: л. 12]. Слово *пёрьялемь* образовано от глагола *пѣрьявны* со значением ‘обмануть’, тогда как лексема *пёрьясьмь* является производной от глагольной основы *пѣрьясьны* ‘обманывать, заниматься обманыванием’;

сӣрни иль «слава» [Попов 1785а: л. 41] // *сӣрни* «слава» [Попов 1785б: л. 11об.]. В первой словарной статье помимо лексемы *сӣрни* (кп. лит. *сёрни* ‘1) разговор, беседа; 2) молва, разговоры, слухи’ [КПРС 1985: 425]) содержится еще слово *иль*, которое, возможно, соответствует современному написанию кп. сев. *йыл* // кп. лит. *йыв* и имеет значения ‘1) верхушка, вершина; 2) начало, верховье, исток; 3) остриё, конец, кончик чего-либо, наконечник’ [КПРС 1985: 160];

3) переводом коми-пермяцких терминов на русский язык, например:

бурь «хороший, добрый, благий,» [Попов 1785а: л. 5] // *бурь* «честный» [Попов 1785б: л. 10об.];

бычель «бодрый, искусный, хороший, честный,» [Попов 1785а: л. 5об.] // *бычель* «добрый» [Попов 1785б: л. 10об.];

вёскыть «правда, правый, прямой, справедливый, вёрный, правдивый» [Попов 1785а: л. 7об.] // *вёскыть* «справедливый» [Попов 1785б: л. 11об.];

эмбурь «имѣние» [Попов 1785а: л. 53] // *гъмбурь* «богатство» [Попов 1785б: л. 11];

4) графикой — передачей на письме некоторых звуков разными буквами. Это может встречаться как в коми-пермяцкой части, так и в русской, например:

Ангель «Ангель» [Попов 1785а: л. 3об.] // *Ангель* «Ангель» [Попов 1785б: л. 2об.] — разное обозначение на письме гласного звука [a]⁹ в коми-пермяцких лексемах;

вёжай «кумь, воспріемникъ» [Попов 1785а: л. 6об.] // *вѣжай* «воспріемникъ» [Попов 1785б: л. 3]; *вёжань* «кума, воспріемница» [Попов 1785а: л. 6об.] // *вѣжань* «воспріемница» [Попов 1785б: л. 3] — разнбой в передаче звука [э] в коми-пермяцких словах, а также звука [и] — в русских толкованиях;

⁹ Здесь и далее при описании теоретических положений по фонетике мы обозначаем звуки согласно фонетической транскрипции, основанной на кириллической графической основе, ибо примеры приводятся также на кириллице согласно оригиналу.

дѣаконь «діаконъ» [Попов 1785а: л. 13об.] // *дѣаконь* «діаконъ» [Попов 1785б: л. 2об.] — разная передача звука [и] в коми-пермяцкой и русской частях;

ошкѣмь «хвала» [Попов 1785а: л. 33об.] // *ошкѣмь* «Похвала» [Попов 1785б: л. 11об.] — разное обозначение специфического гласного звука [ö]¹⁰ в коми-пермяцких словах: е, э;

5) орфографией — слитным или раздельным написанием примеров, содержащих в своем составе не один корень, например:

Јѣнъ ладтемь «Злочестіе безбожіе» [Попов 1785а: л. 17] // *јѣнладтемь* «Злочестіе безбожіе» [Попов 1785б: л. 10об.];

Јѣнъ ладтедысь «благочестивый» [Попов 1785а: л. 17] // *јѣнладтэдысь* «благочестивый» [Попов 1785б: л. 10об.];

Јѣнъ ладъ «благочестіе» [Попов 1785а: л. 17] // *јѣнладъ* «благочестіе» [Попов 1785б: л. 10об.];

кулемь гортъ «гробъ» [Попов 1785а: л. 22] // *кулемьгортъ* «гробъ собственно домъ мертваго» [Попов 1785б: л. 3];

кэсь лунь «постной день» [Попов 1785а: л. 24об.] // *кэслунь* «день постный» [Попов 1785б: л. 3].

В тематическом словаре два термина со значением 'Жерей, Попъ священникъ' А. Попов объясняет: «Ной юрь собственно значить суконная голова, а кушь юрь стриженная голова но пермяки такъ называютъ попа 1^е, потому что попы въ старину нашивали на головахъ скуфьи и по бѣдности иногда суконные. 2^е. Что у поповъ обыкновенно при посвященіи на верху выстригается нѣсколько волосовъ, которые и послѣ рѣдко запускаются» [Попов 1785б: л. 2об.].

¹⁰ В коми-пермяцком языке звук [ö] является неогубленным гласным звуком среднего ряда и среднего подъема.

Тематическая классификация религиозной лексики

Выявленная нами религиозная лексика алфавитного и тематического словарей А. Попова может быть распределена по следующим тематическим группам¹¹:

1) слова, показывающие наименования Бога и небесных сил, свойства и действия Бога:

А́нгель «Ангель»;

бы́десъ а́дзись «всевидащій» [Попов 1785б: л. 2];

бы́десъ те́дысь «всевьдущій»;

бу́ришуся буришусины «доброжелательствую, желаю добра»;

бу́рсетемторь «дарь»;

вѣ́жа «святой»;

вѣ́скыта нарѣ́чїе «право, прямо, Справедливо»;

вѣ́скыть «правда, правый, прямой, справедливый, вѣ́рный, правдивый»;

и́стинна «истинна»;

Јѣ́нь «Богъ»;

Јѣ́нь ай «Богъ отецъ»;

Јѣ́нь Зо́нь «богъ сынъ» [Попов 1785б: л. 2];

Јѣ́нь кѣ́рись «творецъ» [Попов 1785б: л. 2об.];

Јѣ́нь ло́ль вѣ́жа «Богъ духъ святыи»;

Јѣ́нь велть или *кы́мерь* «небо» [Попов 1785б: л. 2об.];

ку́лтемь «безсмертной»;

кы́мерись «небесный»;

ло́лзета ло́лзетны «воскрешаю»;

Лю́бита лѣ́битны «люблю»;

¹¹ Выше мы отметили, что подавляющее большинство примеров встречается в обоих словарях А. Попова. Во избежание повторов в этом разделе статьи и в других последующих разделах мы приводим примеры в основном из алфавитного словаря А. Попова и в этом случае не даём ссылку на источник. Мы приводим ссылку на источник только в том случае, если представляем пример из тематического словаря А. Попова.

любовь «любовь»;
Мылкыдень судзтемь «непостижимый»;
Милосерда «милосердый» [Попов 1785б: л. 1об.];
Милостивый «Милостивый»;
милость «милость»;
п́равда «правда»;
прѣстита прѣститны «прощаю»;
ра́й «рай»;
ы́джыть «большій, великій, главный»;
ца́рство «царство»;
э́дьеньбу́рь «всеблагій»;
э́дьеньвыны «всесилный»;
э́дьеньвежера «премудрый»;

2) лексемы, связанные с совершением плохих дел, греха:

а́дь «адъ» [Попов 1785б: л. 2об.];
а́свылтыра «упрямый»;
бу́рвунетысь «Неблагодарный»;
вѣтлэтысь «гуляка»;
вы́лэлэптысемь «гордость»;
гѣ́рши́та гѣ́рши́тны «грѣшу, согрѣшаю»;
гѣ́рши́ной «грѣшной»;
грѣ́къ «грѣхъ»;
Зависть «зависть»;
Жѣнь ладтедь «Злочестіе безбожіе»;
Жѣнь остэдь «безбожникъ»;
ку́ль «дiяволь такъ же куль»;
ли́дкъ кѣремь «злодѣяніе»;
Лѣсьянь «наказаніе»;
ма́жа «виноватый»;
мы́жся мы́жыны «обвиняю»;
Наказанье «наказаніе, казнь»;
нѣвескыть «лживый»;
Обида «Обида»;

пёръесъ или *пёръясисъ* или *пёръяльсь* «обманщикъ, лукавый»;

пёръяла пёръяльны «измѣняю, лгу, обманываю»;

пёръсемъ или *пёръялемъ* «ложь, обманъ»;

пёръясанъ «враки, ложь, неправда»;

пóкоть «похоть»;

пóрокъ «порокъ»;

тэдысь «волхвъ, колдунъ»;

тэдысьинь «ворожея»;

умэль «злой худой» [Попов 1785б: л. 10об.];

ыждетцисъ «гордый»

ыжмаолемъ «любодѣяніе»;

ыжмаольсь «блудникъ, блудница»;

юра юрны «клену»;

яндзимъ «стыдь»;

яндыстемъ «безстудіе»;

яндыся яндысны «стыжуся»;

3) слова и выражения, показывающие послушание Богу:

буртедемъ «благодарность»;

буръ «хорошій, добрый, благій»;

буркеремъ «добродѣтель»;

буркерисъ мортъ или *буркерисъ* «благодѣтель»;

бычемъ «бодрый, искусный, хорошій, честный»;

въра «вѣра»;

Жень ладтедысь «благочестивый»;

Жень ладъ «благочестіе»;

кайтця каитцины «каюся»;

кылзьбсь «послушный»;

мірита міритны «мирю, примиряю»;

міръ «миръ»;

мылостиня «милостиня»;

надежда или *надгя* «надежда»;

рамъ «кроткій»;

ціонкычасемъ «обрученіе»;

4) лексемы, связанные с церковной службой:
бóгородица «богородица»;
бёркылста беркылсетны «благовѣщу хорошую вѣсть
 сказываю»;

бычёмь дукъ «запахъ, благовоніе»;

вѣжера лоль «душа Разумная»;

вѣцкъ «церковь»;

дѣаконъ «діаконъ»;

жѣинняннь «колоколь ботало»;

кадило «кадило»;

кадита кадитны «кажду»;

кóлоколь «колоколь»;

кóлокольня «колокольня»;

кушь юръ «священникъ или попъ»;

ладѣонъ «ладанъ»;

мáсысь «свеча»;

мóлитва «молитва»;

Ной юръ «Попъ, священникъ»;

нѣбагъ «Законъ, указъ»;

ошка ошкыны «похваляю, хвалю»;

ошкёмь «хвала»;

сѣльсь «дьячекъ»;

сѣорни ѣль «слава»;

тѣдзалець «славный»;

тóнгись «пономарь, звонарь»;

чáша «чаша»;

чюжемь вѣжалань «образъ Икона» [Попов 1785б: л. 3];

юрбыта юрбытны «бью челомъ, поклоняюся»;

5) слова, связанные с крещением и постом:

вѣжай «кумъ, воспріемникъ»;

вѣжань «кума, воспріемница»;

вѣдзь «постъ» [Попов 1785б: л. 3];

вѣдзисёмь «воздержаніе, умѣренность»;

вѣцяла вицялны «пощуся»;

кы́къ вѣдзко́сь или *кы́къ вѣцко́сь* «мясоѣд»;
кэ́сь лунь «постной день»;
пѣрна «крестъ»;
пѣрта пѣртны «свяшу, освящаю»;
пѣртцемь «крещеніе»;
у́льлунь «скоромной день»;

6) лексемы – названия церковных праздников:

вѣжа лунь «праздникъ»;
ло́лянь лунь «воскресенье»;
тро́ица «троица»;
ыджыть лунь «Пасха» [Попов 1785б: л. 3];

7) лексемы, связанные со смертью:

дзѣ́бсися дзѣ́бсины «схораниваю»;
дзѣ́бсянь «похороны»;
ку́лань «смертной»;
ку́лемь «мертвой»;
ку́лемь го́рть «гробъ»;
ло́ль «Душа»;
сме́рть «смерть»;
у́мельо́лемь «несчастіе»;
шо́йна «могила»;
я́й «мясо, тѣло»;

8) слова и выражения, показывающие положение человека в обществе:

А́бутемь «бѣдность»;
бу́рь олемь «благополучіе»;
во́жа бѣжъ «Салдать а Собственно Распоротый Задъ»;
Кѣзяинь или *ко́зяинь* «хозяинъ»;
Кѣзяйка или *ко́зяйка* «хозяйка»;
ку́зь пурта «Салдать а собственно долгой ножъ»;
о́сподинь «господинъ»;
о́спожа «госпожа»;

слўга «слуга»;
чѣсть «честь»;
ы́ксу «государь, государина»;
ы́ксулэнь «царскій»;
эмбурь «имѣніе» // *гмбурь* «богатство» [Попов 1785б: л. 11].

Особенности русских заимствований религиозной лексики

Большая часть религиозной лексики, отраженной в рукописных словарях А. Попова, является исконной¹² по происхождению: 98 примеров (67,12 %) из 146 слов. 48 единиц (32,88 %) составляют заимствования из русского языка.

Большинство лексем из русского языка зафиксировано в коми-пермяцком языке без всяких модификаций — 27 примеров из 48.

В 21 случае русские лексемы представлены в коми-пермяцком языке в измененном виде. Эти изменения произошли либо в коми-пермяцком языке, либо они представляют собой изменения, произошедшие уже в русских говорах и в таком виде заимствованные коми-пермяками.

1) изменения, произошедшие в коми-пермяцком языке:

— русский звук [x], отсутствующий в исконных коми-пермяцких словах, заменен наиболее близким к нему пермяцким звуком [к]: *бы́чемь дукъ* «запахъ, благово́ніе», ср. русск. *дух*; *грѣ́къ* «грѣхъ»; *Кѣ́зыинь* или *кòзыинь* «хозяинъ»; *Кѣ́зйика* или *кòзйика* «хозяйка»; *пòкоть* «похоть»;

— русский мягкий согласный [м'], несвойственный для коми-пермяцкого языка, передан в пермяцком языке

¹² Под исконной лексикой мы понимаем слова, возникшие в самом коми-пермяцком языке или унаследованные им из общепермского или уральского языка-основы. Небольшое количество заимствований, оставшихся в коми-пермяцком языке еще с финно-угорского или общепермского периодов, в данной работе мы рассматриваем также в составе исконной лексики.

посредством твердого звука [м], на что указывает следующий за ним гласный звук [ы], а не [и], как в русском языке: *мылостиня* «милостиня»;

— на месте русского звука [о] иногда выступает коми-пермяцкий звук [ö] (неогубленный, среднего ряда и среднего подъема). Антоний Попов звук [ö] передал на письме разными буквами: *е, э, ъ, о, ы, а*. В рассматриваемой нами лексико-тематической группе нашли отражение примеры, в которых звук [ö] обозначается на письме посредством графемы *е*: *Кёзяинь* или *кёзяинь* «хозяинь»; *Кёзяйка* или *кёзяйка* «хозяйка»; *прёстита прёститны* «прощаю»;

— слово «порокъ» зафиксировано в коми-пермяцком языке с озвонченным конечным согласным звуком: *порогъ* [Попов 1785б: л. 10об.]. Можем предположить, что информант А. Попова, носитель коми-пермяцкого языка, данное русское слово воспринял по аналогии с русскими словами, оканчивающимися на звонкий согласный звук, который русские в устной речи оглушают, а коми-пермяки нет;

— русский заударный редуцированный звук [а] передан в коми-пермяцком языке сочетанием двух букв с диакритическим знаком: *ладиднь* «ладань»;

— русские глаголы, оканчивающиеся в инфинитиве на *-ить*, в коми-пермяцком языке употребляются с конечным *-итны*: *гръшитита гръшитны* «грѣшу, согрѣшаю»; *кадита кадитны* «кажду»; *Любита любитны* «люблю»; *мирита миритны* «мирю, примиряю»; *прёстита прёститны* «прощаю»;

— русские возвратные глаголы на *-яться* употребляются в коми-пермяцком языке с финальным *-итчыны*: *кайтця кайтцины* «каюся». В данном случае коми-пермяцкий согласный звук [ч] передан А. Поповым посредством буквы *ц*, а гласный звук [ы], следующий за мягким согласным [ч], обозначен на письме посредством гласной буквы *и*.

— русское прилагательное с конечным *-ый* в коми-пермяцком языке зафиксировано в усеченной форме: *Милосерда* «милосердый» [Попов 1785б: л. 11об.];

2) изменения, произошедшие в русских диалектах и в таком виде заимствованные коми-пермяками:

— русское слово *надежда* присутствует в форме *надгья* [Попов 1785б: л. 9]. В этой же форме оно зафиксировано в говорах севернорусского и спорадически среднерусского наречий (Север., Мурман., Беломор., Карел., Арх., Печор., Волог., Коми, Перм., Свердлов., Латв., Лит., Пск., Смол., Орл., Влад. и др.) [СРНГ 19: 233; СВГ 5: 34; СРГК 3: 313], в частности, в говорах Соликамского района Пермской области [СПГ 1: 546–547]. Можем предположить, что слово *надея* ‘надежда’ заимствовано из русских говоров Северного Прикамья, граничащих с коми-пермяцкими говорами;

— русские слова «господинъ» и «госпожа» зафиксированы в коми-пермяцком языке без начального согласного звука *г*: *óсподинь* и *óспожа*. См. в русских говорах бассейна Вятки: *осподи́н* ‘господин’ и *оспожа́* ‘госпожа’ (Вят.) [СРНГ 24: 50, 51].

В составе рассматриваемой нами лексики наблюдается небольшое количество коми-пермяцких примеров, которые по структуре представляют собой явную кальку из русского языка:

*бёркылста беркылсетны*¹³ «благовѣщу хорошую вѣсть сказываю», букв. ‘хорошее слово даю’;

буркърись «благодѣтель» [Попов 1785б: л. 11], букв. ‘хорошее делающий’;

Јень лолъ вѣжа «Богъ духъ святой», букв. ‘Бог дух святой’.

¹³ В данном примере на месте буквы *е* в первом слоге должна быть буква *у*, ср. кп. лит. *бур* ‘хороший’, а *бер* (кп. лит. *бёр*) значит ‘1. 1) зад, задняя часть чего-либо; 2) место, находящееся за чем-либо; 2. задний; 3. 1) обратно, назад; 2) снова, опять’ [КПРС 1985: 40].

Структура исконной религиозной лексики

По структуре выявленные нами исконные коми-пермяцкие термины религиозной лексики представляют собой:

1) однокорневые лексемы, их большинство, например:

вѣтлѣтысь «гуляка»: от глагола *ветлѣтны* '1) двигаться, ходить, ездить; 2) гулять, развратничать' [КПРС 1985: 68];

вѣдзь «постъ» [Попов 1785б: л. 3];

Јѣнь «Богъ»;

Куль «дѣволъ» [Попов 1785б: л. 2об.];

лѣль «Душа»;

пѣрна «крестъ»;

пѣртцемь «крещеніе»: от глагола *пѣртчыны* 'рел. заниматься крещением' [КПРС 1985: 392];

2) сложные слова, состоящие из двух корней и более, например:

бурсетемторь «даръ»: *бур* 'хороший' + *сетем* (кп. лит. *сетѣм*) 'данный' + *торь* (кп. лит. *тор*) здесь 'нечто, что-либо';

вѣжай «кумъ, воспріемникъ»: *вѣж* 'святой' + *ай* 'отец';

вѣжань «кума, воспріемница»: *вѣж* 'святой' + *ань* здесь 'женщина';

ѣжмаолемь «любодѣяніе»: *ѣжма* — сокращение от *ѣжмавы* '1) баловаться, побаловаться, шалить; 2) брать (взять) без спросу (без разрешения)' [КПРС 1985: 578] + *олемь* (кп. лит. *олѣм*) 'жизнь, существование';

3) словосочетания, например:

бѣдѣсь тѣдысь «всѣвѣдушій», букв. 'всѣ знающій';

бѣчемь дукъ «запахъ, благовоніе», букв. 'хороший запах';

Ѣдѣнь вѣна «всесильный» [Попов 1785б: л. 2об.], букв. 'очень сильный';

мылкыденъ судземь «Непостижимый» [Попов 1785б: л. 2об.], букв. 'разумом недостижимый';

лѣкъ кѣремь «злѣдѣяніе», букв. 'зло делание';

ыджыть лунь «Пасха» [Попов 1785б: л. 3], букв. 'большой день'.

Среди словосочетаний интерес представляют выражения, которые передают термин описательно:

куиш юръ «священникъ или попь», букв. ‘голая голова’;

Ной юръ «Попь, священникъ», букв. ‘суконная голова’;

кыкъ видзкосъ или *кыкъ вицкосъ* «мясоѣд», букв. ‘между двумя постами’;

вóжа бѣжъ «Салдать а Собственно Распоротый Задъ», букв. ‘расходящийся хвост’;

кузь пурта «Салдать а собственно долгой ножъ», букв. ‘с длинным ножом’.

В данных значениях эти термины в современном коми-пермяцком языке не употребляются. Смотри об этом подробнее в следующем разделе статьи. Там же дано объяснение описательного выражения значений этих словосочетаний.

По материалам А. Попова довольно трудно разграничить сложные слова и словосочетания, учитывая их способы написания. Безусловно, говорить об установившихся орфографических правилах в первых письменных памятниках не приходится. Мы разграничили сложные композиты и словосочетания, опираясь на их соответствия в современном коми-пермяцком языке и учитывая современные принципы дифференциации сложных слов от словосочетаний.

4) предложения:

Лѣнь òстѣдъ «безбожникъ», букв. ‘Бога не знает’. В данной лексико-тематической группе присутствует только одно предложение. Оно оформлено подобно именам существительным: за основным выражением следует суффикс родительного падежа *лѣнь* (кп. лит. *-лѣн*).

Религиозная лексика словарей А. Попова с точки зрения употребления ее в современном коми-пермяцком языке

Многие слова и выражения в составе религиозной лексики, выявленной нами в рукописных словарях А. Попова, сегодня

в коми-пермяцком языке в указанных значениях не употребляются (31 случай). В настоящее время они встречаются с иной семантикой либо представляют собой искусственные сочетания слов:

(1) *бурь* «честный» [Попов 1785б: л. 10об.]. В настоящее время в коми-пермяцком языке значение ‘честный’ не передается словом *бур*. Лексема *бур* имеет семантику ‘хороший’. Значение ‘честный’ выражается исконным сочетанием слов *бѳбѳтчытѳг олісь*, букв. ‘не обманывающий’ или чаще русским заимствованием *честной*. В коми-пермяцких библейских переводах последних лет¹⁴ значение ‘честный’ передается описательно разными способами, например: *олѳ ылѳтлытѳг*, букв. ‘живёт не обманывая’ [Тимопейлѳ одзза гижѳт 3:2¹⁵]; *баитѳны веськыта, ылѳтлытѳг*, букв. ‘говорят прямо, не обманывая’ [Тимопейлѳ одзза гижѳт 3:8];

(2) *буркеремь* «добродѳтель». Коми-пермяцкий термин состоит из двух слов: *бур* ‘хороший’ и *керемь* (кп. лит. *керѳм*) ‘делание’. Несмотря на то что в указанном здесь значении сегодня коми-пермяки используют в разговорной речи соответствующее русское слово, тем не менее сочетание *бур керѳм*, букв. ‘хорошего делание’ вполне понятно и может передать семантику ‘добродетель’. В коми-пермяцких библейских переводах значение ‘добродетель’ переводится именно сочетанием этих слов: *бур керѳм* [Петралѳн мѳдик гижѳт 1:5];

(3) *бѳркылстьта беркылсетны* «благовѳщу хорошую вѳсть сказываю». Учитывая русский перевод этого слова, следует заметить, что в коми-пермяцком термине на месте первой

¹⁴ Здесь и далее мы ссылаемся на библейские переводы, сделанные в 1996–2014 гг. коми-пермяцкой переводческой группой при Институте перевода Библии (г. Хельсинки).

¹⁵ Здесь и далее в ссылках на библейские переводы первая цифра указывает на номер главы, а вторая цифра после двоеточия – на номер стиха. Исключение составляет книга *Челядь понда Библия* ‘Детская Библия’, ссылка на которую оформляется подобно научной литературе.

гласной буквы *e* уместна графема *y*, и тогда вместо слова *бер* // кп. лит. *бөр* '1. 1) зад, задняя часть чего-либо; 2) место, находящееся за чем-либо; 2. задний; 3. 1) обратно, назад; 2) снова, опять' [КПРС 1985: 40] получится слово *бур* со значением 'хороший'. Этот термин представляет собой сочетание трех слов: *бер* (уместно *бур*) 'хороший', *кыл* (кп. лит. *кыв*) 'слово', *сетны* 'дать', т. е. букв. 'хорошее слово дать'. Сегодня в коми-пермяцком языке сочетание этих слов в указанном значении не используется. Это словосочетание в коми-пермяцком языке возможно, и оно может использоваться, к примеру, в значении 'что-либо одобрить'. Семантику 'благовестить, хорошую весть говорить' в коми-пермяцких библейских переводах обозначают сочетанием *бур юөр висьтасьны*, букв. 'хорошую весть рассказывать', например: *Мунтöнняс быд карын висьтасьöм бур юөрсö* 'Когда (он) шёл, в каждом городе рассказывал хорошую весть' [Апостоллэзлön удж 8:40];

(4) *бурсетемторь* «дарь». Данный термин представляет собой сочетание трех слов: *бур* 'хороший', *сетем* (кп. лит. *сетём*) 'данный', *торь* (кп. лит. *тор*) здесь 'нечто, что-либо'. В современном коми-пермяцком языке сочетание этих трех слов в значении 'дар' не закрепилось. Для выражения семантики 'дар' в разговорной коми-пермяцкой речи используется, как правило, соответствующее слово из русского языка, а в коми-пермяцких библейских переводах — *козин*, букв. 'подарок', например: *Тэ он төд Еныслись козинсö*. 'Ты не знаешь Божьего дара (букв. подарка)' [Иван сьöртi бур юөр 4:10]. Лексема *бурсетём* встречается в библейских переводах с семантикой 'благодать', например: *Кагаыс зорамис, вынсяліс ловнас, мывкыдсяліс. Енлön бур сетöмыс вöлі Сы вылын*. 'Ребёнок развивался, креп духом, умнел. Благодать Бога была на нём' [Лука сьöртi бур юөр 2:40];

(5) *буртедемь* «благодарность». Коми-пермяцкий термин состоит из двух слов: *бур* 'хороший' и *тедемь* (кп. лит. *тöдём*) 'знание, держание в памяти'. Сегодня в коми-пермяцком языке это словосочетание в указанном значении не встречается, оно

может употребляться в прямом значении 'знание, держание в памяти хорошего'. Семантику 'благодарность' коми-пермяки в разговорной речи передают соответствующим русским заимствованием, а в библейских переводах это значение выражено описательно разными исконными средствами, например: *бур кыв*, букв. 'хорошее слово' [Лука съөрти бур юёр 6:33], *бур*, букв. 'хорошее' [Апостоллэзлön удж 24:3] и др.;

(6) *бýчeмъ* «бодрый, искусный, хороший, честный,» // *бýчeмъ* «добрый» [Попов 1785б: л. 10об.]. Слово *бытиём* в современном коми-пермяцком языке встречается часто, как правило, в следующих значениях: '1) хороший; 2) симпатичный, красивый; 3) подходящий' [КПРС 1985: 51]. На наш взгляд, сегодня в коми-пермяцком языке лексема *бытиём* не может передавать точно семантику 'честный', зафиксированную А. Поповым. О современных способах выражения значения 'честный' смотри в описании слова *бур*;

(7) *вёскыть* «правда, правый, прямой, справедливый, вёрный, правдивый». В настоящее время в коми-пермяцком языке это слово (кп. лит. *веськыт*) используется в большинстве случаев с семантикой 'правый' и 'прямой' и только в контексте может выражать значения 'правда', 'правдивый', 'верный' и 'справедливый';

(8–9) *вóжа бёжъ* «Салдать а Собственно Распоротый Задъ». Коми-пермяцкий термин представляет собой словосочетание: *вóжа* (кп. лит. *вожа*), передает следующие значения: '1) с ответвлением, с отростком, с побегом; 2) с развилкой; 3) =зубый' [КПРС 1985: 77] и *бёжъ* (кп. лит. *бёж*) с семантикой '1) хвост; 2) задняя (конечная) часть чего-либо' [КПРС 1985: 39, 40]. Это словосочетание передает значение 'солдат' описательно: солдаты того времени носили длинный кафтан с разрезом сзади. Также описательно семантику 'солдат' передает второй зафиксированный термин *кузь нурта* «Салдать а собственно долгой ножъ», букв. 'с длинным ножом'. В современном коми-пермяцком языке оба словосочетания не употребляются в значении 'солдат'. В разговорной речи

понятие ‘солдат’ передается русским заимствованием — *солдат* (*совдат, салдат, савдат*), а в библейских переводах — посредством разных исконных слов или словосочетаний, например: *луйсись*, букв. ‘стреляющий’ [Апостоллэзлӧн удж 10:1], *шыпурта йӧз*, букв. ‘люди с мечами’ [Иван съӧрти бур юӧр 19:24] и др.;

(10) *вылэлэптысемь* «гордость». Термин состоит из двух слов: *вылэ* (кп. лит. *вылӧ*) ‘наверх’ и *лэптысемь* (кп. лит. *лэбтисьӧм*) ‘возвышение, поднимание себя’. В современном коми-пермяцком языке это сочетание слов в значении ‘гордость’ обычно не используется (употребляется, как правило, русское слово *гордость*), хотя в контексте оно вполне может выражать это значение. В библейских переводах понятие ‘гордость’ передается сочетаниями слов, похожими на *вылӧ лэбтисьӧм*, например: *асьтӧ вылӧ пуктӧм*, букв. ‘ты себя наверх поставление’ [Бур юӧр Марк съӧрти 7:22]; *асьӧс лэбтӧм, вышитчӧм*, букв. ‘себя поднимание, хвастовство’ [Иванлӧн одзза гижӧт 2:16];

(11–12–13) *Жень ладтемь* «Злочестіе безбожіе»; *Жень ладтедысь* «благочестивый»; *Жень ладь* «благочестіе». Данные термины содержат в себе компоненты: *Жень* (кп. лит. *Ен*) ‘Бог’ и *лад* ‘лад, согласие, порядок’. В первом примере слово *лад* снабжено суффиксом *-темь* (кп. лит. *-тӧм*) с семантикой ‘лишенный чего-либо’, а во втором примере за лексемой *лад* следует слово *тедысь* (кп. лит. *тӧдись*) ‘знающий’. Сегодня в коми-пермяцком языке подобные сочетания лексем со словом *Ен* не встречаются, компоненты этих терминов могут употребляться самостоятельно или же в сочетании с другими лексемами. В коми-пермяцких библейских текстах понятие ‘злочестіе, злонравие’ передается по смыслу, разными исконными средствами, например: *быдлаын лӧгныс вермӧ*, букв. ‘езде их злость побеждает (их самих)’ [Римын олісь Крестос отирлӧ 1:29]; *лӧк керӧм*, букв. ‘делание зла’ [Апостоллэзлӧн удж 13:10]. Значение ‘благочестивый, благочестіе’ переводится по-разному в зависимости от контекста. К примеру: *Сія*

гортиссескõt олõм Ен кыв съõрти. ‘Со своими домашними он жил **благочестиво** (букв. **по слову Бога**)’ [Апостоллэзлõн удж 10:2] или *Жыв мийõ асланым вынõн, асланым бур нимõн сувтõтим сийõ кок вылõ*. ‘Словно мы своей силой, своим **благочестием** (букв. **хорошим именем**) поставили его на ноги’ [Апостоллэзлõн удж 3:12];

(14) *кулемьгõртъ* «гробъ собственно домъ мертваго» [Попов 1785б: л. 3]. В современном коми-пермяцком языке сочетание слов *кулõм горт* несёт буквальное значение ‘умерший дом’ и может употребляться с семантикой ‘заброшенный дом’ или ‘опустевшая родная сторона’, но не в значении ‘гроб’. Значение ‘гроб’ сегодня в коми-пермяцком языке передается обычно русским заимствованием — *гроб*. Словосочетание *кулõм горт* могло бы передавать значение ‘гроб, дом мёртвого’ в том случае, если бы его первый компонент был снабжен суффиксом родительного падежа *-лõн*: *кулõмлõн* ‘у умершего, у мёртвого’ — *кулõмлõн горт*, букв. ‘у умершего, у мёртвого дом’;

(15) *куишь юръ* «священникъ или попь». В настоящее время сочетание *куиш юр* ‘голая голова’ выражает значение ‘голова без шапки или платка’. Семантика ‘священник’ или ‘поп’ сегодня в разговорной речи коми-пермяков обозначается с помощью соответствующих русских слов, а в библейских переводах — *вежа уджались*, букв. ‘святой работник’ [Еврейезлõ гижõt 7:1];

(16) *кымерись* «небесный». Коми-пермяцкий термин представляет собой производное слово, образованное от лексемы *кымõр* с помощью суффикса исходного падежа *-ись*. В коми-пермяцком литературном языке слово *кымõр* употребляется в значении ‘облако, туча’ [КПРС 1985: 211], и только в севернопермяцких диалектах это слово может встречаться с семантикой ‘небо’ [КПРС 1985: 211]. В литературном языке в значении ‘небесный’ используется, как правило, лексема *небоись*, где корень *небо* является заимствованием из русского языка, и далее следует суффикс исходного падежа *-ись*: *небоись*, букв. ‘из неба’. В последние годы в литературном языке в значении ‘небесный’ встречается и исконное слово

енӧжись (*енӧж* + суффикс исходного падежа *-ись*), букв. ‘из неба’, которое первоначально встречалось только в северных диалектах коми-пермяцкого языка [КПРС 1985: 136];

(17) *лолзянь лунь* «воскресенье» [Попов 1785б: л. 5об.]. Коми-пермяцкий термин несёт следующее буквальное значение ‘день воскрешения’. Именно с этой семантикой данный термин может встречаться сегодня в коми-пермяцком литературном языке. Значение ‘воскресенье (день недели)’ это сочетание слов в настоящее время в языке пермяков не выражает. В тематическом словаре А. Попова этот термин представлен во второй главе под названием «П. О тӧлахъ небесныхъ, стихіахъ и явленіяхъ ихъ» в подпункте «О временахъ и мѣрахъ онаго», поэтому можно сказать определенно, что семантику ‘воскресенье как день недели’, он в те времена выражал;

(18–19) *ма́жа* «виноватый»; *мы́жъя мы́жыны* «обвиняю». Данные термины восходят к корню *мыж-*, который в современном коми-пермяцком языке имеет семантику ‘кара, возмездие’. В первом примере на месте корневой гласной буквы *a* должна быть буква *ы*, что доказывает и второй пример. Лексемы *мы́жа* и *мы́жыны* употребляются в коми-пермяцком языке и сегодня, но с иной семантикой: *мы́жа* ‘получивший кару, возмездие за какие-либо плохие дела’, *мы́жыны* ‘покарать’. Указанные здесь значения в настоящее время коми-пермяки передают русскими заимствованиями: *виноватой* ‘виноватый’ и *винитны* ‘винить, обвинять’;

(20) *Мы́лкыдень сӱдземь* «непостижимый». Сочетание данных слов в коми-пермяцком языке сегодня буквально означает ‘недостижимый разумом’;

(21) *нѣбагъ* «Законъ, указъ». В современном коми-пермяцком языке слово *небӧг* употребляется изредка в значении ‘книга’. Понятия ‘закон’ и ‘указ’ коми-пермяки выражают, как правило, с помощью соответствующих русских заимствований. В библейских переводах семантика ‘закон’ передается с помощью исконного слова *Туйдӧт*, букв. ‘направитель’ [Апостоллзлӧн удж 23:3], а значение ‘указ, повеление’ —

посредством исконной лексемы *тио́ктõм*, букв. ‘просьба, приказание’ [Апостоллэзлõн удж 23:31];

(22) *нёвескыть* «лживый». Данное коми-пермяцкое слово сегодня в коми-пермяцком языке употребляется активно, но только, как правило, в прямом значении ‘не прямой’. А семантика ‘лживый’ передается в коми-пермяцком литературном языке посредством другого исконного слова — *бõбõтчись*, букв. ‘обманывающий’;

(23) *Нõй юрь* «Попь, священник». Словосочетание *ной юр* несёт следующее буквальное значение – ‘суконная голова’. В настоящее время в коми-пермяцком языке это сочетание слов не передает семантику ‘поп, священник’. Более того, это словосочетание сегодня в языке коми-пермяков не встречается. Эти лексемы употребляются либо отдельно, либо в сочетании с другими словами. Как было написано выше, семантика ‘поп’ и ‘священник’ в современном коми-пермяцком языке выражается с помощью соответствующих русских заимствований, а в библейских переводах — *вежа уджались*, букв. ‘святой работник’ [Еврейезлõ гижõt 7:1];

(24) *пы́рта пы́ртны* «свящу, освящаю». В современном коми-пермяцком языке глагол *пы́ртны* употребляется в следующем религиозном значении: ‘крестить, окрестить’ [КПРС 1985: 392]. По материалам А. Попова данный коми-пермяцкий термин имеет более широкую семантику, которая включает в себя и значение ‘крестить, окрестить’;

(25) *сы́льсь* «дьячек». Термин *сы́льсь* (кп. лит. *сьыльсь*) сегодня в коми-пермяцком языке выступает с семантикой ‘поющий, певец’. В настоящее время в русской церкви слово *дьячек* не используется, вместо него употребляется несколько терминов: *чтец* — кп. *лыддьõtись*; *пономарь* — кп. *вичкуын тонгись*, букв. ‘в церкви звонящий’ и др.;

(26) *тёдзалеь* «славный». На наш взгляд, этот коми-пермяцкий термин является причастием, образованным от глагола *тõдсавны*, который в коми-пермяцком литературном языке имеет следующие значения: ‘1) узнавать, узнать,

распознать; 2) припоминать, припомнить, вспомнить' [КПРС 1985: 484]. Значение 'славный' в настоящее время коми-пермяки передают в обыденной речи заимствованием из русского языка *славной*. В библейских переводах встречается понятие 'славный', но передается словом не с семантикой 'славный', т. е. 'узнаваемый', а со значением 'светлый', например: *Ся лоас Медвыльсьлön ыджыт да югыт лун локтытöдз* 'Это будет до прихода большого и **славного** (букв. **светлого**) дня Всевышнего' [Апостоллэзлön удж 2:20];

(27) *тöнгись* «пономарь, звонарь». Эти русские слова сегодня в коми-пермяцком языке обозначаются с помощью соответствующих русских заимствований. Лексема *тöнгись* в значении 'звонарь' будет понятна в современном коми-пермяцком языке в том случае, если будет сопровождаться словом *вичкуын* 'в церкви';

(28) *чюжемь вгъжалень* «образъ Икона» [Попов 1785б: л. 3]. Коми-пермяцкий термин представляет собой словосочетание, которое несёт буквальное значение 'лицо святого'. В современном коми-пермяцком языке это сочетание слов не употребляется в указанном здесь значении. Понятия 'образ (лик святого)', 'икона' передаются сейчас словом *ен*, которое выступает и в значении 'Бог';

(29–30) *ыжмаолемь* «люבודѣяние»; *ыжмаольсь* «блудникъ, блудница». Коми-пермяцкие термины состоят из двух слов: первое слово в обоих терминах представляет собой сокращение от глагола *ыжмавны*, который в настоящее время употребляется с семантикой '1) баловаться, побаловаться, шалить; 2) брать (взять) без спросу (без разрешения)' [КПРС 1985: 578]; второе слово в обоих терминах является производным существительным от глагола *овны* 'жить': в первом примере отглагольное существительное образовано с помощью суффикса *-емь* (кп. лит. *-öm*) – *олемь* (кп. лит. *олöm*) 'жизнь', а во втором случае существительное образовано от указанной глагольной основы посредством суффикса *-ысь* (кп. лит. *-isъ*) – *ольсь* (кп. лит. *олисъ*) 'живущий'. В настоящее

время в коми-пермяцком языке сокращение *ыжма* не встречается ни самостоятельно, ни в сочетании с другими словами. Возможны только разные производные от глагольной основы *ыжмав-* (*ыжмал-*). В данном конкретном случае потенциально могли быть следующие сочетания: **ыжмалӧмӧн олӧм* и **ыжмалӧмӧн олісь*, где первый компонент представляет собой деепричастие с суффиксом *-ӧмӧн*. Однако такие сочетания не передают в настоящее время в языке пермяков указанные А. Поповым значения. В библейских переводах 'любодеяние, прелюбодеяние' и 'блуд' обозначаются по-разному с помощью смыслового перевода, например: 'прелюбодеяние' — *гоз сайсянь ветлӧтӧм*, букв. 'хождение от пары' [Иван съӧрти бур юӧр 8:4]; 'блуд' — *лэдзчисьӧм-кыскасьӧм* 'распускаться-таскаться', букв. 'опущение-ползание' или *кыскасьӧм* 'распускаться', букв. 'ползание' [Апостоллэзлӧн удж 15:29, 21:25];

(31) *эдьеньбурь* «всеблагий». Данный термин содержит в себе 2 слова: *эдьень* (кп. лит. *ӧддьӧн*) 'очень' и *бурь* (кп. лит. *бур*) 'хороший'. По своей сути это словосочетание представляет собой интенсивную форму прилагательного *бур* 'хороший'. Данное сочетание слов в коми-пермяцком языке является часто употребительным и в разных контекстах может показывать самые разные абстрактные значения с положительной оценочной семантикой. Вполне возможно, что в контексте словосочетание *ӧддьӧн бур* 'очень хороший' может выражать и указанное здесь значение 'всеблагий'.

На основе вышеизложенного можно сказать, что большинство представленных здесь значений сегодня в обычной разговорной речи коми-пермяки передают русскими заимствованиями, а в современных библейских переводах для них используются слова либо словосочетания исконного происхождения, которые передают нужные значения описательно согласно принципу смыслового перевода.

Среди рассматриваемой нами лексики выделяются также такие коми-пермяцкие примеры, которые сегодня знакомы лишь определенному кругу носителей коми-пермяцкого

языка: лингвистам, писателям, поэтам, лингвистам, журналистам и некоторым учителям. Большинство же коми-пермяков эти лексемы заменяют соответствующими русскими заимствованиями:

- вэжа лунь* «праздникъ»: обычно *праздник*;
вiдзь «постъ» [Попов 1785б: л. 3]: обычно *пост*;
вицяла вицяльны «пошуся»: обычно *поститча, поститчыны*;
кэсь лунь «постной день»: обычно *посной лун*;
ульлунь «скоромной день»: обычно *посной лун*;
цiонкычасемь «обручение»: обычно *обрученнэ*;
ыждетцись «гордый»: обычно *гордой*;
ыксу «государь, государина»: обычно *государ, государыня*;
ыксулэнъ «царский»: обычно *царской*;
эмбурь «имѣние» // *гэмбурь* «богатство» [Попов 1785б: л. 11]: обычно *именнэ, богатство*;
яндзимь «стыдъ»: обычно *стыд*;
яндыстемь «безстыдiе»: обычно *абу стыдыс* ‘нет (у него/у неё) стыда’;
яндыся яндысны «стыжуся»: обычно *стыдитча, стыдитчыны*.

В анализируемой нами лексической группе имеется несколько слов и словосочетаний, которые сегодня в коми-пермяцком языке не употребляются. Их значения в настоящее время коми-пермяки передают другими исконными словами или выражениями либо заимствованиями из русского языка:

- буршуся буршусины* «доброжелательствую, желаю добра» // кп. лит. *желайтны бурö* ‘желать добра’;
видзисемь «воздержанiе, умѣренность» // кп. лит. *видзсьом* ‘воздержание’, образовано от глагола *видзсьыны* ‘держаться, воздерживаться’;
кыкъ видзкось или *кыкъ вицкось* «мясоѣд» // один из возможных вариантов в коми-пермяцком литературном языке — *кык кöслун коласын* ‘между двумя постами’;
сiбрни иыль «слава» // в обычной речи коми-пермяков *слава*.

Есть также такие примеры, которые сегодня в коми-пермяцком языке являются территориально ограниченными. По нашим сведениям, они употребляются только в севернопермяцких диалектах:

пёръесъ или *пёръясисъ* или *пёръяльысь* «обманщикъ, лукавый» // кп. лит. *бѣбѣтчись* ‘обманщик’;

пёръяла пёръяльны «измѣняю, лгу, обманываю» // кп. лит. *бѣбѣтчыны* ‘обманывать’;

пёръсемъ или *пёръялемъ* «ложь, обманъ» // кп. лит. *бѣбѣтчѣм* ‘обман’;

пёръясанъ «враки, ложь, неправда» // кп. лит. *бѣбѣтчѣм* ‘обман’;

шѣйна «могила» // кп. лит. *могила*.

Место религиозной лексики словарей А. Попова в современных библейских переводах на коми-пермяцком языке

Знакомство А. Грейдана, одного из авторов данной статьи, богословского редактора Института перевода Библии (1996–2014 гг., г. Хельсинки, Финляндия), с рукописными словарями А. Попова дало возможность коми-пермяцкой переводческой группе улучшить работу по переводу книг Нового Завета на коми-пермяцкий язык. Особенно это проявилось в разработке коми-пермяцкой библейской терминологии. Рукописные словари А. Попова в этом плане достоверны, поскольку они составлялись в то время, когда вопросам религиозной веры уделялось огромное значение. Так, материал рукописных словарей А. Попова помог подтвердить и ввести в пробные издания библейских текстов на коми-пермяцком языке следующие религиозные термины:

вѣскыт ‘правда’ [Матъвей сѣртѣ бур юѣр 5:6], ср. *вѣскытъ* «правда, правый, прямой, справедливый, вѣрный, правдивый» [Попов 1785а: л. 7об.], *вѣскытъ* «справедливый» [Попов 1785б: л. 11об.];

кѳслун ‘пост’ [Челядь понда Библия 2003: 222], ср. *кѳсь лунь* «постной день» [Попов 1785а: л. 24об.], *кѳслунь* «день постный» [Попов 1785б: л. 3];

куль ‘дьявол’ [Лука съѳрти бур юѳр 4:2], ср. *куль* «дьяволь такъ же куль» [Попов 1785а: л. 22], *куль* «дѳаволь» [Попов 1785б: л. 2об.];

ѳксу ‘царь’ [Лука съѳрти бур юѳр 1:5], ср. *ѳксу* «государь, государина» [Попов 1785а: л. 52] и др.,

а также другие важные в библейских переводах слова, например:

вежалун ‘праздник’ [Лука съѳрти бур юѳр 22:1], ср. *вѳжа лунь* «праздникъ» [Попов 1785а: л. 6об.], *вѳжа лунь* «праздникъ» [Попов 1785б: л. 5об.];

ѳмбур ‘богатство’ [Бур юѳр Марк съѳрти 10:21], ср. *ѳмбурь* «богатство» [Попов 1785б: л. 11], *ѳмбурь* «имѳнѳе» [Попов 1785а: л. 53];

яндзим ‘стыд’ [Матьвей съѳрти бур юѳр 18:32], ср. *яндзимь* «стыдъ» [Попов 1785а: л. 54об.; 1785б: л. 9, л. 11об.] и др.

Вывод

Таким образом, в проанализированных словарях А. Попова находит отражение большое количество религиозной лексики, которая освещает разнообразные тематические группы библеизмов и церковной лексики. Примечательно, что большая часть этой лексики является исконной по происхождению. Однако, как показало наше исследование, многие исконные термины этой лексико-тематической группы сегодня в языке коми-пермяков не употребляются в указанных значениях, их зафиксированная семантика забыта или же сохранена лишь частично. Некоторые слова и выражения религиозной лексики известны только определенной группе людей или сохранились лишь на определенной территории — в севернопермяцких диалектах — или же неизвестны вообще. Тем не менее следует отметить, что коми-пермяцкий материал

словарей А. Попова оказал большую помощь в установлении библейской терминологии при переводе библейских текстов на коми-пермяцкий язык после 1990-х гг. Можно утверждать, что рукописные словари А. Попова играют важную роль в развитии религиозной лексики на коми-пермяцком языке. Они дают возможность подтвердить былое бытование этих терминов в языке коми-пермяков, даже если сейчас они забыты или же входят в разряд пассивной лексики. Коми-пермяцкая лексика, зафиксированная в словарях А. Попова, составляет хорошую основу для дальнейшего развития религиозных терминов на коми-пермяцком языке. К сожалению, эти два словаря А. Попова, как и его грамматика, до сих пор являются малоисследованными и неизданными.

Список сокращений

букв. — буквальный перевод

др. — другие

кп. — коми-пермяцкий

кп. лит. — коми-пермяцкий литературный язык

кп. сев. — северное наречие коми-пермяцкого языка

л. — лист

об. — оборот

русск. — русский

Литература

Аксёнова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // *Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов.* Ижевск, 2000, 15–19.

Апостоллэзлӧн удж (Деяния апостолов на коми-пермяцком языке). Хельсинки–Ижевск, 2009, 102.

Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков // *Вопросы финно-угорского языкознания.* Вып. 3. Москва, 1965, 110–121.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4. Ижевск, 1967, 69–75.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. Москва, 1975, 252.

Баталова Р. (Баталова Р. М.). Новые памятники коми-пермяцкого языка // По ленинскому пути (Кудымкар). 1962, 214, 9 сентября, 4.

Бур юёр Марк съёрті (Евангелие от Марка на коми-пермяцком языке). Стокгольм–Хельсинки, 1996, 74.

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Коми-пермяцкое рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): диалектные особенности в области фонетики // Вопросы диалектологии. 2018а, 1–2, 34–43.

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Русские заимствования в коми-пермяцком языке рукописей протоиерея Антония Попова 1785 года // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары, 2018б, 108–112.

Гайдамашко Р. В., Пономарева Л. Г. Материалы к истории изучения коми-пермяцкого рукописного наследия протоиерея Антония Попова (1784–1788) // Ural-Altaic Studies Scientific (Урало-алтайские исследования). 2019, 1 (32), 7–27.

Грейдан А. Краткий обзор духовной переводческой литературы на коми-пермяцком языке // Национальные языки России: региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета. Материалы Международной научно-практической конференции (20–21 октября 2005 г., Пермь). Пермь, 2005, 167–169.

Еврейезлӧ гижӧт (Послание к евреям). Рукопись, 2013.

Иван съёрті бур юёр (Евангелие от Иоанна на коми-пермяцком языке). Хельсинки–Ижевск, 2007, 79.

Иванлӧн одзза гижӧт (Первое послание апостола Иоанна Богослова). Рукопись, 2013.

КПЯ 1962 — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Учебник для высших учебных заведений. Кудымкар, 1962, 340.

КПРС 1985 — *Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман* (сост.) Коми-пермяцко-русский словарь. Москва, 1985, 624.

Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкое языкознание за 50 лет // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1977, 20–32.

Лепехин 1780 — Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина <...> по разным провинциям Российского Государства в 1771 году. (Третья часть дневных записок путешествия Ивана Лепехина). Санктпетербург, 1780.

Лобанова А. С. О некоторых лексико-семантических особенностях рукописной работы протоиерея Антония Попова «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный» 1785 г. // Пермистика XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Материалы XVII Международного симпозиума 23–24 ноября 2018 г. Кудымкар, 2018, 85–91.

Лука съörtи бур юör (Евангелие от Луки на коми-пермяцком языке). Хельсинки–Стокгольм–Ижевск, 2005, 109.

Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. Москва, 1964, 270.

Лыткин В. И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Т. 2. Сыктывкар, 1980, 10–21.

Матьвей съörtи бур юör (Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке). Хельсинки–Стокгольм–Ижевск, 2001, 119.

Паллас 1787 — *П. С. Паллас* (сост.) Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. Санктпетербург, 1787.

Петралён мöдик гижöt (Второе соборное послание Святого Апостола Петра). Рукопись, 2013.

Пономарева Л. Г. Грамматические особенности коми-пермяцкого языка рукописей 1785 года протоиерея Антония

Попова // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А. П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург 6–8 декабря 2018 г. Санкт-Петербург, 2018а, 77–79.

Пономарева Л. Г. Коми-пермяцко-русский рукописный словарь 1785 года: способы обозначения на письме звука *ö* // Пермистика XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Материалы XVII Международного симпозиума 23–24 ноября 2018 г. Кудымкар, 2018б, 66–78.

Пономарева Л. Рукописный коми-пермяцко-русский словарь 1785 года: способы обозначения на письме звука *ы* // Sz. T. Tóth (ed.) Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples IV. Abstracts of the 7th day of Agricola conference. Narva, 2019, 40–41.

Пономарева Л., Гайдамашко Р. Публикация рукописных работ Антония Попова как важный шаг в развитии коми-пермяцкого языка // Sz. T. Tóth (ed.) Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples III. Abstracts of the 6th day of Agricola conference / Narva, 2018, 37–38.

Попов 1785а — Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года // Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Эрмитажное собр., № 206, 81.

Попов 1785б — Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ “1785” года // Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Эрмитажное собр., № 207, 29.

Попов 1785в — Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російской языкъ 1785

года // Российская национальная библиотека, Отдел рукописей, Эрмитажное собр., № 208, 33.

Римын олісь Крїстос отирлõ (Послание к римлянам святого апостола Павла). Рукопись, 2013.

СВГ — *Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина* (ред.) Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

Светлаков В. Коми-пермяцкõй письменностьлõн зоралõм (II) // *Иньва: литературно-художественной сборник*. Пермь, 1967, 86–94.

СПГ — *А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева* (ред.) Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

СРГК — *А. С. Герд* (гл. ред.) Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.

СРНГ — *Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников* (гл. ред.) Словарь русских народных говоров: [Вып. 1–51; продолжающееся издание]. Москва–Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2019.

Тимопейлõ одза гижõt (Первое послание к Тимофею святого апостола Павла). Рукопись, 2013.

Туркин А. И. Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Hrsg. von *U.-M. Kulonen*. Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. / Helsinki, 1993, 277–281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215).

Феоктистов А. П. Истоки мордовской письменности. Москва, 1968.

Чагин Г. Н. Этногенез и этнокультурное развитие коми-пермяков // Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков: Справочное издание. Кудымкар, 2000, 9–17.

Челядь понда Библия (Детская Библия на коми-пермяцком языке). Хельсинки–Москва–Ижевск, 2003, 542.

Blokland R. The Lord's Prayer in Zyrian Komi // The Fascination with Inner Eurasian languages in the 17th century. The Amsterdam mayor Nicolaas Witsen and his collection of 'Tartarian' glossaries and scripts. Amsterdam, 2018, 319–334.

Fischer J. E. Sibirische Geschichte von der entdekkung Sibiriens bis auf die erobering dieses Lands durch die Russische waffen. Band 1. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1768.

Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Band 3. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wißenschaften, 1758.

Stipa G. J. Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neupositivismus. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 206. Helsinki, 1990.

Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest <...>. Deel 1–2. 2de druk. Amsterdam, 1705.

References

Aksyonova O. P. K voprosu o rukopisnykh materialakh XVIII – nachala XIX veka po vymershim dialektam komi-permyatskogo yazyka // Permistika 6: Problemy sinkhronii i diakhronii permskikh yazykov i ikh dialektov. Izhevsk, 2000, 15–19. (In Russ.)

Apostollezlön udz (Deyaniya apostolov na komi-permyatskom yazyke). Helsinki–Izhevsk, 2009, 102. (In Komi-Permyak)

Batalova R. M. Rukopisnye slovari komi-permyatskogo yazyka XVIII – pervoy poloviny XIX vekov // Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija. Vyp. 3. Moscow, 1965, 110–121. (In Russ.)

Batalova R. M. Materialy po komi-permyatskoy leksike (izvlecheniya iz slovarey XVIII i nachala XIX vv.) // Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija. Vyp. 4. Izhevsk, 1967, 69–75. (In Russ.)

Batalova R. M. Komi-permyatskaya dialektologiya. Moscow, 1975, 252. (In Russ.)

Blokland R. The Lord’s Prayer in Zyrian Komi // The Fascination with Inner Eurasian languages in the 17th century. The Amsterdam mayor Nicolaas Witsen and his collection of ‘Tartarian’ glossaries and scripts. Amsterdam, 2018, 319–334.

Botalova R. M. (Batalova R. M.) Novye pamyatniki komi-permyatskogo yazyka // Po leninskomu puti (Kudymkar). 1962, 214, 9 sentyabrya, 4. (In Russ.)

Bur yuör Mark s'örti (Evangelië ot Marka na komi-permyatskom yazyke). Stockholm–Helsinki, 1996, 74. (In Komi-Permyak)

Chagin G. N. Etnogenez i etnokulturnoe razvitie komi-permyakov // Komi-Permyatskiy avtonomnyi okrug na rubezhe vekov: Spravochnoe izdanie. Kudymkar, 2000, 9–17. (In Russ.)

Chel'ad' ponda Bibliya (Detskaya Bibliya na komi-permyatskom yazyke). Helsinki–Moscow–Izhevsk, 2003, 542. (In Komi-Permyak)

Evreyezlö gizhöt (Poslanie k evreyam). Manuscript, 2013. (In Komi-Permyak)

Feoktistov A. P. Istoki mordovskoy pis'mennosti. Moscow, 1968. (In Russ.)

Fischer J. E. Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die erobering dieses Lands durch die Russische waffen. Band 1. St. Petersburg, 1768.

Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G. Komi-permyatskoe rukopisnoe nasledie protoiereya Antonia Popova (1748–1788): dialektnye osobennosti v oblasti fonetiki // Voprosy dialektologii. 2018a, 1–2, 34–43. (In Russ.)

Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G. Russkie zaimstvovaniya v komi-permyatskom yazyke rukopisey protoiereya Antonia Popova 1785 goda // Yazykovye kontakty narodov Povolzhya i Urala: sb. st. XI Mezhdunar. simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.). Cheboksary, 2018b, 108–112. (In Russ.)

Gaidamashko R. V., Ponomareva L. G. Materialy k istorii izucheniya komi-permyatskogo rukopisnogo naslediya protoiereya Antonia Popova (1748–1788) // Ural-Altaiic Studies Scientific. Moscow, 2019, 1 (32), 7–27. (In Russ.)

Greidan A. Kratkiy obzor dukhovnoy perevodcheskoy literatury na komi-permyatskom yazyke // Nacional'nye yazyki Rossii: regional'nyi aspekt. K 50-letiyu komi-permyatsko-russkogo otdeleniya filologicheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Materialy Mezhdunarodnoy

nauchno-prakticheskoy konferencii (20–21 oktyabrya 2005 g., Perm). Perm, 2005, 167–169. (In Russ.)

Ivan s'örti bur yuör (Evangeliye ot Ioanna na komi-permyatskom yazyke). Helsinki–Izhevsk, 2007, 79. (In Komi-Permyak)

Ivanlön odzza gizhöt (Pervoe poslanie apostola Ioanna Bogoslova). Manuscript, 2013. (In Komi-Permyak)

KPYa 1962 — Komi-permyatskiy yazyk. Vvedenie, fonetika, leksika i morfologiya. Uchebnyk dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Kudymkar, 1962, 340. (In Russ.)

KPRS 1985 — R. M. Batalova, A. S. Krivoshchokova-Gantman (eds.) Komi-permyatsko-russkiy slovar'. Moscow, 1985, 624. (In Russ.)

Krivoshchokova-Gantman A. S. Komi-permyatskoe yazykoznanie za 50 let // Lingvisticheskoe kraevedenie Prikamya. Perm, 1977, 20–32. (In Russ.)

Lepyokhin 1780 — Prodolzhenie dnevnykh zapisok puteshestviya Ivana Lepyokhina <...> po raznym provintsiyam Rossiyskogo Gosudarstva v 1771 godu. (Tret'ya chast' dnevnykh zapisok puteshchestviya Ivana Lepekhina). Saint-Petersburg, 1780. (In Russ.)

Lobanova A. S. O nekotorykh leksiko-semanticheskikh osobennostyakh rukopisnoy raboty protoiereya Antonia Popova "Kratkiy permskiy slovar' s rossiyskim perevodom, sobranniy i po alfavitu raspolozhennyi" 1785 g. // Permistika XVII: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami. Materialy XVII Mezhdunarodnogo simpoziuma 23–24 noyabrya 2018 g. Kudymkar, 2018, 85–91. (In Russ.)

Luka s'örti bur yuör (Evangeliye ot Luki na komi-permyatskom yazyke). Helsinki–Stockholm–Izhevsk, 2005, 109. (In Komi-Permyak)

Lytkin V. I. Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov. Moscow, 1964, 270. (In Russ.)

Lytkin V. I. Drevnie pamyatniki komi pis'mennosti // Istoria komi literatury. T. 2. Syktyvkar, 1980, 10–21. (In Russ.)

Mat'vey s'örti bur yuör (Evangelië ot Matfeya na komi-permyatskom yazyke). Helsinki–Stockholm–Izhevsk, 2001, 119. (In Komi-Permyak)

Müller G. F. Sammlung Russischer Geschichte. Band 3. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1758.

Pallas 1787 — *P. S. Pallas* (ed.) Sravnitel'nye slovni vseh yazykov i narechiy, sobrannye desnitseyu Vsevysochayshchey osoby. Otdelenie pervoe, sodержashchee v sebe evropeyskie i aziatskie yazyki. Chast' pervaya / Compiled by. Saint-Petersburg, 1787. (In Russ.)

Petralön mödik gizhöt (Vtoroe sobornoe poslanie svyatogo apostola Petra). Manuscript, 2013. (In Komi-Permyak)

Ponomareva L. G. Grammaticheskie osobennosti komi-permyatskogo yazyka rukopisey 1785 goda protoiereya Antonia Popova // Pervaya konferenciya po ural'skim, altayskim i paleoaziatskim yazykam. Pamyati A. P. Volodina. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii, Saint-Petersburg 6–8 dekabrya 2018 g. Saint-Petersburg, 2018a, 77–79. (In Russ.)

Ponomareva L. G. Komi-permyatsko-russkiy rukopisnyi slovar' 1785 goda: sposoby oboznacheniya na pis'me zvuka *ö* // Permistika XVII: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeystvii s drugimi yazykami. Materialy XVII Mezhdunarodnogo simpoziuma 23–24 noyabrya 2018 g. Kudymkar, 2018b, 66–78. (In Russ.)

Ponomareva L. Rukopisnyi komi-permyatsko-russkiy slovar' 1785 goda: sposoby oboznacheniya na pis'me zvuka *ы* // *Sz. T. Tóth* (ed.) Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples IV. Abstracts of the 7th day of Agricola conference. Narva, 2019, 40–41. (In Russ.)

Ponomareva L. G., Gaidamaschko R. V. Publikaciya rukopisnykh rabot Antonia Popova kak vazhnyi shag v razvitii komi-permyatskogo yazyka // *Sz. T. Tóth* (ed.) Folklore and written traditions of the Finno-Ugric peoples III. Abstracts of the 6th day of Agricola conference. Narva, 2018, 37–38. (In Russ.)

Popov 1785a — Kratkoy permskoy slovar' s rossiyskim perevodom, sobranniy i po Alfavitu raspolzheniy goroda Permi Petro-

Pavlovskogo Sobora Protoyereem Antoniem Popovym “1785” goda // Rossiyskaya natsional’naya biblioteka, Otdel rukopisey, Ermitazhnoe sobr., № 206, 81. (In Russ.)

Popov 1785b — Kratkoj permskoj slovar’ s rossiyskim perevodom sobrannyi i po raznym materiyam raspolozhennyi goroda Permi Petro-Pavlovskogo sobora Protoyereem Antoniem Popovym “1785” goda // Rossiyskaya natsional’naya biblioteka, Otdel rukopisei, Ermitazhnoe sobr., № 207, 29. (In Russ.)

Popov 1785v — Primechaniya prinadlezhashchiya k grammatike Permskago yazyka sochin’onna goroda Permi Petro-Pavlovskogo sobora Protoyereem Antoniem Popovym s pomoshchiyu nekotorykh permyakov znayushchih rossiyskoi yazyk 1785 goda // Rossiyskaya natsional’naya biblioteka, Otdel rukopisei, Ermitazhnoe sobr., № 208, 33. (In Russ.)

Rimyn olis’ Kristos otirlö (Poslanie k riml’anam svyatogo apostola Pavla). Manuscript, 2013. (In Komi-Permyak)

SPG — *A. N. Borisova, K. N. Prokoshcheva* (eds.) Slovar’ permskikh govorov. Vyp. 1–2. Perm, 2000–2002. (In Russ.)

SPGK — *A. S. Gerd* (ed.) Slovar’ russkikh govorov Karelii i sopredel’nykh oblastey. T. 1–6. Saint-Petersburg, 1994–2005. (In Russ.)

SRNG — *F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov* (eds.) Slovar’ russkikh narodnykh govorov: [Vyp. 1–51; prodolzhayushcheesya izdanie]. Moscow–Leningrad–Saint-Petersburg, 1965–2019. (In Russ.)

Stipa, G. J. Finnisch-ugrische Sprachforschung. Von der Renaissance bis zum Neupositivismus. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 206. Helsinki, 1990.

Svetlakov V. Komi-permyatsköy pis’mennost’lön zoralöm (II) // In’va: literaturno-khudozhestvennöy sbornik. Perm, 1967, 86–94. (In Komi-Permyak)

SVG — *T. G. Panikarovskaya, L. Yu. Zorina* (eds.) Slovar’ vologodskikh govorov. Vyp. 1–12. Vologda, 1983–2007. (In Russ.)

Timopeylö odzza gizhöt (Pervoe poslanie k Timofeyu svyatogo apostola Pavla). Manuscript, 2013. (In Komi-Permyak)

Turkin A. I. Ob odnom maloizvestnom pamyatnike drevne-permskoy pis'mennosti // Hrsg. von *U.-M. Kulonen*. Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Helsinki, 1993, 277–281. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 215). (In Russ.)

Witsen N. Noord en Oost Tartarye, ofte bondig ontwerp van eenige dier landen en volken, welke voormaels bekend zijn geweest <...>. Deel 1–2. 2de druk. Amsterdam, 1705.

Пономарева Лариса Геннадьевна
Хельсинкский университет
Хельсинки, Финляндия
Ponomareva Larisa Gennadievna
University of Helsinki
Helsinki, Finland
dojegpl@gmail.com

Грейдан Андрей Викторович
Общественная организация «Живой язык»
Хельсинки, Финляндия
Greidan Andrei Viktorovich
“Living Language”
Helsinki, Finland
andrgrei@gmail.com

Контакты в Ингерманландии в прямом наблюдении¹

Direct observation of language contact in Ingria

Агранат Т. Б.

Agranat T. B.

В статье анализируется текст беседы, аудиозапись которой была сделана в начале 1980-х гг. в месте контактного проживания носителей водского и ижорского языков. В беседе принимают участие три человека 1910-х г.р., двое из них — носители водского языка, один — носитель ижорского языка, и один носитель водского языка 1940 г.р. Прослеживается, как участники беседы переключают код, с какого языка на какой, и делается попытка установить причину кодового переключения в каждом случае.

Ключевые слова: языковые контакты, кодовые переключения, прибалтийско-финские языки, водский язык, ижорский язык

This article analyzes the text of a conversation recorded in the early 1980s between native speakers of the Votic and Ingrian languages. There were four participants in the conversation: three people born in the 1910s (two of them are Votic speakers, one a speaker of Ingrian) and a fourth person, a Votic speaker born in 1940. The paper examines how the participants use code-switching between different languages, and attempts to determine the reason for the switch in each case.

Key words: language contact, code-switching, Baltic-Finnic languages, Votic language, Ingrian language

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-172-189

¹ Статья написана в рамках госзадания, тема № 0182-2014-0009 «История и структура алтайских и уральских языков».

Введение

Ингерманландия — историческая область, расположенная к северо-западу от современного Санкт-Петербурга. Самым древним населением этой территории, известным археологам, является водь. В XII в. часть карельских племен, двигавшаяся с Карельского перешейка, достигает водских земель и расселяется чересполосно с водью. На этой территории они стали называться ижорой², а их язык — ижорским. Тогда же здесь селятся и славяне. Таким образом, с XII в. водский, ижорский и русский языки находятся в контакте. Водский и ижорский — родственные языки, относящиеся к прибалтийско-финской подгруппе финно-угорской группы уральской языковой семьи. Водский относится к южной ветви прибалтийско-финских языков, а ижорский — к северной; языки взаимопонятны. По имеющимся источникам, в историческое время общение води и ижоры происходило по-ижорски, долгое время ижорский язык был лингва франка (подробно об этом см. [Агранат 2007; Агранат 2016]).

Браки между водью и ижорой были частыми по причине языковой и конфессиональной близости: и те, и другие приняли православие в XII в. По свидетельству уроженца водского села Краколье Д. Цветкова, учившегося в Тартуском университете, в начале XX в., если в водскую семью приходила молодая жена ижорка, вся семья, включая старшее поколение, начинала говорить по-ижорски. Уже в начале XX в. водь по-русски называла себя ижорой (поводски самоназвание «vad'd'alaizõd» сохранилось). Водские девушки о себе пели по-русски: «Все ижорочки красивенькие» (см. [Tsvetkov 1925]). Это происходило из-за большого престижа ижорского языка.

В западной Ингерманландии на водском субстрате сформировался нижнелужский диалект ижорского языка. При этом

² О различных версиях происхождения названия «ижора» см. [Агранат 2016: 180–181].

в нижнем течении р. Луги сохранялся и водский язык; водь и ижора часто жили в одной деревне, ежедневно контактировали.

В 2003 г. носитель водского языка В. М. Кряжевских, 1940 г.р., передал автору для расшифровки аудиозапись беседы, сделанную им 12 сентября 1982 г. в деревне Пески, в Кингисеппском районе Ленинградской обл. Он был моряком и привез из Японии в деревню магнитофон, что по тем временам уже само по себе было событием. В. М. Кряжевских хотел записать водскую речь старшего поколения. Сам он принадлежит к последнему поколению носителей водского языка, передача которого прекратилась после Второй мировой войны. Анализируемый здесь текст в фонетической транскрипции, фонематической транскрипции с глоссированием и русским переводом опубликован в [Агранат 2012: 94–133].

Объем текста — 282 предложения, все предложения с переключением кода обсуждаются в настоящей статье. В беседе, помимо В. М. Кряжевских (В), чьи реплики, как на водском, так и на русском языках в основном вспомогательные, принимают участие три женщины, все они 1910-х г.р. Основная участница беседы — А. И. Кряжевских (А), мать В. М. Кряжевских; с начала до 140 предложения она разговаривает с Ф. С. Филимоновой (Ф), затем Ф. С. Филимонова уходит, приходит О. К. Георгиева, и А. И. Кряжевских беседует с О. К. Георгиевой. Все, кроме Ф. С. Филимоновой, — носители водского языка, говорят в основном по-водски, кроме обсуждаемых здесь случаев переключения кода. Ф. С. Филимонова, носительница нижнелужского диалекта ижорского языка, говорит по-ижорски, иногда переключая код на русский. О. К. Георгиева не переключает код с водского языка, поэтому ее реплики здесь не приводятся. Владение другими языками, кроме своего родного, участники разговора в той или иной степени обсуждают, о чем пойдет речь ниже, в разделе **«Рефлексия о языковых контактах»**. К сожалению, о языковых биографиях участвующих в беседе женщин автору ничего не известно. В. М. Кряжевских в детстве с матерью говорил

по-водски, затем надолго выезжал из родных мест; в своей семье разговаривает по-русски, но сохранил владение водским языком. Его биография, в том числе языковая, рассказанная им по-водски, опубликована в фонетической транскрипции, фонематической транскрипции с глоссированием и русским переводом в [Агранат 2012: 34–46].

Проследим, как участники беседы переключают код, и попробуем установить причину в каждом случае. Будем опираться на работы [Blom 1972; Gumperz 1982; Appel & Muysken 2005] и др., в которых описаны возможные причины кодовых переключений. В анализируемом тексте встретились случаи немотивированного и бессознательного переключения кодов, а также ситуационное переключение — вызванное изменением темы разговора; референтное переключение — при отсутствии необходимых языковых средств в одном языке; переключение кода, продиктованное ориентацией на участника коммуникации; и цитация — когда контекст требует вставки слова из другого языка.

От кодовых переключений важно отличать заимствования. Критериями последних является морфологическая и фонетическая адаптация, а также давнее вхождение лексической единицы в употребление, фиксация в старых записях текстов и словарях, неокказиональное использование всеми носителями.

Все переключения в данном тексте внутрифразовые. Буквой обозначен собеседник, которому принадлежит реплика, цифрой после буквы — номер предложения в тексте; цифрой перед буквой — номер примера в статье.

Переключение на русский язык

Ф. С. Филимонова никогда не переключает код с ижорского на водский, только иногда на русский язык.

1. Ф: - 10. Ja nä-d=ko крутится
 да видеть-2SG=INT
 ‘Видишь, крутится’.

Зачем она переключает код? Речь идет о магнитофоне. Ни к кому конкретно она не обращается, как и в следующем предложении. Возможно, она использует русское слово, поскольку говорит о магнитофоне. Разумеется, существует ижорский глагол с таким значением. В данном случае — ситуационное переключение кода. То же самое и в следующем примере, где речь также идет о магнитофоне; и здесь ситуационное переключение кода. В этом контексте она ни разу не употребляет ижорский глагол.

2. Ф: - 48. Ain va *крутит* ain va *крутит*
все только все только

‘Все только крутит, все только крутит’.

В следующем примере у Ф. С. Филимоновой также ситуационное переключение кода, поскольку это квазинаучный медицинский дискурс и нужно употребить русское слово. (Она рассказывает А. И. Кряжевских о том, что она раньше много помнила, а теперь все не так, и излагает причину.)

3. Ф: - 105. Nütt mi-tä=le pähhä-ä *повлияло*
теперь что-PART=то голова-ILL

‘Теперь что-то на голову *повлияло*’.

В следующем примере А. И. Кряжевских переключает код с водского на русский, видимо, по той же причине, это тоже медицинский дискурс. Она обсуждает с О. К. Георгиевой, как война повлияла на психическое здоровье людей.

4. А: - 227. kōik ɔ̄l-la *нервный-то* *расстроенный-то*
все быть-PRS.IPS

‘Все нервный-то, расстроенный-то’.

Зачем Ф. С. Филимонова переключает код в примере 5, непонятно, поскольку несколькими предложениями ранее она

употребляет то же слово как адаптированное заимствование, см. пример 6. Видимо, здесь немотивированное переключение, по терминологии [Головки 2001].

5. **Ф:** - 37. *Miä suome-n bukvy monikaisi-j-a muista-n*
 я финский-GEN многих-PL-PART помнить.PRS-1SG
 ‘Я финские буквы некоторые помню’.

6. **Ф:** - 8. *Kui ni kui a tämä e-i o e-i o*
 как ни как а он NEG-3SG быть NEG-3SG быть
meje-n bukva-d
 мы-GEN буква-NOM.PL
 ‘Как никак, а это не наши буквы’.

Употребленный в примере 6 союз ‘а’ — очень старое заимствование.

Далее Ф. С. Филимонова проговаривает небольшой фольклорный текст. Слово для его обозначения, конечно, есть в ижорском языке. Полагаю, что здесь случай бессознательного переключения и также немотивированного. К заимствованиям данный случай отнести нельзя, поскольку в слове ‘*рассказ*’ сохранено ударение, в прибалтийско-финских языках оно падает только на первый слог.

7. **Ф:** - 108. *Oi-i-ø raskkaz mokomain*
 быть-PST-3SG такой
 ‘Был рассказ такой’.

В примере 8 также бессознательное и, конечно, немотивированное переключение. Ф. С. Филимонова не полуязычный носитель, она прекрасно владеет языком, ср. [Poplack 1980], где говорится, что активное и плавное внутрифразовое переключение кода в разговоре свидетельствует не об ущербном владении одним из языков, а, напротив, указывает на то, что носитель может порождать полные конструкции на обоих языках. Поскольку в данном предложении в вершине клаузы

русское слово, в терминологии Майерс-Скоттон, следовало бы считать русский язык матричным, а ижорский — гостевым, что не противоречит утверждению об одинаково хорошем владении Ф. С. Филимоновой обоими языками.

8. Ф: - 125. *пошли* kotti-i
дом-ILL

‘Пошли домой’.

В примере 9 А. И. Кряжевских переключает код на русский, здесь референтное переключение, вызванное отсутствием в водском языке средств для обозначения денотата.

9. А: - 11. *Закон божий* jumala-a e-b õppõ-tõ-ttu
бог-PART NEG-3SG учиться-CAUS-PTCP.PASS
soveti aika-n
советский время-ESS

‘Закон божий, (про) бога не учили в советское время’.

Переключение с водского на ижорский

Переключение кода с водского на ижорский представляет наибольший интерес. Такое происходит только у А. И. Кряжевских в разговоре с Ф. С. Филимоновой, в беседе с О. К. Георгиевой на ижорский код не переключается.

Итак, у А. И. Кряжевских внутрифразовое переключение начинается на 86 предложении, переключение во всех примерах отмечено подчеркиванием:

10. А: - 86. nütt nüčüize-d pulma-d migä-d
теперь нынешний-NOM.PL свадьба-NOM.PL что-NOM.PL
nütt pulma-d koira-n ja kissa-n
теперь свадьба-NOM.PL собака-GEN и кошка-GEN

‘Теперь нынешние свадьбы, какие теперь свадьбы? кошек и собак’.

В подчеркнутых словах ижорский показатель генитива; в водском, как и в других южных прибалтийско-финских языках, показатель генитива отпал; лексемы одинаковые для двух языков. В этом примере, как и в следующих, вплоть до 15, причина переключения кода — ориентация на участника коммуникации.

11. A: - 95. čülä heli-zi-ø va noori-sto külä-stö
 деревня гудеть-PST-3SG только молодой-EL деревня-EL
 ‘Деревня гудела, молодежь в деревне’.

В 11 примере употребляется ижорская глагольная лексема, в данном случае грамматические показатели в водском и ижорском языках совпадают, но корни разные. Прилагательное ‘noori-sto’ и существительное ‘külä-stö’ оформлены ижорскими падежными маркерами, при этом основа прилагательного одинаковая в этих двух языках, а существительное различается фонетически: в ижорском непалатализованный согласный, а в водском — палатализованный. Как видим, в этом же предложении употребляется и водское существительное ‘čülä’ с тем же значением.

В следующем, 12 примере, употребляется ижорский глагол в коннегативе:

12. A: - 104. Nütt mittä e-d muis
 теперь ничего NEG-2SG помнить
 ‘Теперь ничего не помнишь’.

В примере 13 водское существительное имеет ижорский показатель генитива.

13. A: - 107. Jänes joh-si-ø jää-tä müütä tipertel-i-ø
 заяц бежать-PST-3SG лед-PART по кувыряться-PST-3SG
tee-tä müütä piss-i-ø pino-n
 дорога-PART по сунуться-PST-3SG поленица-GEN

pino-n välli-i
 поленица-GEN промежуток-ILL

‘Заяц бежал по льду, кувыркался по дороге, сунулся в поленицу’.

В 14 примере употребляется ижорский показатель генитива; глагол же не имеет показателя, в ижорском языке он утратился, в водском, напротив, сохраняется. Основы одинаковы в обоих языках.

14. A: - 122. Eglize-n aja lasko-i-ø
 вчера-GEN гнать.PRS.3SG отпустить-PST-3SG

‘Вчерашние гонит, отпустил’.

В примере 15 подчеркнутое слово произнесено с ижорский фонетикой, в водском языке в том же значении — ‘vassa’.

15. A: - 126. Vast on kuusi tuni-a
 только быть.PRS.3SG шесть час-PART

‘Только шесть часов’.

Во всех случаях причина переключения кода с водского на ижорский — ориентация на участника коммуникации. Тем не менее, представляется, что А. И. Кряжевских бессознательно переключает код на ижорский в процессе коммуникации с собеседником, говорящим по-ижорски, т. е. это одновременно всегда случаи бессознательного кодового переключения, поскольку переключать код она начинает только с 86 предложения. Еще один аргумент в пользу того, что А. И. Кряжевских не решила сознательно в процессе беседы, что при общении с носителем ижорского языка надо адаптировать свою речь под собеседника, говорить «на ижорский манер», см. в примере 11, где она в одном предложении употребляет дважды ту же лексему то в водском, то в ижорском фонетическом варианте. В примерах 13 и 14 спорадически возникают

ижорские показатели у водских лексем. К тому же, как мы увидим ниже, она владеет ижорским языком и могла бы просто перейти на него в диалоге с носителем.

Рефлексия о языковых контактах

Одна из тем беседы — языки, которые знают участники разговора. Реплики приведены в том порядке, в котором они произносились, предложения имеют те же номера, что в исходном тексте. Лакуны образовались, поскольку сюда не попали реплики, не связанные с сюжетом. Примеры на кодовое переключение будут комментироваться, остальные реплики будут обсуждаться при необходимости; они интересны с точки зрения содержания, поскольку отражают взгляд собеседников.

16. А: - 4. miä lugo-n vet e-b õ venäi
я читать.PRS-1SG ведь NEG-3SG быть русский
luk-ku
писать-PTCP.PASS

‘Я читаю, ведь не по-русски написано’.
(Читает название магнитофона).

17. А: - 7. Siä tunnõ-d si-tä?
ты знать.PRS-2SG тот-PART

‘Ты умеешь это (читать)?’

18. Ф: - 8. Kui ni kui a tämä e-i o e-i o
как ни как а он NEG-3SG быть NEG-3SG быть
meje-n bukva-d
мы-GEN буква-NOM.PL

‘Как никак, а это не наши буквы’.

19. В: - 13. A siä e-d tää soomi-a?
а ты NEG-2SG знать финский-PART

‘А ты не знаешь по-фински?’

20. A: - 14. Nütt õppõ-tõ-ta kōikōlais-sa kōikōlais-sa
 теперь учиться-CAUS-PRS.IPS всякий-PART всякий-PART
 čeel-tä
 язык-PART
 ‘Теперь учат разные языки’.

21. A: - 16. Vet kōik e-väd õppõ-tõ-ttu
 ведь все NEG-3PL учиться-CAUS-PTCP.PASS
 ‘Но все не учили’.

22. A: - 18. Vōra-лл ма-лл on õppõ-tõ-ttu
 чужой-AD земля-AD быть.PRS.3SG учиться-CAUS-PTCP.PASS
 õmma-a čeel-tä a mej-e čeel-tä e-väd tää
 свой-PART язык-PART а мы-GEN язык-PART NEG-3PL знать
 ‘В чужих странах изучают свой язык, а наш не знают’.

23. A: - 23. Siä ku mee-d vōra-лл ма-лл sinnä
 ты как идти.PRS-2SG чужой-AD земля-AD туда
 лавка-a vai sinnä magazino-j-õ лавка-z sell
 лавка-ILL или туда магазин-PL-ILL лавка-IN там
 rajatõ-d õmma-a čeel-tä?
 говорить.PRS-2SG свой-PART язык-PART
 ‘Ты как поедешь за границу, пойдешь туда в магазины, в лавки, там разговариваешь на своем языке?’

24. B: - 24. A miä по-английски
 а я
 ‘А я по-английски’.

В этом примере, как и в следующем, референтное переключение кода, поскольку в водском языке отсутствует слово.

25. A: - 25. По-английски?

26. A: - 26 siä vet e-d õppõ-ta čet-tä
 ты ведь NEG-2SG учиться-CAUS кто-PART
 ‘Ты же не учил никого’.

27. В: - 27. Täll?

здесь

‘Здесь?’

28. А: - 28. Täll!

здесь

‘Здесь!’

29. А: - 29. a mee-d tōisõ-õ mahha-a a
 а идти.PRS-2SG второй-ILL земля-ILL а
 vot sell on õma čeeļi
 вот там быть.PRS.3SG свой язык

‘А вот поедешь в другую страну, а там свой язык’.

30. В: - 30. *А там по-русски*

В примере 30 у В. М. Кряжевских скорее всего бессознательное переключение кода.

31. А: - 31. Vähä ku čäü-d siitä moskova-z ja
 мало как ходить.PRS-2SG отсюда Москва-IN и
 petteri-z vōra maa herro-j-e
 Ленинград-IN чужой.GEN земля.GEN господин-PL-GEN
 siiz õл-ла perevoš'ika-d
 тогда быть-PRS.IPS перевозчик-NOM.PL

‘Мало ли что [=мало как], едешь в Москву, в Ленинград, за границу, там разговариваешь с перевозчиками’.

32. А: - 32. kōik on õppõ-tõ-ttu *перевозчик*
 все быть.PRS.3SG учиться-CAUS-PTCP.PASS

‘Все научены, перевозчик’.

В этом примере, как и в 34, переключение кода — цитация. Это не референтное переключение, поскольку водский язык это слово заимствовал (см. пример 31).

33. В: - 33. *Перевозчик* — это который через Лугу перевозит.

34. А: - 34. А kui kane-лла tož перевозчик ?
 а как эти-AD тоже
 ‘А как это — тоже перевозчик?’

35. В: - 35. *Переводчик*

В данном примере — случай референтного переключения кода, поскольку в водском языке отсутствует слово, обозначающее денотат.

36. А: - 38. Kõik čeele-d piä-b tää-tä üvä
 все язык-NOM.PL должен-PRS.3SG знать-INF хороший
 on=či
 быть.PRS.3SG=FOC
 ‘Все языки надо знать, это хорошо’.

37. А: -39. miä tož viro-z kahs voot-ta õl-i-n
 я тоже Эстония-IN два год-PART быть-PST-1SG
 kahs voot-ta почти õl-i-n sooma-z
 два год-PART быть-PST-1SG Финляндия
 ‘Я тоже в Эстонии два года была, два года почти была в Финляндии’.

Слово со значением ‘почти’ засвидетельствовано в водском языке, но дискурсивные маркеры очень часто заимствуются из контактного языка. Русские дискурсивные маркеры встречаются в водских текстах уже в XIX в. (см. подробно [Агранат 2009]). Очевидно, прежде чем лексема заимствуется, должна пройти стадия кодового переключения.

38. А: - 40. а viro-o čeele mi-лл men-i-ø kõik pähhä-ä
 а эстонский-GEN язык я-AD идти все голова-ILL
 ‘А эстонский язык пошел весь мне в голову’.

39. A: -41. *i sooma čeeļi on mej-e viit-tā pallo*
 и финский язык быть.PRS.3SG мы-GEN манера-PART много
 ‘И в финском языке есть много наших слов’.

40. A: - 42. *a tōisi-j-ō čeeļi-j-e miä e-n tāā*
 а второй-PL-GEN язык-PL-GEN я NEG-1SG знать
 ‘А других языков я не знаю’.

41. B: - 43. *А ижорский?*

Вот здесь интересный момент, так как неизвестно, какой язык имеет в виду В. М. Кряжевских: действительно ижорский или водский, поскольку, как выше было написано, водь, говоря по-русски, называет себя ижорой, а свой язык — ижорским.

42. A: - 44. *Va šnaps sene miä tāā-n n'emca*
 только шнапс то.GEN я знать.PRS-1SG немецкий
 ‘Только шнапс, это я только знаю по-немецки’.

43. B: - 45. *А ижорский?*

44. A: - 47. *Tož on ižori čeeļi*
 тоже быть.PRS.3SG ижорский язык
 ‘Тоже ижорский язык’.

А. И. Кряжевских поняла это как именно ижорский язык, иначе бы в своей водской речи назвала этот язык ‘vad'd'a čeeļi’.

45. A: - 49. *Kussa tāmä izā čeeļi on vōtō-ttu*
 откуда он отец.GEN язык быть.PRS.3SG брать-PTCP.PASS
miä e-n tāā
 я NEG-1SG знать
 ‘Откуда этот отцовский язык взят, я не знаю’.

46. A: - 52. *Kuza pajatō-tta kuza läe-tā*
 где говорить-PRS.IPS где говорить-PRS.IPS
 ‘Где разговаривают (по-водски), где разговаривают (по-ижорски)’.

В водском и ижорском языках различаются глаголы со значением ‘говорить’. Часто водь и ижора для самоидентификации использует именно этот глагол. В примере 46 переключение кода на ижорский — цитация.

47. **Ф:** - 53. Meĵ-e maa-z e-b ne-d ižori-d
 мы-GEN земля-IN NEG-3SG те-NOM.PL ижорец-NOM.PL
 kuza läe-tä
 где говорить-PRS.IPS

‘На нашей земле не те ижорцы, которые по-ижорски разговаривают’.

Ф. С. Филимонова, отвечая А. И. Кряжевских по-ижорски, имеет в виду водь, которую называет словом ‘ižogid’ «ижорцы».

48. **А:** - 54. Näd õ-mma naapuri-d siä läkä-d
 вот быть.PRS-1PL сосед-NOM.PL ты говорить.PRS-2SG
 a miä pajata-n
 а я говорить.PRS-1SG

‘Вот мы соседи, ты говоришь на ижорском языке, а — на водском’.

В примере 48 — цитация, аналогичная тому, как это было в примере 46.

49. **Ф:** - 55. A vet ižori-n see tekkö-ö joo
 а ведь ижорский-GEN тот делать.PRS-3SG уже
 ižori-n kirjo-j-a
 ижорский-GEN книга-PL-PART

‘А вот ижорец пишет уже ижорские книги’.

Что имела в виду Ф. С. Филимонова, неизвестно. В 1930-е гг. в эпоху языкового строительства ижорский язык ненадолго обрел письменность, в 1937 г. букварь уничтожили, авторов расстреляли, его преподавание в школе прекратилось. Водский язык никогда не имел письменности.

Интересно, что А. И. Кряжевских пропагандирует многоязычие, как благо, а Ф. С. Филимонова в разговоре сосредоточена только на своем языке.

Заключение

В сводной таблице представлены языки и типы кодовых переключений для каждого из участников разговора.

участники разговора	языки	типы кодового переключения
А. И. Кряжевских	водский > русский	ситуационное референтное цитация
	водский > ижорский	ориентация на участ- ника коммуникации бессознательное цитация
В. М. Кряжевских	водский > русский	референтное бессознательное
Ф. С. Филимонова	ижорский > русский	ситуационное немотивированное референтное

Как видим, переключение всегда происходит на доминирующий язык. С водского код переключается на русский и на ижорский, с ижорского — только на русский. Понятно, что в случаях ситуационного и референтного переключения другой вариант исключен, при ориентации на участника коммуникации — маловероятен. Однако бессознательное, немотивированное переключение и даже цитация также всегда происходит на доминирующий язык.

Сокращения

AD адессив/аллатив; CAUS каузатив; EL элатив; ESS эссив; FOC фокус; GEN генитив; ILL иллатив; IN инессив; INF инфинитив; INT вопросительность; IPS имперсонал; NEG отрицательный глагол; NOM номинатив; PART партитив; PASS пассив; PL множественное число; PRS настоящее-будущее время; PST прошедшее время; PTCP причастие; SG единственное число

Литература

Агранат Т. Б. Западный диалект водского языка. MSUA 26. Москва–Гронинген. 2007.

Агранат Т. Б. Дискурсивные маркеры в водском языке // Вопросы языкознания, 2009, 6.

Агранат Т. Б. Водские тексты с поморфемной нотацией. Москва, 2012.

Агранат Т. Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии. Москва, 2016.

Головки Е. В. Переключение кодов или новый код? // Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета этнологии. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2001, 298–316.

Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. Amsterdam, 2005.

Blom J. P. Social meaning in linguistic structures: Code Switching in Northern Norway // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. Ed. by J. J. Gumperz, D. Hymes. New York, 1972, 407–434.

Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge, 1982.

Poplack S. ‘Sometimes I’ll start a sentence in Spanish y termino en español’: toward a typology of codeswitching // Linguistics, 1980, 18.

Tsvetkov D. Vadjalased // Eesti keel, 1925, IV, 39–44.

References

Agranat T. B. Zapadniy dialekt vodskogo yazyka. MSUA 26. Moskva–Groningen. 2007. (In Russ.)

Agranat T. B. Diskursivnye markery v vodskom yazyke // Voprosy yazykoznanii, 2009, 6. (In Russ.)

Agranat T. B. Vodskie teksty s pomorfemnoi notatsiei. Moskva, 2012. (In Russ.)

Agranat T. B. Sravnitel'nyi analiz grammaticheskikh sistem pribaltiisko-finskikh yazykov: printsipy intrageneticheskoi tipologii. Moskva, 2016. (In Russ.)

Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. Amsterdam, 2005.

Blom J. P. Social meaning in linguistic structures: Code Switching in Northern Norway // Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication. Ed. by *J. J. Gumperz, D. Hymes*. New York, 1972, 407–434.

Golovko E. V. Pereklyuchenie kodov ili novyi kod? // Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge. Trudy fakul'teta etnologii. Vyp. 1. Sankt-Peterburg, 2001, 298–316. (In Russ.)

Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge, 1982.

Poplack S. 'Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español': toward a typology of codeswitching // Linguistics, 1980, 18.

Tsvetkov D. Vadjalased // Eesti keel, 1925, IV, 39–44.

Агранат Татьяна Борисовна

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

Agranat Tatiana Borisovna

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

tagranat@yandex.ru

***Гоноративная лексика в переводе Нового
Завета на калмыцкий язык А. М. Позднеева***
***Honorific vocabulary in the Kalmyk New Testament
translation by A. M. Pozdneev***

Кондаков А.

Kondakov A.

Статья посвящена обсуждению гоноративной лексики, содержащейся в калмыцком тексте Нового Завета в переводе А. М. Позднеева. Рассмотрены различные случаи использования гоноратива и его типы. При этом приводится сравнение с соответствующими местами оригинального текста на греческом койне. Недостаточная изученность старокалмыцкого гоноратива делает работу потенциально интересной для калмыковедов, специалистов в области социолингвистики, культурологии и для широкого круга калмыцких читателей, интересующихся своим языком, историей и культурой.

Ключевые слова: гоноратив, формы вежливости, высокий стиль, архаизмы, Библия, перевод, калмыцкий язык

This article focuses on the honorific vocabulary found in A. M. Pozdneev's Kalmyk translation of the New Testament. Various types of Kalmyk honorifics and their use are considered here. The NT passages in Kalmyk are compared with the corresponding passages in the original Koine Greek. The insufficient study of Old Kalmyk honorifics makes this work of potential interest to scholars specializing in the Kalmyk language, sociolinguistics, and cultural studies, as well as to Kalmyk speakers interested in their language, history and culture.

Key words: honorifics, polite forms, elevated style, archaisms, Bible translation, Kalmyk language

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-190-218

1. Введение

Язык как средство человеческого общения совершенствовался и приобретал новые формы по мере развития общества. Возникновение новых иерархических структур в обществе требовало создания специальных форм общения с теми или иными людьми. Так появлялись разнообразные формы вежливости и высокого стиля, которые являются частью обширной грамматической категории, называемой в лингвистике «гоноративом». Гоноратив передает такие составляющие межличностного общения как формальность, социальную дистанцию, вежливость, учтивость и скромность.

Те или иные формы вежливости, включая вербальные и невербальные, присущи большинству языков и культур. Система форм вежливости особенно развита в языках Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, таких как японский, корейский, тайский, манипури, хинди и др. Калмыцкий язык (самоназвание хальмг келн, код ISO 639-3: xal), который относится к западной ветви монгольской языковой семьи, также содержит достаточно разнообразные формы вежливости, как правило в виде особых лексических единиц и выражений.

Формы вежливости, употребляемые в современном калмыцком языке, кратко описаны в монографии «Грамматика калмыцкого языка» [Санжеев 1983: 161–162, 230–231]. В последнее время калмыковеды, среди прочего, проявляют особый интерес к устаревшим формам. В публикациях Калмыцкого научного центра представлен ряд статей на тему архаизмов, историзмов и буддийской религиозной лексики [Бембеев 2016; Бадгаев 2014; Мулаева, Бачаева 2011]. Тем не менее, наблюдается недостаточная изученность специальных слов и выражений, использовавшихся в прошлом между людьми разного социального статуса, например в общении мирян с духовными лицами или простых людей с представителями знати, и наоборот.

Целью данной работы является выявление части пласта гоноративной лексики, присущей калмыцкому письменному языку XIX в. В качестве текста-источника берется перевод Нового Завета, выполненный монголоведом, профессором Санкт-Петербургского университета Алексеем Матвеевичем Поздневым. В библейских текстах имеется немало примеров общения людей разного социального статуса: религиозных учителей и их последователей, царя и его слуг, правителей и их подданных, военачальников и их подчиненных, а также людей и сверхъестественных существ (Бога, ангелов, дьявола, духов). Для достижения цели данного исследования поставлены следующие задачи: выявить случаи иерархических отношений в калмыцком переводе Нового Завета, проанализировать используемую в них лексику и речевые обороты и сравнить с исходными формами греческого оригинала и русского Синодального перевода.

Использование гоноратива в языке перевода, в то время как он недостаточно явно выражен в соответствующих местах в языке оригинала (греческом койне), представляет собой наглядный пример доместикации (приручения). Следует отметить, что использование данной стратегии в эпоху, когда в библейском переводе преобладал буквалистский подход, является само по себе примечательным. В то же время раскрытие уже забытых или почти не используемых в настоящее время форм может представлять интерес для калмыковедов, специалистов в области социолингвистики, культурологии и для широкого круга носителей калмыцкого языка, интересующихся своей историей и культурой.

2. Перевод на калмыцкий язык А. М. Позднева

Перевод Нового Завета на калмыцкий язык А. М. Позднева (далее: НЗП) является не единственным опытом подобной работы в дореволюционную эпоху. Самые ранние попытки переводов датируются началом XVIII в. До нас дошли

Завет был напечатан в 1895 г. при поддержке Британского и Иностранного Библейского Общества. НЗП выполнен «съ греческаго подлинника», как заявлено на титульной странице издания, и напечатан на особом вертикальном письме тодо бичиг, т. е. «ясном письме».

Здесь целесообразно сделать небольшой экскурс в историю и проблематику «ясного письма». В середине XVII в. выдающийся ойратский просветитель Зая Пандита с целью проповеди буддизма среди своих соотечественников решил перевести важнейшие буддийские книги с тибетского языка на свой родной. Проблема состояла в том, что используемое в то время общемонгольское письмо плохо соответствовало живой ойратской речи. Зая Пандита реформировал монгольское письмо, приблизив его к разговорному языку ойратов. Так в 1648 г. появилось «ясное письмо» тодо бичиг, или, как его изначально называли, «ясные буквы» *тодорхои үзүг* [Бобровников 1849: 5].

Тем не менее, как отмечают Бобровников и Котвич, Зая Пандита сохранил в своих переводах много старых форм и слов [Бобровников, там же; Котвич 1929: v–vi]. Очевидно, он считал неприличным вводить в священные тексты обиходные слова и выражения из разговорного языка. Так зародилась своеобразная форма диглоссии, которая, впрочем, была свойственна многим азиатским языкам той эпохи. Кроме того, со времени деятельности Зая Пандиты до конца XIX в. прошло уже более 200 лет, и сама речь калмыков с тех пор достаточно изменилась, на что, например, указывает Бобровников в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка», говоря о «двояком произношении», «двояком написании», «книжном языке» и др. [Бобровников: 15]. Но, несмотря на это, в письменных работах на калмыцком языке сохранялась тенденция к подражанию «классическим» образцам. Это обнаруживается и в НЗП, для которого вполне характерны архаизмы, слова высокого стиля, заимствования из монгольского, тибетского языков и санскрита, архаичные грамматические формы.

Но если рассматривать НЗП с точки зрения типологии, сравнивая его с греческим оригиналом, то выясняется, что при относительном стремлении к буквальности, он местами достаточно свободен. Так, переводчик нередко раскрывает имплицитную информацию путем текстуальных вставок (иногда в скобках); прибегает к доместикации, особенно там, где этого требует структура языка и особенности культуры. Таким образом, мы подходим к главной теме настоящей статьи: использованию в калмыцком переводе Нового Завета особой гоноративной лексики.

3. Гоноративная лексика в языке перевода Позднеева

Появление и развитие особых форм гоноратива в языке ойратов и калмыков, по всей видимости, связано с распространением среди них буддизма. Подобно языкам других народов, исповедующих буддизм, в старокалмыцком языке широко использовалась особая клерикальная лексика, позволявшая обычным людям общаться с духовными лицами, а также «правильно» говорить о них в третьем лице. Отлично сведущий в языке и культуре калмыков, Позднеев широко использовал данный феномен в своем переводе в тех случаях, когда речь шла об общении Иисуса Христа с Его учениками или с другими простыми людьми или об общении между ангелами и простыми смертными. Данный метод доместикации позволил приблизить библейский текст к калмыцким жизненным реалиям того времени и сделать его приемлемым для целевой аудитории.

В языке НЗП можно выделить три группы форм гоноратива: собственно гоноративные (почтительные), депрециативные (скромные) и нейтральные. Гоноратив, как правило, касается:

а) глагольных словосочетаний в повелительном наклонении (3.1);

б) глаголов (и глагольных словосочетаний) в изъявительном наклонении, обозначающих такие обыденные действия как «говорить/сказать», «идти», «давать», «есть», «спать» и соответствующих им имен существительных (3.2–3.5);

в) отдельных имен существительных высокого стиля, не связанных с данными глаголами (3.6).

Ниже будут рассмотрены наиболее часто встречающиеся в НЗП случаи гоноратива.

3.1 Лексика повелительного наклонения

Повелительное наклонение (императив) выражает волеизъявление (приказ или просьбу), побуждая кого-либо к совершению определенного действия. Для смягчения категоричности формы второго лица единственного числа в повелительном наклонении при обращении к уважаемым лицам в НЗП широко используется глагол *soyirxaxi* ^{ሶይርክክ} / *soyorxoxi* ^{ሶይዮርክክ} (совр. *soйрхх*¹) ‘соблаговолить’, ‘соизволить’, ‘разрешить’ [КРСП 1911: 153; СЯОС 2001: 297]. Он, как правило, выполняет функцию вспомогательного глагола, сочетаясь с причастной формой основного, смыслового глагола². Так, в молитве Господней просьба, обращенная к Богу-Отцу о хлебе насущном (Мф 6:11), выражена следующим образом:

- (1) *mani ödör bolyon keregledeg xoto-tejili*
 наш день каждый необходимая пища
ene ödör-tü čigi mandu xayirāla-ji
 этот день-ТЕМР также нам даровать-ADV.ПТСР1
soyirxo-Ø
 соизволить-IMP.2SG

¹ Формы в скобках с пометкой совр. представляют собой написание в соответствии с современной орфографией.

² Значительно реже глагол *soyirxaxi* несет самостоятельную смысловую нагрузку в значении ‘даровать’, например, в Лк 7:21 и Гал 3:18.

БП: 'нашу необходимую на каждый день пищу соблаговолит даровать нам и сегодня'

СП: 'хлеб наш насущный дай нам на сей день'

GRK: 'τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον'

Один из учеников Иисуса обращается к Нему с просьбой в Мф 8:21:

- (2) *ezen a uridār... namayigi talbin*
господин VOC прежде меня отпустить-ADV.PTCP2
soyirxo-Ø
соизволить-IMP.2SG
БП: 'О, господин, прежде соизволь отпустить меня...'
СП: 'Господи! Позволь мне прежде пойти...'
GRK: 'Κύριε, ἐπίτρεψόν μοι πρῶτον...'

В притче о прощении долга раб умоляет царя (Мф 18:26):

- (3) *aya xān a külē-jī*
INTERJ царь VOC подождать-ADV.PTCP1
soyirxo-Ø
соизволить-IMP.2SG
БП: 'О, царь, соизволь подождать...'
СП: 'государь! потерпи на мне...'
GRK: 'Μακροθύμησον ἐλ' ἐμοί...'

В притче о десяти девах неразумные девы умоляют жениха (Мф 25:11):

- (4) *ezen a mandu öüdiün tayil-jī*
господин VOC нам дверь отворить-ADV.PTCP1
soyirxo-Ø
соизволить-IMP.2SG
БП: 'господин, соизволь отворить нам дверь'
СП: 'Господи! Отвори нам'
GRK: 'κύριε, ἄνοιξον ἡμῖν'

В повествовании о Благовещении (Лк 1:28) Ангел с почтением обращается к Марии:

- (5) *aya xayiran-du kürteqsen a*
 interj милость-DAT удостоившаяся voc
bayasu-n soyirxo-Ø
 радоваться-ADV.PTCP2 соизволить-IMP.2SG
 БП: ‘О, удостоившаяся милости! Соизволь радоваться!’
 СП: ‘радуйся, Благодатная!’
 GRK: ‘Χαῖρε, κεχαρισμένη’

Последний случай достаточно примечателен, поскольку статус Марии, «обретшей благодать у Бога», рассматривается выше статуса сверхъестественного существа — Ангела.

Во всех вышеприведенных примерах мы видим использование специальных вежливых форм глагола при непосредственном обращении нижестоящего лица к вышестоящему. Однако ни в исходном греческом тексте, ни в Синодальном переводе подобных глагольных форм нет: почтение выражается в основном использованием титулов «господин», «царь» при обращении к данным лицам.

В современном калмыцком языке для смягчения категоричности повелительного наклонения применяется следующее:

1) форма местоимения 2-го лица единственного числа *Ta* ‘Вы’, которая обычно сопровождается глагольным окончанием множественного числа *-тн*,

2) просительные формы глаголов с частицами *и*, *хн* [Санжеев 1983: 231];

3) выражение *буйн болтха* ‘пожалуйста’;

4) интонация.

Примечательно, что в языке НЗП местоимение *ta* и окончание глагола на *qtun* используется только для множественного числа, в отношении группы лиц, а при обращении к одному лицу, даже самому уважаемому, во всех случаях пишется местоимение *ĉi* ‘ты’. Возможно, данный парадокс

объясняется влиянием греческого текста-источника, а также славянского и русского переводов Библии, где и к Богу, и к царю обращаются на ‘ты’. В то же время, здесь, возможно, прослеживается влияние тибетских текстов, где к божествам тоже обращаются на ‘ты’.

Таковы типичные примеры использования гоноративной лексики НЗП в повелительном наклонении. Что касается оригинального текста НЗ, то, как видно из вышеприведенных примеров, глаголы греческого койне в повелительном наклонении не имеют особых форм вежливости.

3.2 Лексика говорения

Во многих языках такой глагол, как ‘говорить/сказать’ выражается разными формами в зависимости от сопровождающих речевую ситуацию оттенков категоричности, настойчивости, а также силы высказывания и др. Например, в английском языке имеется целый ряд глаголов, обозначающих словесную передачу мысли, с разными нюансами: *say, speak, tell, utter, affirm, assert, maintain, state, declare* и другие. В старокалмыцком языке существовали особые формы глагола ‘сказать’ для передачи иерархических отношений между адресантом и адресатом. Это — гоноративное выражение *zarliq bolxu*, depreciативные глаголы *ayil(a)dxaxu* и *yuyixu* и нейтральный глагол *kelekü*. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

1) Гоноративное выражение *zarliq bolxu* относится к мелиоративному типу уважительного отношения. Здесь имя существительное *zarliq* (совр. *зэрлэ*)³ означает ‘слово важного лица’, ‘приказ’, ‘повеление’, ‘указ’ [КРСП 1911: 261]. В НЗП выражение *zarliq bolxu* относится к словам Иисуса, пророков, говорящих от имени Бога, царей и господ.

³ Древняя форма этого слова — *jarliq*. Во времена Золотой Орды оно означало письменный указ, ханскую грамоту [Ушаков 1935–1940]. Со временем оно вошло в русский язык как ‘ярлык’ и, потеряв первоначальное значение, стало употребляться для обозначения этикетки, клейма, наклейки.

В Мф 3:15 речь Иисуса, обращенная к Иоанну Крестителю, представлена следующим образом:

- (6) *yisus inu yoʋan du xariu eyigejī*
 Иисус PERS.POS3 Иоанн DAT ответ так
zarliq bol-boi
 сказать.HON-PST
 БП: ‘Иисус, отвечая Иоанну, так велел’
 СП: ‘Но Иисус сказал ему в ответ’
 GRK: ‘ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Ἰησοῦς εἶπεν πρὸς αὐτόν’

Другой пример — слова пророка Господня в Мф 1:22:

- (7) *poropid yēr zarliq bolo-qsan inu*
 пророк INSTR сказать.HON-PTCP.PST PERS.POS3
bütü-kü boltuyai geji
 исполняться-PTCP.FUT становиться-ОПТ CONJ
 БП: ‘чтобы исполнилось сказанное через пророка’
 СП: ‘да сбудется реченное Господом через пророка’
 GRK: ‘ἵνα πληρωθῆ τὸ ῥηθὲν ὑπὸ κυρίου διὰ τοῦ προφήτου’

В притче о талантах слова господина к рабу выражены следующим образом (Мф 25:21):

- (8) *töüni ezen inu töündü eyigejī*
 его господин PERS.POS3 ему так
zarliq bol-boi
 сказать.HON-PST
 БП: ‘его господин так сказал ему’
 СП: ‘Господин его сказал ему’
 GRK: ‘ἔφη αὐτῷ ὁ κύριος αὐτοῦ’

В греческом тексте здесь не типичный глагол λέγω, а синонимичный ему φημί. Он часто используется при прямой речи, но также не содержит в себе идею гоноратива.

В отдельных случаях слово *zarliq* играет самостоятельную роль подлежащего или дополнения и несет основную смысловую нагрузку. Например, в Мф 15:3, в выражении *burxani zarliq* оно означает ‘заповедь (Божия)’. Предвечный Бог-Слово, воплотившийся для спасения человечества в лице Иисуса Христа, передан в Ин 1:1 именно термином *zarliq*:

- (9) *erte ekin dü zarliq bui bi-lē*
 прежде начало TEMP слово.HON есть AUX-PLUPRF
 БП: ‘Прежде, в начале, было Слово’
 СП: ‘В начале было Слово’
 GRK: ‘Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος’

2) Депрециативный глагол *ayil(a)dxaxi* ^{ⲁⲩⲓⲗⲁⲃⲭⲁⲭⲓ} (совр. *əəldəx*) ‘доводить до сведения’, ‘докладывать’ [КРСП 1911: 1; СЯОС 2001: 44]⁴ относится к пейоративному типу уважительного отношения: он как бы принижает статус говорящего. В НЗП глагол *ayiladxa* используется для обозначения почтительной речи младшего к старшему (как правило, по званию) или уважительной просьбы.

В повествовании об укрощении бури на море ученики будят Иисуса и почтительно обращаются к Нему (Мф 8:25):

- (10) *töüni šabi-nar inu ir-ēd töünīgi*
 его ученик-PL PERS.POS3 подойти-ADV.PTCP3 его
seriül-ji eyigeji ayiladxa-bai
 будить-ADV.PTCP1 так говорить.HBL-PST
 БП: ‘Его ученики, подойдя, разбудили Его и обратились [к Нему] так’
 СП: ‘ученики Его, подойдя к Нему, разбудили Его и сказали’
 GRK: ‘καὶ προσελθόντες ἤγειραν αὐτὸν λέγοντες’

⁴ Важно отличать каузативный глагол *ayil(a)dxaxi* от его некаузативного коррелята *ayiladxu*, означающего ‘знать’, ‘ведать’, [КРСП 1911: там же], а также ‘предсказывать’, ‘пророчествовать’ [СЯОС 2001: там же].

Подобным образом обращаются к Иисусу прокаженный (Мф 8:2), сотник (Мф 8:5), мать сыновей Зеведеевых (Мф 20:21) и ученики в Мф 26:17-18; впрочем, в последнем случае слова учеников выражают не просьбу, а, скорее всего, вопрос.

В качестве однокоренного имени существительного в старокалмыцком языке имеется депрециативное *ayil(a) dxal* ‘доклад’, ‘почтительная просьба’ [КРСП 1911: 1; СЯОС 2001: 44].

В НЗП встречается еще один депрециативный глагол: *yuuxu* ‘просить’, ‘умолять’ [СЯОС 2001: 107]. Так, в повествовании об исцелении бесноватого после того, как стадо свиней, объятых нечистыми духами, бросилось с крутизны в море и погибло, местные жители вышли и просили Иисуса, чтобы Он покинул их территорию (Мф 8:34):

(11) *töüni üz-ēd tedeni yazar-īn*
его видеть-ADV.PTCPЗ их земля-GEN
kizār-āsa yar-ād xayaca-xu-igi
граница-AVL выйти-ADV.PTCPЗ отойти-PTCP.FUT-ACC
yuuxu-bai
молить-PST

БП: ‘увидев Его, просили Его удалиться от их рубежей’

СП: ‘и, увидев Его, просили, чтобы Он отошел от пределов их’

GRK: ‘καὶ ἰδόντες αὐτὸν παρεκάλεσαν ὅπως μεταβῆ ἀπὸ τῶν ὀρίων αὐτῶν’

Этот же глагол используется в Мф 8:5, когда сотник, буквально ‘умоляя, обратился’ (*yuuxijī ayiladxabai*) к Иисусу с просьбой исцелить его слугу.

Однокоренное имя существительное *yuuyulʷa* встречается в 1 Тим 2:1 в значении ‘прошение’.

В греческом тексте НЗ здесь и в других подобных случаях используются аналогичные глаголы ἐρωτάω, παρακαλέω, δέομαι со значением ‘просить’, ‘умолять’.

3) Нейтральный глагол *kelekü* כִּלְכַל (совр. *келх*) ‘говорить’, ‘молвить’, ‘сказать’ [КРСП 1911: 281] не несет в себе идею уважительного отношения говорящего к субъекту высказывания. Он не имеет повелительного тона, впрочем иногда может содержать возражение, просьбу или указание.

Фарисеи обращаются к ученикам Иисуса в Мф 9:11:

- (12) *zügēr parisi-nar inu öüni üz-ēd*
 однако фарисей-PL PERS.POS3 это видеть-ADV.PTCP3
töüni šabi-nar tu eyigeji kele-bei
 его ученик-PL DAT так сказать-PST
 БП: ‘однако фарисеи, увидев это, сказали Его ученикам’
 СП: ‘Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его’
 GRK: ‘καὶ ἰδόντες οἱ Φαρισαῖοι ἔλεγον τοῖς μαθηταῖς αὐτοῦ’

Ангел обращается к пастухам в Лк 2:10:

- (13) *teyiküdü anggil inu tedendü kele-bei*
 тогда Ангел PERS.POS3 им сказать-PST
 БП: ‘Тогда Ангел им сказал’
 СП: ‘И сказал им Ангел’
 GRK: ‘καὶ εἶπεν αὐτοῖς ὁ ἄγγελος’

Ангел дает указание Иосифу в Мф 2:13:

- (14) *ezeni anggil inu yosib-īn zöüden*
 ГосподьGEN Ангел PERS.POS3 Иосиф-GEN CON
dü üze-gd-ēd eyigeji kele-bei
 DAT показать-PAS-ADV.PTCP3 так сказать-PST
 БП: ‘Господень Ангел, явившись во сне Иосифа, сказал’
 СП: ‘Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит’
 GRK: ‘ἄγγελος κυρίου φαίνεται κατ’ ὄναρ τῷ Ἰωσήφ λέγων’

Хананеянка мягко возражает Христу в Мф 15:27:

- (15) *tere eme inu eyin ezen*
 эта женщина PERS.POS3 так господин
a... geji kele-qsen dii
 VOC... CONJ сказать-PTCP.PST DAT
 БП: ‘Эта женщина «Так, Господин!..» — сказав’
 СП: ‘Она сказала: так, Господи! но и ...’
 GRK: ‘ἡ δὲ εἶπεν, Ναὶ κύριε, καὶ ἅρ ...’

В последнем случае младшая по статусу как бы возражает старшему, поэтому переводчик намеренно избегает depreciативного глагола *ayil(a)dxaxi* и использует нейтральный глагол *kelekii*.

Таким образом, на основе вышеприведенных примеров мы выявили трехчастное деление гоноративной лексики говорения в языке НЗП: на собственно гоноративную, depreciативную и нейтральную, каждую группу со своими особенностями. В греческом тексте НЗ лексика говорения выражена: а) чаще всего нейтральными глаголами λέγω, φημί ‘говорить’, ‘сказать’ и их производными, например страдательным причастием прошедшего времени (аориста) ῥηθὲν ‘сказанный’ (СП в последнем случае использует форму высокого стиля ‘реченное’); б) глаголами ἐρωτάω, παρακαλέω, δεόμεαι, непосредственно передающими просьбу или мольбу.

3.3 Лексика движения

Гоноративная лексика движения представлена глаголами со значением ‘приближаться’, ‘удаляться’, ‘шествовать’ с характерным указанием на важных лиц. При этом роль мелиоративного компонента нередко выполняет вспомогательный глагол или наречие.

В НЗП встречается вспомогательный глагол мелиоративного типа *zalaraxi* ܙܠܪܚܝܐ (совр. *залрх*) в разных значениях: ‘пожаловать’, ‘удостоить своим посещением’,

‘шествовать (о высокопоставленных лицах)’ [СЯОС 2001: 150]. Точное значение выражений с глаголом *zalaraxu* зависит от основного, смыслового, глагола, например с глаголом *yabuxu* ‘идти’ все выражение будет пониматься как: ‘шествовать’; с глаголом *odxu* ‘отправляться’: ‘торжественно отправляться’; с глаголом *siuxu* ‘сидеть’: ‘воссесть’.

В Мф 4:12 Иисус, избегая нежелательных встреч, уходит в Галилею:

- (16) *yisus inu yaliliya yazar-tu*
 Иисус PERS.POS3 Галилея земля-DAT
zalaria-ji od-boi
 шествуя-ADV.PTCP1 отправляться-PST
 БП: ‘Иисус... шествуя, ушел в землю/местность Галилею’
 СП: ‘Иисус... удалился в Галилею’
 GRK: ‘...ἀνεχώρησεν εἰς τὴν Γαλιλαίαν’

В подобной ситуации в Мф 12:14 используется другой гоноративный глагол: *xaxasaхи* (совр. *xaxux*) ‘отделяться’, ‘разлучаться’ [КРСП 1911: 76]:

- (17) *xarin yisus inu öüni med-ēd*
 но Иисус PERS.POS3 этого узнать-ADV.PTCP3
tendēse xaxasa-bai
 оттуда отойти.NON-PST
 БП: ‘но Иисус, узнав об этом, отошел оттуда’
 СП: ‘Но Иисус, узнав, удалился оттуда’
 GRK: ‘Ο δὲ Ἰησοῦς γνοὺς ἀνεχώρησεν ἐκεῖθεν’ (ст. 15)

Этот же глагол используется в Мф 8:34, где жители Гергесинской страны просят Иисуса, ‘чтобы Он отошел от пределов их’ (см. пример 11). В других случаях, когда речь идет о простых людях, используется типичный глагол

odxu ἄρῳαῖ ‘отправляться’ [КРСП 1911: 31], например в Мф 13:25; 22:22; Лк 10:30.

В НЗП также встречается гоноративное выражение в значении движения — *ōdō bolxu* ἄρῳαῖ ἄρῳαῖ (совр. *өөд болх*) ‘идти’, ‘отправляться (о важных лицах)’ [КРСП 1911: 39], где наречие *ōdō* ἄρῳαῖ означает ‘кверху’, ‘наверх’ [КРСП 1911: там же]. Аналогом данного выражения в СП нередко является архаичный глагол *грядет* (от слав. *грати*).

Исполняющееся наяву пророчество о пришествии Христа-Царя описано в Мф 21:5 следующим образом:

- (18) *čini xān inu čimadu ōdō bolo-n*
 твой царь PERS.POS3 к-тебе идти.HON-ADV.PTCP2
ire-jī bayi-nai
 прийти-ADV.PTCP1 AUXPRS
 БП: ‘твой Царь (торжественно) идет к тебе’
 СП: ‘се, Царь твой грядет к тебе’
 GRK: “Ἰδοὺ ὁ βασιλεὺς σου ἔρχεται σοί”

В то же время будущее пришествие Христа представлено в Откр 1:7 так:

- (19) *tere inu öülen dēre ōdō bol-jī*
 он PERS.POS3 облако на идти.HON-ADV.PTCP1
irenei
 прийти-PRS
 БП: ‘Он на облаках торжественно идет’
 СП: ‘Се, грядет с облаками’
 GRK: “Ἰδοὺ ἔρχεται μετὰ τῶν νεφελῶν”

Когда речь идет о непосредственном движении вверх, восхождении, в НЗП используется глагол *deqdekü* ἄρῳαῖ ‘подниматься вверх’, ‘взлетать’ [СЯОС 2001: 121]. В Ин 20:17 Иисус так говорит о своем восхождении на небо к Богу-Отцу:

- (20) *bi mini ecege dü deqde-ji*
 я мой отец DAT подниматься-ADV.PTCP1
yar-ād ügei bui
 AUX-ADV.PTCP3 NEG есть
 БП: 'Я еще не восшел к Моему Отцу'
 СП: 'Я еще не восшел к Отцу Моему'
 GRK: 'οὐπω γὰρ ἀναβέβηκα πρὸς τὸν πατέρα'

Во второй части этого отрывка глагол *deqdekü* используется вместе с гоноративным выражением *ḏḏö bolxu*:

- (21) *mini burx-an du bolöd tani burx-an du*
 мой бог-REFL DAT и ваш бог-REFL DAT
čigi deqde-ji ḏḏö bolo-nai bi
 также подниматься-ADV.PTCP1 идти.HON-PRS я
 БП: 'Я восхожу к моему Богу и вашему Богу'
 СП: 'восхожу... к Богу Моему и Богу вашему'
 GRK: 'Ἀναβαίνω πρὸς τὸν... θεόν μου καὶ θεὸν ὑμῶν'

Однако глагол *deqdekü* сам по себе не является гоноративным, поскольку он используется и в отношении обычных вещей, например в Откр 14:11 говорится о «дыме мучения», который будет «восходить» (*deqdejü yarxu*)⁵ «во веки веков».

Таким образом, мы рассмотрели встречающиеся в НЗП случаи гоноративной лексики движения. В описанных выше примерах данная лексика, как правило, относится ко Христу. В тексте НЗ на греческом языке ей соответствуют глаголы ἔρχομαι 'приходить', 'идти', ἀναχωρέω 'уходить', 'удаляться', 'избегать' и ἀναβαίνω 'идти вверх', 'подниматься', ни один из которых не несет в себе признаков гоноратива. СП с его тенденцией к высокому стилю передает некоторые из этих глаголов архаичными формами 'грядет', 'восшел', 'удалился'.

⁵ Тем не менее, в современном калмыцком языке данный глагол относится, скорее всего, к разряду устаревших.

3.4 Лексика, связанная с принятием пищи

Гоноративная лексика, связанная с принятием пищи в основном представлена глаголом *zōqloxi* ᠵᠣᠷᠯᠣᠰᠢ (совр. *зооглх*) ‘кушать’, ‘отведывать’ [КРСР 1911: 268; СЯОС 2001: 161], а также некоторыми именами существительными высокого стиля.

Принятие пищи Иисусом и Его учениками во время Тайной вечери описывается следующим образом в Мк 14:18:

- (22) *tende tedeni zōqlo-ji sui-tala-ni*
 там их вкушать-ADV.PTCP1 сидеть-TERM-PERS.POS3
 БП: ‘пока они там, вкушая, сидели’
 СП: ‘И, когда они возлежали и ели’
 GRK: ‘καὶ ἀνακειμένων αὐτῶν καὶ ἐσθιόντων’

Наряду с глаголом *zōqloxi* в НЗП встречаются имена существительные для обозначения пищи, которые можно отнести к словам высокого стиля: *idēn* ᠶᠳᠡᠨ (совр. *идэн*) и *tejil* ᠲᠡᠵᠢᠯ (совр. *тежал*) — по сравнению с более обычным словом *xoto* ᠬᠣᠲᠤ (совр. *хот*).

В Ин 4:32 Иисус говорит аллегорически о Своей пище, подразумевая возложенную на Него миссию исполнения воли Своего небесного Отца:

- (23) *nanda ide-kü idē bayi-nai*
 у-меня кушать-PTCP.FUT пища.HON иметься-PRS
 БП: ‘у меня есть пища’
 СП: ‘у Меня есть пища’
 GRK: ‘Ἐγὼ βρῶσιν ἔχω φαγεῖν’

В Ин 6:48-58, где Иисус аллегорически говорит о Себе как о хлебе (ἄρτος) и пище (βρῶσις), переводчик использует другое, синонимичное слово, а именно *tejil*:

- (24) *mini taxa inu mayad tejil*
 моя плоть PERS.POS3 действительно пища.HON
mōn
 AFF
 БП: ‘Мое тело действительно есть пища’
 СП: ‘Плоть Моя истинно есть пища’
 GRK: ‘ἡ γὰρ σὰρξ μου ἀληθῆς ἐστὶν βρῶσις’

Таковы примеры гоноративной лексики НЗП, имеющей отношение к пище и ее принятию. В соответствующих местах текста НЗ на греческом языке глагол ἐσθίω означает ‘есть’, ‘съесть’, а имя существительное βρῶσις ‘еда’, ‘приятие пищи’, но ни то, ни другое не относится к гоноративному типу.

3.5 Лексика отдыха и покоя

Лексика, связанная с отдыхом и покоем, в НЗП представлена в основном глаголом *noyirsoxi* ἵπτα (совр. *нөөрсх*) ‘почивать’, ‘спать’ [КРСП 1911: 68].

В повествовании об укрощении бури на море (Мф 8:24) об Иисусе говорится следующее:

- (25) *xarin tere inu noyirso-qson bi-lei*
 а он PERS.POS3 спать.HON-PTCP.PST AUX-PLUPRF
 БП: ‘а Он почивал’
 СП: ‘а Он спал’
 GRK: ‘αὐτὸς δὲ ἐκάθευδεν’

В случаях с обычными людьми используется типичный глагол *untaxu* ἕπτα (совр. *унтх*) ‘спать’, ‘засыпать’ [КРСП 1911: 46]. В качестве примера можно привести место из Мф 28:13, где первосвященники и старейшины в попытке скрыть правду о воскресении Христа дают воинам следующее указание:

- (26) *bide sō unta-qsan caq-tu töüni*
 мы ночью спать-PTCP.PST время-TEMP его
šabi-nar ni ir-ēd
 ученик-PL PERS.POS3 прийти-ADV.PTCP3
ükü-qsen coqco ba-yēgi-ni
 умереть-PTCP.PST тело-ACC-PERS.POS3
xulaxayil-ji abu-bai geji kele-qtün
 украсть-ADV.PTCP1 AUX-PST CONJ сказать-IMP.2PL
 БП: ‘скажите, что в то время, когда мы ночью спали,
 Его ученики, придя, украли Его мертвое тело’
 СП: ‘скажите, что ученики Его, придя ночью, украли
 Его, когда мы спали’
 GRK: ‘Εἶπατε ὅτι Οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ νυκτὸς ἐλθόντες
 ἔκλεψαν αὐτὸν ἡμῶν κοιμωμένων’

Как и в случае с лексикой, имеющей отношение к пище и ее принятию, в тексте НЗ на греческом языке отсутствуют особые гоноративные формы для обозначения сна или покоя. Глагол *καθεύδω* означает обычное действие ‘спать’, ‘засыпать’; впрочем, иногда он может употребляться в качестве эвфемизма в значении ‘умереть’ (1 Фес 5:10). Напротив, в тексте НЗП содержится, по крайней мере, один гоноративный глагол для обозначения сна старшего по статусу лица.

3.6 Отдельные имена существительные гоноративного типа

В НЗП встречаются отдельные имена существительные гоноративного типа, не связанные напрямую с глаголами, описанными в представленных выше пунктах. Наиболее типичные из них приведены в таблице:

Марии, матери Иисуса Христа (Мф 1:23), о дочери уважаемого израильтянина, например начальника синагоги (Мф 9:18; Лк 8:41-42), или если женщина, упоминаемая как чья-либо дочь, уже в возрасте (пророчица Анна в Лк 2:36). В других случаях прослеживается тенденция к использованию более обычного слова *küüken* (Мф 10:35, 37; 14:6; 15:22, 28; Лк 13:16; Евр 11:24).

Для обозначения руки (рук) Господа используется слово *motor* , например в случае, когда Иисус благословил детей, возложив на них руки (Мф 19:15). В Откр 1:16 подобный Сыну Человеческому держит в Своей деснице (*baruun motor*) семь звезд. То же выражение находится в Откр 5:1, где Сидящий на престоле держит в деснице книгу. В других случаях 'рука' переводится обычным словом *yar* (Мф 5:30; 6:3; 26:45).

В калмыцком языке имеется несколько слов для обозначения пищи: *xoto* , 'пища', 'корм' [КРСП 1911: 92], *tejil* , 'пища' [КРСП 1911: 190], парное выражение, состоящее из этих слов *xoto tejil* (иногда *tejil xoto*), *ideñ* , 'пища, яства' [КРСП 1911: 25]. В НЗП непросто выявить особую закономерность употребления этих слов. Тем не менее, прослеживается некоторая тенденция к использованию слов *ideñ* и *tejil* там, где речь идет о духовной пище или о пище в более высоком стиле (кушанье, яства), например в рассмотренных в п. 3.4 примерах 23 и 24, а также в Евр 5:12, 14 и в 1 Кор 8:8.

3.7 Сводная таблица гоноративной лексики

Рассмотренные в данной статье случаи гоноративной лексики старокалмыцкого языка, используемые в НЗП, целесообразно свести в таблицу:

Таблица 2.
Гоноративная лексика НЗП

Гоноративные (мелиоративный тип)	Нейтральные	Депрециативные (пейоративный тип)
<i>soyirxaxu/soyorxoxu</i>	<i>(простой императив)</i>	–
<i>zarliq</i>	<i>üge</i>	<i>ayil(a)dxal</i>
<i>zarliq bolxu</i>	<i>kelekü</i>	<i>ayil(a)dxaxu, yuüixu, yuüulüa</i>
<i>zalaraxu</i>	–	–
<i>xayacaxu</i>	<i>odxu</i>	–
<i>ǰǰǰ bolxu</i>	<i>irekü</i>	–
<i>zǰqloxi</i>	<i>idekü</i>	–
<i>idēn, tejil</i>	<i>xoto</i>	–
<i>noyirsoxu</i>	<i>untaxu</i>	–

Как видно из таблицы, не у каждой гоноративной формы имеется соответствующая нейтральная или депрециативная. Депрециативных форм в текстах НЗП обнаружено немного: по-видимому, они вообще встречались нечасто в старокалмыцком языке. Основной контраст составляют гоноративные и нейтральные формы. В современном калмыцком языке сохранились и широко используются в основном нейтральные формы. Гоноративные и депрециативные формы малоизвестны или полностью забыты.

7. Выводы

Настоящее исследование позволило выявить часть пласта гоноративной лексики старокалмыцкого языка на примере перевода Нового Завета А. М. Позднеева. Были проанализированы наиболее характерные случаи общения людей разного социального статуса, а также случаи общения людей и сверхъестественных существ, зафиксированные в Новом Завете.

При сравнении языка перевода (старокалмыцкого) с языком оригинала (греческим-койне) было обнаружено, что гоноратив более явно представлен в первом. Гоноратив в старокалмыцком языке НЗП выражен на уровне специальных лексических единиц (глаголов и имен существительных) и словосочетаний, в то время как в греческом-койне он проявляется в основном лишь при обращении к конкретному лицу с использованием титулов ‘господин’, ‘учитель’, глаголами со значением ‘просить’ (ἐρωτάω, παρακαλέω, δεόμεν) и некоторыми прагматическими чертами, присущими греческому тексту-источнику. Кроме того, в старокалмыцком языке НЗП присутствуют три группы гоноративных форм: собственно гоноративные (почтительные), депрециативные (скромные) и нейтральные; все три вида широко используются в тексте НЗП.

Частотное употребление гоноративной лексики в тексте НЗП свидетельствует о том, что Позднеев и его сотрудники применяли при переводе метод доместикации, делая новозаветный текст более привычным для калмыцкой аудитории своей эпохи. Данный факт является примечательным, учитывая, что в рассматриваемую эпоху в переводе Библии преобладал, как правило, буквалистский подход.

Мы надеемся, что это краткое исследование небольшой части старокалмыцкой лексики внесет свою лепту в дело сохранения и обогащения современного калмыцкого языка, вызовет интерес к языку у его носителей и побудит к дальнейшим изысканиям в области калмыковедения.

Условные сокращения

БП	— буквальный перевод старокалмыцкого текста
НЗ	— Новый Завет
СП	— Русский синодальный перевод Библии
Ø	— нулевая морфема

1, 2, 3	— 1, 2, 3 лицо
ABL	— аблатив
ACC	— аккузатив
ADV.PTCP1	— деепричастие1 (соединительное)
ADV.PTCP2	— деепричастие2 (слитное)
ADV.PTCP3	— деепричастие3 (разделительное)
AFF	— аффирмативная (утвердительная) частица
AUX	— вспомогательный глагол
CONJ	— союз
DAT	— датив
GEN	— генитив
HBL	— показатель депрециативности (скромности)
HON	— гоноративная форма
IMP	— императив
INSTR	— инструменталис
INTERJ	— междометие
NEG	— отрицание
OPT	— оптатив
PAS	— пассивный залог
PERS.POS	— лично-притяжательная частица
PL	— множественное число
PLUPRF	— плюсквамперфект
PRS	— настоящее время
PST	— прошедшее время
PTCP.FUT	— причастие будущего времени
PTCP.PST	— причастие прошедшего времени
REFL	— возвратная частица
SG	— единственное число
TEMP	— временной падеж
TERM	— предельное деепричастие (терминативный маркер)
VOC	— вокатив

Литература

Бадгаев Н. Б. Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Oriental Studies* (Вестник КИГИ РАН), 2014, 4, 113–118.

Бембеев Е. В. Буддийская устаревшая лексика калмыцкого языка (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // *Oriental Studies*, 2016, 4, 112–120.

Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.

Котвич В. Л. Опыт грамматики разговорного калмыцкого языка. Прага, 1929.

КРС — *Муниев Б. Д.* (ред.) Калмыцко-русский словарь. Москва, 1977.

КРСП — *Позднѣевъ А.* (сост.) Калмыцко-русский словарь. С.-Петербургъ, 1911.

Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гуудл») // *Монголоведение*, 2011, 5, 193–198.

НЗП — Новый Завьтъ Господа и Спаса Нашего Иисуса Христа, томъ первый / С греческаго подлинника на калмыцкий язык перевелъ Алексѣй Позднѣевъ. Издано иждивениемъ Великобританскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества. Санктпетербургъ, 1895.

Перевод Библии на калмыцкий язык. [Электронный ресурс]. <https://ibt.org.ru/ru/projects?id=KAL> (дата обращения: 19.02.2020)

РКС — *Илишкин И. К.* (ред.) Русско-калмыцкий словарь. Москва, 1964.

Санжеев Г. Д. (отв. ред.) Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста, 1983.

СЯОС — *Тодаева Б. Х., Пюрбеев Г. Ц.* (отв. ред.) Словарь языка ойратов Синьцзяна (По версиям песен «Джангара» и полевым записям автора). Элиста, 2001.

Ушаков Д. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка. Москва, 1935–1940.

Шин Бооцан (Новый Завет на калмыцком языке). Москва, 2002.

Adelung J. Ch. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Vol. 1, 1806, 507–508.

Dalton H. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands. 1870, 57.

GRK — The Greek New Testament, 4th Revised Edition. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft / United Bible Societies, 2001.

References

Adelung J. Ch. Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Vol. 1, 1806, 507–508.

Badgaev N. B. Religioznaya leksika v kalmytskom geroicheskom epose «Dzhangar» // Oriental Studies (Vestnik KIGI RAN), 2014, 4, 113–118. (In Russ.)

Bembeev E. V. Buddiiskaya ustarevshaya leksika kalmytskogo yazyka (na materiale Natsional'nogo korpusa kalmytskogo yazyka) // Oriental Studies, 2016, 4, 112–120. (In Russ.)

Bobrovnikov A. Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka. Kazan', 1849. (In Russ.)

Dalton H. Das Gebet des Herrn in den Sprachen Russlands. 1870, 57. (In Russ.)

GRK — The Greek New Testament, 4th Revised Edition. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft / United Bible Societies, 2001

Kotvich V. L. Opyt grammatiki razgovornogo kalmytskogo yazyka. Praga, 1929. (In Russ.)

KRS — *Muniev B. D.* (red.) Kalmytsko-russkii slovar'. Moskva, 1977. (In Russ.)

KRSP — *Pozdneev A.* (sost.) Kalmytsko-russkii slovar'. S.-Peterburg", 1911. (In Russ.)

Mulaeva N. M., Bachaeva S. E. Arkhaizmy, istorizmy i religioznaya leksika v kalmytskom yazyke (na materiale romana

A. Badmaeva «Arnzlyn guudl») // Mongolovedenie, 2011, 5, 193–198. (In Russ.)

NZP — Novyi Zavt" Gospoda i Spasa Nashego Iisusa Khrista, tom" pervyi / S grecheskago podlinnika na kalmytskii yazyk perevel" Aleksĭi Pozdnĕev". Izdano izhdiveniem" Velikobritanskago i Inostrannago Bibleiskago Obshchestva. Sanktpeterburg", 1895. (In Kalmyk)

Perevod Biblii na kalmytskii yazyk. [Elektronnyi resurs]. <https://ibt.org.ru/ru/projects?id=KAL> (data obrashcheniya: 19.02.2020) (In Russ.)

RKS — *Ilishkin I. K.* (red.) Russko-kalmytskii slovar'. Moskva, 1964. (In Russ.)

Sanzheev G. D. (otv. red.) Grammatika kalmytskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Elista, 1983. (In Russ.)

Shin Bootsan (Novyi Zavet na kalmytskom yazyke). Moskva, 2002. (In Kalmyk)

SYaOS — *Todaeva B. Kh., Pyurbeev G. Ts.* (otv. red.) Slovar' yazyka oiratov Sin'tszyana (Po versiyam pesen «Dzhangara» i polevym zapisyam avtora). Elista, 2001. (In Russ.)

Ushakov D. N. (red.) Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Moskva, 1935–1940. (In Russ.)

Кондаков Александр
Институт перевода Библии
Москва, Россия
Kondakov Alexander
Institute for Bible Translation
Moscow, Russia
linguo25@yahoo.com

Римма Дмитриевна Куруч
(1938–2019)¹
Rimma Dmitrievna Kuruch (1938–2019)

Русслер М.

Rießler M.

Римма Дмитриевна Куруч (1938–2019) была первопроходцем в языковом планировании кильдинского саамского языка. Вместе с коллегами, носителями саамского языка, она разработала и описала правила современных стандартов орфографии, организовала обучение в начальной школе и опубликовала наиболее полный современный словарь письменного кильдинского саамского языка.

Ключевые слова: Римма Дмитриевна Куруч, языковое планирование, кильдинский саамский язык, стандарты орфографии, словарь кильдинского саамского языка

Rimma Dmitrievna Kuruch (1938–2019) was the pioneer of language planning for Kildin Saami. Together with several native Saami colleagues, she worked out and described the rules defining the current orthographic standard, established teaching in primary schools and published the most comprehensive, up-to-date dictionary of Standard Written Kildin Saami.

Key words: Rimma Dmitrievna Kuruch, language planning, Kildin Saami, orthographic standard, dictionary of Standard Written Kildin Saami

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-219-229

¹ Перевод сделан Марией Фединой. Оригинальная версия опубликована в журнале *Linguistica Uralica* 56 (3), 2020.

Почти год назад, 8 июля 2019 г., Римма Дмитриевна Куруч², первопроходец в языковом планировании и ревитализации кильдинского саамского языка, скончалась в Мурманске.

Римма Куруч родилась 6 мая 1936 г. в деревне Балово Вачского района Нижегородской области. Она изучала русский язык, литературу и английский язык в Бельцком государственном педагогическом институте (ныне — Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо) в бывшей Молдавской ССР. В 1961 г. она окончила университет, получив специальность «учитель», и, прежде чем продолжить свое педагогическое образование, работала в сельских школах в Молдавии. В 1967 г. она защитила кандидатскую диссертацию в Институте национальных школ Академии педагогических наук СССР (ныне — Российская академия образования) и в 1968 г. начала работать научным сотрудником в Черновицком государственном университете (ныне — Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича) на Украине. Она стала доцентом в том же университете в 1971 г., однако в 1975 г. переехала в Мурманск. Там она начала работать заведующей кафедрой русского языка и литературы Мурманского государственного педагогического университета (ныне — Мурманский арктический государственный университет). Позже она работала в Мурманском высшем инженерно-морском училище (ныне — Мурманский государственный технический университет).

Мне, к сожалению, неизвестны подробности ранних этапов педагогической карьеры Куруч, а также точная хронология ее жизни и работы в Мурманске³. Также неясно, как и когда она заинтересовалась изучением саами. По словам

² См. <https://www.wikidata.org/wiki/Q12718004> с открытой библиографической информацией, включая ссылки на Wikipedia и Wikimedia Commons.

³ В дополнение к различным веб-сайтам и мурманским интернет-газетам, я использую здесь информацию, которую Римма Куруч прислала мне по электронной почте 27 июня 2015 года.

историка Максима Кучинского (личный разговор, январь 2020 г.), возможно, Куруч была официально делегирована на работу в Мурманск из-за ее специализации в преподавании русского языка в нерусских национальных школах и ее практического опыта, полученного во время работы в нерусской языковой среде в Молдавии и Западной Украине. Кроме того, Кучинский считает, что, возможно, известный этнолог и лингвист Захарий Черняков (1900–1997) познакомил Куруч с саамскими исследованиями [Кучинский 2012: 84]. Как статистик и специалист по языковому планированию по языкам этнических меньшинств, Черняков проводил исследования среди различных нерусскоговорящих народов по всему Советскому Союзу. С такой же целью в 1975 г. он посетил Кольский полуостров⁴.

В 1975 г. Куруч навсегда поселилась в Мурманске. Вскоре после этого в Мурманской секции по образованию национальных меньшинств был создан рабочий авторский коллектив для развития двуязычного образования саамов, во главе которого стояла сама Куруч. Чиновник в сфере народного образования из Мурманской области Борис Глухов (1923–2019) и две представительницы саамской интеллигенции — Александра Антонова (1932–2014) и Октябрина Воронова (1934–1990) — входили в состав коллектива в качестве соавторов [см. Еек 1984]. Антонова и Воронова окончили Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) и работали местными учителями русского языка и литературы. В 1976 г. авторский коллектив официально ввел преподавание родного языка в программу так называемой национальной школы-интерната в Ловозеро, куда большинство местных саамских семей отправляло учиться своих детей и где Антонова работала

⁴ В соответствии с http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ЧЕРНЯКОВ_Захарий_Ефимович

директором. Сама Куруч так описывает начало своего новаторского исследования саамов:

«Когда в 1975 году я приехала в Мурманск... как филолог, я видела, что дети, обучающиеся на русском, сохраняют в своем менталитете структуру родного языка, то есть думают-то они по-саамски. Тогда и собралась группа энтузиастов из саамской интеллигенции, которая начала работать над саамским алфавитом, букварем и словарем. <...> Когда мы начинали, вопрос возрождения и сохранения языков коренных малых народов не имел государственного звучания, но реальную поддержку мы находили» [Денисенко 2003].

Относительно подробное описание того, как в России в 1970-х гг. было организовано образование саамов, можно найти в статье в финской газете *Lapin kansa* от 1977 года [Куруч 1977] (основные тезисы ее статьи были изложены на норвежском языке в исследовании [Utvik 1985]). В ней описываются идеи о двуязычии и двуязычном образовании, которые были новаторскими даже в среде саамов, проживающих в скандинавских странах. У меня вызывает удивление, что некоторые современные исследования билингвизма саамов и ревитализации языка в России не уделяют должного внимания роли Куруч, а вместо этого датируют начало этой работы более поздним сроком или приписывают инициативу начала этой работы другим лицам. Сравним, например, заявление от 2011 г. о том, что активизация ревитализации кильдинского саамского языка началась «в последние годы»⁵ [Scheller 2015: 476].

Уже в 1970-х годах Антонова организовывала общества по изучению саамов, а Черняков познакомил ее с Куруч. Но только после научно обоснованной инициативы,

⁵ «De senaste åren har en kildinsamisk revitaliseringsprocess startat i Lovozero».

с которой выступила Куруч, началось систематическое и институционализированное языковое планирование по кильдинскому саамскому языку. Результаты этой инициативы были существенными. Благодаря созданию нового алфавита для кильдинского саамского языка, стандартизации его использования в соответствии с морфонологическими правилами языка и адаптации словарного запаса к потребностям современного общества были выполнены наиболее важные требования для эффективного корпусного планирования языка. Более того, с целью создания учебных материалов, методов обучения и методических рекомендаций было организовано сотрудничество с правительственными организациями. В отличие от интенсивной, но недолгой работы по языковому планированию по саамскому языку в 1930-х гг., которая не принесла саамам Советского Союза устойчивых результатов, работа Куруч и ее соавторов продолжает оказывать влияние даже сегодня. Некоторые современные языковые активисты, учителя и авторы, пишущие на кильдинском саамском языке (например, Екатерина Мечкина (род. 1934), Нина Афанасьева (род. 1939), Екатерина Коркина (род. 1943), Эльвира Галкина (род. 1965), вместе с уже упомянутой Александрой Антоновой) были либо связаны с авторским коллективом, либо тем или иным образом вовлечены в его работу, получая там знания и опыт. Относительно большое число литературных текстов и других материалов, распространяемых в печатном или электронном виде в течение последнего десятилетия, использует орфографический стандарт (или его варианты), разработанный и закрепленный с 1975 г. Все прикладные научные инициативы, которые в настоящее время реализуются в сотрудничестве с представителями кольских саамов в лингвистической и учебно-методической сферах, строятся на основе работ, начатых Куруч.

В 1988 г. Президиум АН СССР решил организовать «Сектор лингвистических проблем финно-угорских народностей

Крайнего Севера Института языкознания» в Мурманске⁶, руководителем которого стала Куруч. До середины 1990-х годов специалисты по языковому планированию по кильдинскому саамскому языку, работавшие с Куруч, опубликовали целый комплекс учебников и дидактических руководств (для 1–3 классов), литературные тексты для чтения и другие материалы. Среди последних — универсальный словарь кильдинского саамского-русского языка 1985 г., редактором и одним из соавторов которого была Куруч. Именно благодаря этому словарю Куруч стала известна в области саамской лингвистики. Это был один из первых универсальных двуязычных словарей для одного из современных письменных стандартных саамских языков (см. также отзывы Клауса [1987] и Бартенс [Bartens 1988]). Ни один из более поздних словарей кильдинского саамского языка, составленных под руководством Керта [1986], Саммаллахти и Хворостухиной [1991] и Антоновой [2014] не достигли лексикографической и грамматической последовательности и описательного значения, присущих словарю 1985 г. В дополнение к трудам в сфере образования и лексикографии, Куруч также публиковала научные работы по фонетике и морфологии кильдинского саамского языка, написала краткое пособие по грамматике и в соавторстве составила подробное описание принципов, лежащих в основе орфографии и пунктуации кильдинского саамского языка [Куруч, Афанасьева и Виноградова 1995].

К сожалению, авторский коллектив, возглавляемый Куруч, был расформирован в 1990 г. Различные источники и свидетели упоминают отсутствие административной и финансовой поддержки после распада Советского Союза в качестве основных причин для прекращения работы коллектива. Согласно Рантала [Rantala 1994: 202], сама Куруч покинула коллектив, так как занялась частным бизнесом.

⁶ В соответствии с информационной системой «Архивы РАН», см. <http://isaran.ru/>.

В этот же период возникли первые политические движения кольских саамов. Участие Куруч в этих движениях не удивительно, учитывая ее энтузиазм как ученого и саамского языкового работника и неразрывную связь между этническим возрождением кольских саамов и языковым активизмом. Например, в 1990 г. Куруч была в числе трех официальных представителей саамов на 2-й Международной конференции женщин коренных народов в Карасйоке. Она также сыграла важную роль в создании Ассоциации кольских саамов, первой политической организации саамов в России, которая сегодня является членом Совета саамов (более подробно описано в работе [Overland, Berg-Nordlie 2012: 94–95]). Когда в 1989 г. была основана Ассоциация, Куруч была даже избрана ее вице-президентом. После этого она также участвовала в различных саамских мероприятиях [там же: 96–97], которые были неоднозначно восприняты отдельными представителями кольско-саамского общества. Вместе с этим, конфликт, связанный с курсом языкового планирования, в котором Куруч и ее бывшая коллега Александра Антонова были основными антагонистами, поляризовал кольских саамов. Эти конфликты были, вероятно, главной мотивацией для Куруч оставить саамские исследования и вместо этого начать работать в российских политических партиях и общественных организациях.

Я познакомился с Риммой Куруч во время моей первой поездки на Кольский полуостров зимой 2004 г. Нас познакомила Нина Афанасьева. Я помню, как мы втроем пили чай в кабинете Куруч в подвальном помещении «Партии пенсионеров» (Куруч возглавляла местный комитет партии в Мурманске) в Терском переулке и обсуждали интересующие меня вопросы морфологии и синтаксиса кильдинского саамского языка. Позже я несколько раз либо встречался с Куруч, либо слушал речи, которые она произносила во время официальных саамских мероприятий или собраний в Мурманске.

Несмотря на свои профессиональные обязанности за пределами саамских исследований, бывший исследователь

продолжала активно заниматься саамским языком. Уже в конце 1990-х гг. она общалась со специалистами по языковым технологиям из Финляндии, Норвегии и Великобритании с целью заложить основу для будущей цифровой работы с языковым планированием. В результате, символы кириллического саамского языка были добавлены в стандарт Unicode, а в саамском издательстве Davvi Girji специально для кильдинского саамского языка были созданы новые шрифты [Everson 1999; Кучинский 2012: 92]. Ее движущей силой, согласно ее собственным комментариям, которые она высказала в моем присутствии, и подтвержденными Ниной Афанасьевой и другими ее бывшими коллегами, была острая необходимость в русско-кильдинском саамском словаре. Отсутствие этого ресурса, который первоначально планировалось выпустить в качестве второго словаря авторского коллектива, имеет очевидные последствия для обучения и использования кильдинского саамского языка и сегодня. Это можно увидеть, например, в опубликованных в последнее время литературных текстах, словарях и учебных материалах, подготовленных новым поколением авторов и корректоров, недостаточно последовательных в орфографии.

Последней инициативой Куруч по созданию новой рабочей инфраструктуры и поиску материальной поддержки для создания этого словаря стало создание «Лаборатории саамского языка» в Арктическом центре научных исследований и экспертизы (независимой некоммерческой организации, которая также опубликовала словарь Антоновой в 2014 г.) в Мурманске в 2015 г. К сожалению, этот проект не принес значительных результатов.

В 2010 г. Российская ассоциация коренных народов Севера (РАЙПОН) наградила Римму Куруч медалью «За верность Северу», таким образом признав ее работу важной для саамского народа. Ее достижения в создании системы правописания кильдинского саамского языка и в организации образования на родном языке заслуживают признания и уважения, даже

если некоторые ее научные решения иногда ставятся под сомнение новым поколением ученых, занимающихся саамскими исследованиями.

Литература

- Антонова А. А.* Саамско-русский словарь. Мурманск, 2014.
- Афанасьева Н. Е., Антонова А. А., Глухов Б. А., Курич Р. Д., Яковлев Л. Д., Мечкина Е. И.* Саамско-русский словарь. Москва, 1985.
- Денисенко Е.* Саамские будни // Эксперт Северо-Запад, 21 (130) [https://expert.ru/northwest/2003/21/21no-sobsh_51398/] (дата доступа 09.06. 2003)
- Керт Г. М.* Словарь саамско-русский и русско-саамский. Ленинград, 1986.
- Клаус В.* Об алфавите и орфографии литературного языка кольских саамов // Советское финно-угроведение, 1987 (20), 274–281.
- Куруч Р. Д.* Saamen kieli Neuvostoliitossa // *Lapin Kansa*, 25.08.1977, 4.
- Куруч Р. Д., Афанасьева Н. Е., Виноградова И. В.* Правила орфографии и пунктуации саамского языка. Мурманск, 1995.
- Кучинский М. Г.* Проблемы преподавания саамского языка в Мурманской области // Социолингвистическое состояние коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (Вестник Института образования малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской академии образования, 1). 2012, 81–95.
- Саммаллахти П., Хворостухина А.* Unna sám̄i-sā̄m̄ь sā̄m̄ь-sā̄m̄i sāt̄negirj̄jāš. Ohcejohka, 1991.
- Bartens R.* [Рец. Афанасьева и др. 1985] // *Ural-Altische Jahrbücher*, 1988, 8, 247–249.
- Rantala L.* Samerna på Kolahalvön. Deras situation i dag // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1994, 85, 200–204.

Eek A. Probleme der lappischen Sprache und Kultur auf der Konferenz in Lujavr // Советское финно-угроведение, 1984, 20, 237–240.

Everson M. When is a descender not a descender? Kildin Sámi voiceless consonants // Expert Contribution, 13, 09, 1999. <https://web.archive.org/web/20120308152858/http://www.hum.uit.no/a/trond/kildinbackgr.pdf>

Øverland Indra, Berg-Nordlie Mikkel. Bridging the Divides. Ethno-Political Leadership among the Russian Sámi. Oxford, 2012.

Scheller E. Samisk språkrevitalisering i Ryssland. Möjligheter och utmaningar // *K. Andersson* (ed.) Sápmi i ord och bild 1. Stockholm, 2015 [2011], 471–483.

Utvik U. K. Kolasamene. Fra tsarens undersåtter til sovjetiske borgere. Universitetet i Bergen, 1985.

References

Afanas'eva N. E., Antonova A. A., Glukhov B. A, Kurich R. D. Yakovlev L. D., Mechkina E. I. Saamsko-russkii slovar'. Moskva, 1985. (In Russ.)

Antonova A. A. Saamsko-russkii slovar'. Murmansk, 2014. (In Russ.)

Bartens R. [Рец. Афанасьева и др. 1985] // Ural-Altäische Jahrbücher, 1988, 8, 247–249.

Denisenko E. Saamskie budni // Ekspert Severo-Zapad, 21 (130) [https://expert.ru/northwest/2003/21/21no-sobsh_51398/] (data dostupa 09.06. 2003) (In Russ.)

Eek A. Probleme der lappischen Sprache und Kultur auf der Konferenz in Lujavr // Советское финно-угроведение, 1984, 20, 237–240.

Everson M. When is a descender not a descender? Kildin Sámi voiceless consonants // Expert Contribution, 13, 09, 1999. <https://web.archive.org/web/20120308152858/http://www.hum.uit.no/a/trond/kildinbackgr.pdf>

Kert G. M. Slovar' saamsko-russkii i russko-saamskii. Leningrad, 1986. (In Russ.)

Klaus V. Ob alfavite i orfografii literaturnogo yazyka kol'skikh saamov // Sovetskoe finno-ugrovedenie, 1987 (20), 274–281. (In Russ.)

Kuchinskiĭ M. G. Problemy prepodavaniya saamskogo yazyka v Murmanskoi oblasti // Sotsiolingvesticheskoe sostoyanie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nogo Vostoka Rossiiskoi Federatsii (Vestnik Instituta obrazovaniya malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nogo Vostoka Rossiiskoi akademii obrazovaniya, 1). 2012, 81–95. (In Russ.)

Kuruch R. D. Saamen kieli Neuvostoliitossa // Lapin Kansa, 25.08.1977, 4. (In Russ.)

Kuruch R. D., Afanas'eva N. E., Vinogradova I. V. Pravila orfografii i punktuatsii saamskogo yazyka. Murmansk, 1995. (In Russ.)

Øverland Indra, Berg-Nordlie Mikkel. Bridging the Divides. Ethno-Political Leadership among the Russian Sámi. Oxford, 2012.

Rantala L. Samerna på Kolahalvön. Deras situation i dag // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja, 1994, 85, 200–204.

Sammallakhti P., Khvorostukhina A. Unna sámi-sám' sām'-sámi sátnegirjjáš. Ohcejohka, 1991.

Scheller E. Samisk språkvitalisering i Ryssland. Möjligheter och utmaningar // K. Andersson (ed.) Sápmi i ord och bild 1. Stockholm, 2015 [2011], 471–483.

Utvik U. K. Kolasamene. Fra tsarens undersåtter til sovjetiske borgere. Universitetet i Bergen, 1985.

Rießler Michael
University of Eastern Finland
Joensuu, Finland
Рисслер Михаэль
Университет Восточной Финляндии
Йоэнсуу, Финляндия
michael.riessler@uef.fi

Ившин Л. М. и др. Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 00 слов. — Т. 1 (А–О). — Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. — 936 с. — Т. 2 (П–Я). — Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2019. — 1016 с.

Ivshin L. M. et al. Russian-Udmurt Dictionary. 2 Vols. 55,000 words. — Izhevsk: Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, 2019. — Vol. 1 (A–O). — 936 pp. — Vol. 2 (P–Я). — 1016 pp.

DOI: 10.37892/2313-5816-2020-1-230-236

В современных условиях развития межкультурной коммуникации создание двуязычных и толковых словарей приобретает особую актуальность. Двуязычные и толковые словари с широким охватом лексического материала являются важным справочным инструментом, способствующим усвоению мировых достижений и успешной интеграции человеком в современное общество. В конце 2019 г. вышло в свет уникальное издание — двухтомный русско-удмуртский словарь¹,

¹ В 2008 г. был издан «Удмуртско-русский словарь», насчитывающий около 50 тыс. слов. Это был весомый вклад в финно-угорскую филологию. В словарь вошла исконно удмуртская лексика, заимствования, неологизмы, диалекты, архаичная и устаревшая лексика. Широко была представлена общественно-политическая, религиозно-философская, научно-техническая, естественнонаучная, историческая, филологическая и другая терминология. В основу словника легли материалы предыдущих удмуртско-русских и русско-удмуртских словарей, отдельных памятников письменности XVIII–XIX вв., периодической печати, художественной и публицистической литературы, учебников, фольклорно-лингвистических,

подготовленный группой филологов Удмуртского института истории, языка и литературы при Удмуртском федеральном исследовательском центре УрО РАН. Уникальность названного издания заключается в том, что в удмуртской лингвистике оно является первым по объему и разнообразию представленного лексического материала, а также по полноте его описания (в словарной статье представлена смысловая структура слова, его грамматические характеристики, стилистические пометы). Подобных прецедентов не было в удмуртской лингвистике. Не все учителя, преподаватели вузов, журналисты, переводчики, ученые из других финно-угорских республик имеют возможность воспользоваться таким необходимым сегодня содержательным и масштабным трудом. Предыдущий словарь был издан в 1956 г. и включал около 40 000 слов. За 63 года словарь явно устарел и уже не отражал современного состояния словарного состава удмуртского литературного языка, поэтому требовал безотлагательной доработки и переиздания. В предыдущем словаре во многих случаях русские слова были переведены русскими, поэтому в народе получил название «русско-русского».

За время, прошедшее с середины XX в. наше общество, испытало огромные социально-экономические и политические перемены, что привело к неизбежным изменениям понятийной системы и лексического состава языка. В связи с названными изменениями, безусловно, назрела настоятельная необходимость выпуска современного большого русско-удмуртского словаря академического типа. Политическая обстановка в стране даёт свои установки. Учитывая период

диалектологических экспедиций сотрудников УИИЯЛ УрО РАН и др. источников. В период создания словаря работала термино-орфографическая комиссия, которая и помогла сделать словарь интересным и качественным. Он стал очень востребованным общеобразовательной и высшей школой, научными работниками, переводчиками, работниками СМИ и всеми, кто интересуется удмуртским языком.

советского строительства, словарь 1956 г. был перегружен многочисленными заимствованиями политического и атеистического характера. Новый словарь попытался уйти от подобных проблем. Составители постарались максимально отразить удмуртскую лексику современного удмуртского языка.

Во вновь составленном «Русско-удмуртском словаре» нашли отражение свыше 55 000 заглавных слов, открывающих словарную статью. Содержание словника актуализировано за счёт привлечения современной разговорной лексики и специальной терминологии таких сфер, как официально-деловая жизнь, наука, политика, торговля, религия, производство, финансы, экономика, а также архаичной и устаревшей лексики, ставшей вновь востребованной в настоящее время. В словарь вошло также большое количество новых значений, отражающих живые языковые процессы в русской и удмуртской лексике и фразеологии последних лет.

Следует отметить, что в содержании словника нашли отражение материалы ранее вышедших русско-удмуртских, удмуртско-русских и специальных словарей, отдельных памятников удмуртской письменности XVIII–XIX вв., периодической печати, удмуртской художественной и публицистической литературы, учебников, а также материалы фольклорно-лингвистических экспедиций института.

Примечательно то, что по сравнению с «Русско-удмуртским словарём» (1956), взятым за основу, каждая словарная статья рассматриваемого нового словаря отличается тщательной проработкой и значительным объёмом представленного лексического, грамматического и стилистического описания. При этом, как отмечают разработчики словаря, на базе «Большого толкового словаря русского языка» (СПб, 2012) под редакцией С. А. Кузнецова, «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, четырехтомного «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой переработаны семантические структуры заглавных слов

предыдущего «Русско-удмуртского словаря», заменён или расширен иллюстративный материал словарных статей, приведены новые устойчивые сочетания и образные выражения. В то же время новый словарь освободился от некоторой части неактуальной лексики. Следует также отметить, что лексика «Удмуртско-русского словаря» 2008 г. издания вошла в содержание настоящей книги с дополнениями лексико-грамматического и стилистического описания.

Издание нового «Русско-удмуртского словаря» было приурочено к юбилею республики², что предполагает особую ответственность его создателей. Объём подготовленного материала свидетельствуют об интенсивности работы авторов (Т. Р. Душенковой, А. В. Егорова, Л. М. Ившина, Л. Л. Карповой, С. А. Максимова, О. В. Титовой, А. А. Шибанова) над словарем.

В соответствии с установившейся в отечественной лексикографии типологией настоящий словарь может быть охарактеризован как нормативный двуязычный переводной. Его нормативность осуществляется: 1) отбором слов, представляемых в словаре; 2) определением смысловой структуры слова — количества и иерархии его лексико-семантических вариантов; 3) грамматической характеристикой (например: **наши** мест. притяжат. мн. см. **наш** 1); 4) стилистическими пометами, указывающими на сферу употребления слова и его лексико-семантического варианта (например: **волномер** м. тех. тулкым мертан, волномер); 5) примерами словоупотреблений, извлечённых из разных источников (например: **оберег** м. уст. 2. (заклинание) веднан (пелляськон) кыл, утись кыл; ~ **от сглаза** синусёнлэсь утись кыл); 6) орфографией.

Ценным материалом для исследований языковой картины мира русского и удмуртского языков являются приведенные в словарных статьях устойчивые выражения, фразеологизмы,

² 2020 г. — юбилейный. В этом году исполняется 100 лет государственности Удмуртской Республики.

пословицы и поговорки. Так, приведенные к слову уголок словосочетания *уголок души — лул сэрег, уголок природы — инкуазь сэрег, живой уголок — лулос сэрег, красный угол — горд сэрег* показывают полную аналогию в содержательном наполнении слов — элементов приведенных языковых единиц русского и удмуртского языков. Некоторые примеры использования слов показывают особенности в образном выражении некоторых значений в русском и удмуртском языках, например *душевная боль — сюлэм висён* (дословно: ‘сердечная болезн’), *с болью в душе — секыт (ьож) мылкыдын* (дословно: ‘с тяжёлым (грустным) настроением’).

Статьи «Предисловие», «О построении словаря» подготовлены канд. филол. наук Л. М. Ившиным. К словарю в качестве приложений даны: 1) Краткий грамматический очерк удмуртского языка, переработанный и дополненный канд. филол. наук Д. А. Ефремовым и доктором филол. наук Н. В. Кондратьевой с учётом материалов книги по удмуртской морфологии. К очерку прилагается небольшая справка по удмуртским диалектам, подготовленная доктором филол. наук Л. Л. Карповой; 2) Русско-удмуртский указатель названий географических объектов, составленный канд. филол. наук Л. Е. Кирилловой (совместно с канд. филол. наук М. А. Самаровой).

«Русско-удмуртский словарь» представляет собой определённый итог развития русской и удмуртской лексикологии и лексикографии за последние 60 лет и отражает словарный состав современного русского и удмуртского литературного языка. Основной задачей данной работы являлось введение в словник словаря новых слов и значений, вошедших в русский и удмуртский языки и утвердившихся в них за прошедшие годы, а также пополнение и обновление иллюстративного материала, показывающего активное употребление слов в письменной и устной речи носителей языков. В соответствии с этой задачей в новый словарь включена наиболее употребительная часть лексики русского языка — нейтральные,

разговорные, книжные слова, а также термины, относящиеся к широкому кругу научных или технических дисциплин (например: *аура*, *аутентичность* и др.).

«Русско-удмуртский словарь» очень востребован не только в республике, но и за её пределами, в первую очередь в регионах Российской Федерации, где осуществляется изучение родного удмуртского языка в школах: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Пермский край, Кировская область, Свердловская область. Издания нового словаря ждали давно. Открывая совершенно новую страницу функционирования и развития языков современности, он станет весомым вкладом не только в удмуртскую, но и в финно-угорскую филологию. Новинку по достоинству оценят, в первую очередь, специалисты-филологи удмуртского и других финно-угорских языков, учителя, переводчики, работники печати, радио и телевидения, писатели. Словарь может быть полезен и русскоязычному читателю, живущему в условиях двуязычия и интересующемуся удмуртским языком. Любой человек, владеющий русским языком, без особых затруднений найдет полную информацию о лексической единице удмуртского языка, её грамматических и стилистических особенностях, о специфике использования в речи. Использование словаря может быть рекомендовано и при изучении русского языка в средней и высшей школе. Как справочное издание, новый словарь представляет богатейший материал для разработки важных проблем взаимодействия русского и удмуртского языков, изучения языковой картины мира в языках, структурно различающихся вследствие их принадлежности к разным языковым семьям.

Таким образом, издание русско-удмуртского словаря, разработанного филологами Удмуртского института истории, языка и литературы при Удмуртском федеральном исследовательском центре УрО РАН, является важной вехой в развитии русской и удмуртской лексикологии и лексикографии. Использование словаря в образовательном процессе видится необходимым

условием для изучения удмуртского языка, для ведения учебно-исследовательских работ по сопоставлению русского и удмуртского языков. Лексикографическая насыщенность словаря, всеохватность материала, его структурированность, актуальность делают это издание незаменимым источником для научных исследований в области языкознания, межкультурной коммуникации.

Вахрушева Любовь Васильевна

Бюджетное научное учреждение Удмуртской Республики «Научно-исследовательский институт национального образования»

Ижевск, Россия

Vakhrusheva Lyubov Vasilyevna

Scientific-Research Institute of National Education in Udmurtia

Izhevsk, Russia

vlv-18@mail.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

RODNOY YAZYK
Linguistic Journal

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 30.06.2020
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 12,6
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»